

Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум

и межнациональная культура

№ 7 (205)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)

Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, социологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2025

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Иларионова Т.С. Антропология нелояльности: из истории сотрудничества академий общественных наук при ЦК КПСС и при ЦК СЕПГ (1951 - 1989 гг.).....	9
---	---

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петрухин К.Ю. Мнения экспертов (публикации журналов, опора на исторический опыт) в области реинтеграции новых регионов в состав России.....	30
--	----

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Кундич А.Д. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе.....	39
Тыщенко Е.О. Понятие и отличия доменного имени от традиционных средств индивидуализации.....	46

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Суворов В.Л., Парамонов В.В. Характерные черты и особенности использования «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность.....	53
Казанин М.В. Национальная безопасность Турецкой Республики: российское направление.....	60
Данилова Е.В. Влияние российского председательства на развитие БРИКС.....	76

Братов С.В. Угроза новой холодной войны в контексте стратегического соперничества между Китаем и США.....	87
Тюрин Е.А., Савинова Е.Н., Мустафин Д.О. Шотландский стиль в политике: специфические и универсальные проявления. Часть 2.....	95
Кайсар Али, Шахид Ян Аффриди Последствия израильских атак на Сирию в условиях войны в Газе: стратегический и политический анализ.....	104
Ли Цзинъюань, Ли Пэнчэн Исследование культуры крытых мостов в регионах Чжэцзян и Фуцзянь с точки зрения географии человека.....	123
Глебездин А.В. Геополитические аспекты национально-государственной идентичности Украины.....	138
Хуан Минто Языковая политика Казахстана после обретения независимости.....	150
Цуй Цзяньпин О причинах урегулирования пограничного вопроса между Китаем и Россией.....	157
Шахид Ян Аффриди, Лапенко М.В., Кайсар Али Анализ региональной взаимосвязанности государств в рамках ШОС: на примере пакистано-российских отношений.....	167
Герасимов В.М., Стельмак Е.В. Философия геополитики: конкурирующие нарративы треугольника Китай – Тайвань – США.....	184
Аннотации.....	197
Авторы.....	215
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....	219

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдина Т.Н., доктор социологических наук, профессор. Главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета имени В.Г. Шухова.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений. Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной

безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант, военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

Грибанова Г.И., доктор социологических наук, профессор, зав. каф. международных политических процессов Санкт-Петербургского государственного университета.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudina T.N., Doctor of Sociological Sciences, Professor. Chief researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

Bakharev V.V., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Management, Belgorod State Technological University.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mikhailova N.V., Doctor of Political Science, Professor of the Department of National and Federal Relations. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and na-

tional security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councillor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

Gribanova G.I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of Department international political processes of St. Petersburg State University.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

КТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

Иларионова Т.С.

*Доктор философских наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

Антропология нелояльности: из истории сотрудничества академий общественных наук при ЦК КПСС и при ЦК СЕПГ (1951 - 1989 гг.)

Введение

Историческое наследие - это не только вместилище культурных, духовных, государствообразующих ценностей, но и действенный инструмент реальной политики. Для СССР восприятие зарубежными партнерами учения основателя партии нового типа - партии большевиков, организатора Октябрьской революции 1917 года, основоположника государства диктатуры пролетариата В.И. Ленина было проверочным тестом для определения их лояльности по отношению к режиму, устоям, курсу КПСС и советской власти. Победа в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 годов и формирование лагеря социалистических стран серьезно расширили поле для такого рода “проверочных” тестов - учение Ленина требовалось распространять и пропагандировать, оно, в отличие от предвоенного времени, становилось “массовым продуктом”, и социалистические страны, особенно те слои в них, которые отвечали за пропаганду, общественные науки, были серьезным образом в эти процессы вовлечены.

Особым образом выстраивались отношения советских ученых-обществоведов и их коллег из Германской Демократической Республики. Страна, с территории которой в свое время на СССР пошел войной фашизм, ныне представлялась как один из самых надежных внешнеполитических партнеров и союзников, расширялись контакты и между многочисленными организациями “идеологического фронта”, в первую очередь такими партийными образовательными и исследовательскими центрами, как Академия общественных наук при Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза¹ в Москве и Институт (до 1951 года - Социальный исследовательский институт, а с 1976 года - Ака-

1 До 1952 года партия называлась Всесоюзная коммунистическая партия (большевики) - ВКП(б).

демия) общественных наук при ЦК Социалистической единой партии Германии в Берлине.

Было и еще одно важное обстоятельство такого рода сотрудничества: восточные немцы считали себя хранителями наследия Карла Маркса и Фридриха Энгельса уже по одному только факту германского “места рождения” классиков, в свою очередь советские товарищи, продвигавшие учение В.И. Ленина, считали свои теоретические истолкования более важными и правильными, поскольку в новом, со сталинских времен утвердившемся концепте, именно Ленин творчески развил учение Маркса-Энгельса, перенес его на российскую почву благодаря революции и смог не только оказать определяющее влияние на строительство социализма в одной, отдельно взятой стране, но и создать тем самым предпосылки для послевоенной “передачи” самим немцам (восточным) новой формы государственности - диктатуры пролетариата. Заочный, а иногда и очный, в ходе многочисленных совместных конференций ученых двух стран, спор в конечном счете привел к известному охлаждению отношений СССР и ГДР во второй половине 1980-х годов, когда новый этап “творческого развития” учения классиков в виде перестройки не был воспринят руководством СЕПГ, как и немецкими обществоведами, во всем поддерживавшими партийно-государственных деятелей своей страны.

То, как эта эволюция выглядела с течением лет, показывают документы архивов двух стран, в частности, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Федерального архива Германии (BArch). На них при подготовки статьи опиралась автор.

Постановка проблемы

Фактор лояльности/нелояльности соцстран Советскому Союзу был принципиально важным для руководства СССР. Вторая половина 1940-х - начало 1950-х годов, когда эти страны формировались по завершении Второй мировой войны, прошли под знаком общественной турбулентности в Восточной Европе². Весь первый “призыв” руководителей ГДР, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии (Иоганнес Дикман в ГДР, Матьяш Ракоши в Венгрии, Юзеф Адам Зигмунт Циранкевич в Польше, Георге Апостол в Румынии, Эдвард Бенеш в Чехословакии) был устранен в результате либо внутривластной борьбы, либо под советским

2 Naimark N.M. Stalin and the Fate of Europe. The Postwar Struggle for Sovereignty. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2019.

напором, когда в Москве считали, что тот или иной из них недостаточно лоялен Кремлю. Однако, как вскоре выяснилось, восточноевропейский вариант лояльности - это не приверженность СССР навсегда. В этот “костер” постоянно нужно было что-то подкидывать, поддерживать разного рода мероприятиями, созданием условий, экономически, политически, с точки зрения имиджа, коррупционно привлекательных для правящих элит, присягнувших под давлением исторических обстоятельств на верность социализму и советскому руководству.

Но если элитарный выбор был вполне понятен и обоснован прагматичным, а может быть, и расчетливо-циничным подходом новой генерации политиков к принятию правил игры с СССР, то на уровне идеологов шла настоящая борьба за приоритеты, за утверждение собственных позиций. Тем более что эта дружба-соперничество развивалась в условиях искаженной реальности: на фоне вольных интерпретаций прошлого, подогнанных под марксистский шаблон, и с навязанной верой в светлое будущее, которое еще не наступило, но определенно обязано было оказаться таким, как предписано, тогдашнее настоящее полностью противоречило эмпирическому опыту каждого жителя социалистических стран: видно же было, что ни равенства между людьми, ни торжества справедливости в имущественном или правовом положении, ни материального процветания, ни духовного обогащения, как и преимуществ перед капитализмом, нет и в помине. Но идеология детерминировала массовую психологию, и пропагандисты марксизма-ленинизма в двух странах, СССР и ГДР, не только согласовывали друг с другом свои концепции и прогнозы на будущее, но и соперничали в сфере высоких, подчас совершенно вымышленных теоретических построений. Борьба между советской и ГДРовской школами марксизма-ленинизма подспудно началась в конце 1960-х годов, а привела к существенным разногласиям в годы перестройки.

Методология и методы

Методологией исследования стали историзм и компаративизм. Побудительным мотивом для теоретических размышлений стал подход известного американского историка Хейдена Уайта³ о двух “историях” - ради восстановления событий и их понимания в контексте тех места и времени, где и когда они случились, и нынешнего прочтения прошлого для того, чтобы принимать решения, как сегодня действовать, жить. Ав-

3 Уайт Х. Практическое прошлое. – М.: Новое литературное обозрение, 2024.

тору такое разделение кажется искусственным, не отвечающем смыслу и назначению науки. И пример сотрудничества-соперничества идеологов СССР и ГДР по поводу марксизма-ленинизма дает основание пересмотреть дуальный подход к истории: восстановить и проанализировать с современных позиций работу “фабрик мысли” двух стран, какими были родственные академии общественных наук при центральных комитетах правящих партий в Москве и Берлине, - путь к объяснению повторяющихся попыток властных институтов в разных странах придать реальной политике осмысленность и доктринальную обоснованность. Алгоритм возникновения, развития, погружения в кризис господствующих идей (верований) в обществе схож на протяжении веков от режима к режиму. Он сопровождается, как правило, требованиями лояльности к современникам. И послевоенное развитие социалистических концепций, их институционализация - отличное операционное поле для изучения общественных поисков и заблуждений.

Результаты и обсуждения

Согласование интересов

В 1976 году существовавший в Берлине Институт общественных наук при ЦК СЕПГ был по решению Политбюро преобразован в Академию, об этом было сообщено сотрудникам Института 21 декабря 1976 года⁴. Теперь и по своему названию элитарный партийный вуз в ГДР стал похож на своего образовательного собрата в Москве.

К развитию такого рода организаций в социалистических странах Москва относилась со всем вниманием и участием: многие из подобных высших партийных школ, институтов и академий в Венгрии и Румынии, Польше и Чехословакии, Монголии и Китае были под прямым воздействием советских партийных “педагогов” - из СССР поступали учебники и учебные планы, оказывалась помощь в формулировании тем диссертаций и организации научного руководства аспирантами, да и сами внутренние структуры этих вузов формировались часто по образу и подобию того, что в 1946 году было создано в Москве, в Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б)⁵. Так, в 1951 году в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ были кафедры

4 Шостаковский В. Отчет о пребывании в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ с 14 по 18 (включительно) декабря с.г. [1976 год] // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 103. Л. 183.

5 Как это было, в частности, в Румынии автор представила в статье: Ilarionova Tatiana. „Doresc să se prezinte ca parteneri egali”. Relațiile dintre România și URSS în anii 1950 și 1970 în documentele școlilor de partid sovietic // Archiva Moldaviae (Iași, România). 2021.XIII. P. 219-238.

марксистско-ленинской философии; политической экономии; германской истории; теории и истории литературы и искусства; истории КПСС⁶.

Однако после преобразования Института общественных наук при ЦК СЕПГ в Академию проходит и внутренняя реорганизация: вместо кафедр появляются Институты, и среди них уже нет того, который бы специально изучал советский опыт⁷. Вот как выглядела структура Академии после преобразования. Шесть кафедр стали Институтами, а именно: марксистско-ленинской философии, политической экономии социализма, марксистско-ленинской социологии, искусства и теории культуры, международного коммунистического и рабочего движения, научного коммунизма. Осталось только две кафедры: истории немецкого рабочего движения и по исследованию империализма⁸. История КПСС как основа особой организационной единицы из структуры немецкого вуза выпала.

По-новому стала выстраиваться и работа коллег-обществоведов в ГДР. Накануне преобразования Института общественных наук при ЦК СЕПГ в АОН московский командированный В. Шостаковский, бывший в это время ученым секретарем Академии общественных наук при ЦК КПСС, написал подробный отчет о том, как берлинский вуз выглядит и управляется⁹. Он подчеркивал, что Институт, ставший Академией, напрямую подчинен ЦК СЕПГ, выполняет многочисленные поручения ЦК, вписан во все планы работы ЦК - начиная от прямой по заданию партии подготовки кадров и лекционной деятельности вовне до сбора интересующей ЦК научной и текущей общественно-политической информации и подготовки для служебного пользования сборников и брошюр.

Особое внимание автор записки уделил тому, как тематика истории и современного развития СССР и КПСС представлена в образовательном процессе и научных исследованиях Института/Академии в Берлине. Кандидатам к поступлению в аспирантуру, как показывает документ, еще в предварительном порядке, только “на подступах” к ИОН/АОН при ЦК СЕПГ, основательно, говоря современным языком, “промывали мозги”: окружками и отделами ЦК отбор абитуриентов наичнался за два года до их зачисления. Каждый из кандидатов получал от Института/Акаде-

6 Akademie der Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. 1951-1981. Berlin, 1981. P. 10.

7 Arbeitsordnung der Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED (auf der Grundlage der Arbeitsordnung des Apparates des Zentralkomitees der SED vom 23. September 1976). Berlin, den 1.9.1977 // Bundesarchiv (BArch), DY, 30/22153. S. 14.

8 Шостаковский В. Отчет о пребывании в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ с 14 по 18 (включительно) декабря с.г. [1976 год] // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 103. Л. 183.

9 Шостаковский В. Отчет о пребывании в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ с 14 по 18 (включительно) декабря с.г. [1976 год] // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 103. Лл. 180-190.

мии тему вступительного реферата в русле будущей специальности и через два месяца обязан был представить свою работу для оценки партийными органами и вузом. После этого с кандидатом проводилась вступительная беседа. По ее результатам за год до зачисления в аспирантуру формировался подготовительный курс: будущие аспиранты работали в его рамках по специальному учебному плану, предусматривающему главным образом изучение трудов классиков марксизма-ленинизма¹⁰.

В течение первого семестра (сентябрь-февраль) проводились интенсивные лекционные и семинарские занятия по трем циклам: “а) основные вопросы истории КПСС и СЕПГ, мировой системы социализма, опыт и проблемы, стратегия и тактика международного коммунистического и рабочего движения; б) основные вопросы марксистско-ленинской философии и задачи философии в классовой борьбе в современных условиях, здесь также читается ряд лекций по научному коммунизму, в особенности проблемы развитого социализма; в) вопросы политической экономии, ряд лекций посвящается социальной и культурной политике партии”. Эти занятия (с преобладанием семинарских) проводились для всех аспирантов независимо от специальности¹¹. Дальше работа с аспирантами шла по направлениям деятельности кафедр, в соответствии с темами их исследований.

Как указывал историк АОН при ЦК СЕПГ Л. Мертенс, не было ни одной диссертации без цитат Маркса и Ленина, каждый учебный год начинался для студентов первого курса с заучивания цитат из последних речей Хонеккера и решений последнего съезда СЕПГ. Обязательным было чтение классиков марксизма-ленинизма. Даже в инженерных вузах до четверти всего учебного плана составляли именно эти предметы¹². А в Академии общественных наук при ЦК СЕПГ “изобретатели” коммунизма еще больше присутствовали в учебных планах¹³.

Марксизм-ленинизм присутствовал, разумеется, и в научных работах сотрудников и аспирантов братской Академии. На основании исследований и по заданию ЦК СЕПГ готовились информационные материалы различного типа. Выпускались они в нескольких сериях, в частности, се-

10 Шостаковский В. Отчет о пребывании в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ с 14 по 18 (включительно) декабря с.г. [1976 год] // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 103. Л. 184.

11 Шостаковский В. Отчет о пребывании в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ с 14 по 18 (включительно) декабря с.г. [1976 год] // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 103. Л. 185.

12 Mertens, Lothar. Rote Denkfabrik?: Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. – Münster: Lit-Verl., 2004. P. 19.

13 Mertens, Lothar. Rote Denkfabrik?: Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. – Münster: Lit-Verl., 2004. P. 19.

рия “С” была посвящена анализу документов братских партий по актуальным вопросам деятельности¹⁴.

Безусловно, такого рода активность немцев создавала благоприятную основу для совместных с советскими коллегами публикаций. Так, только в 1978/1979 учебном году к выходу в свет было подготовлено семь совместных изданий: “Руководящая роль СЕПГ в строительстве развитого социалистического общества” (на немецком языке); “Марксистско-ленинское учение об идеологии и философские проблемы современной идеологической борьбы”; “Познание и использование экономических законов социализма”; “Научно-техническая революция и религия”; “Научно-техническая революция и ее влияние на развитие культуры и личности”; “Введение в марксистско-ленинскую этику”; “Мораль развитого социализма”¹⁵.

В Москве, естественно, темы диссертационных исследований аспирантов из ГДР в подавляющем своем большинстве были так или иначе связаны с пропагандой советского исторического опыта или осмысления сотрудничества двух партий и стран на современном для авторов этапе. В 1976 году АОН при ЦК КПСС приняла 23 аспирантов из ИОН/АОН при ЦК СЕПГ - для консультаций или стажировок (и это было помимо того, что немцы на постоянной основе в советском вузе учились в аспирантуре). Вот некоторые из ими исследовавшихся тем: Х. Канциг - аспирант ИОН при ЦК СЕПГ - сбор материалов по теме докторской диссертации “История ГДР и содружества с СССР”; Г. Фрейтаг - доцент ИОН при ЦК СЕПГ - сбор материалов по теме докторской диссертации “Развитие теории культурной революции в СССР”; Х. Хауфе - аспирант ИОН при ЦК СЕПГ - сбор материалов по теме диссертации “Экономическое и научно-техническое сотрудничество ГДР и СССР в 60-х годах”; С. Линк - аспирант ИОН при ЦК СЕПГ - сбор материалов по теме диссертации “Сотрудничество КПСС и СЕПГ в 60-х годах”¹⁶.

Накануне перестройки немцами велась усиленная пропаганда советского опыта. Но, что характерно, собственных идеологических сил для этого не хватало. Об этом свидетельствует, в частности то, что в августе 1983 года ЦК Социалистической единой партии Германии обратился в советское посольство с просьбой направить в ГДР группу лекторов для

¹⁴ Шостаковский В. Отчет о пребывании в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ с 14 по 18 (включительно) декабря с.г. [1976 год] // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 103. Л. 188.

¹⁵ Отчет о подготовке и переподготовке в Академии общественных наук при ЦК КПСС кадров работников братских партий и выполнении плана научного сотрудничества Академии с научными и учебными заведениями братских социалистических стран в 1976-1977 гг. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 213. Лл. 14 -15.

¹⁶ Сотрудничество с ГДР // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 213. Л. 41.

участия в обширной программе партийной учебы. Посольство сообщало в Москву: “Осенью 1984 г. в систему партийной учебы в СЕПГ вводится двухгодичный курс по истории и политике КПСС. С начала 70-х годов в занятиях двухгодичных семинарских групп по истории КПСС приняло участие более 630 тыс. членов СЕПГ”¹⁷.

ЦК СЕПГ просил направить в составе дополнительной группы лекторов по таким темам, как “Борьба В.И. Ленина за создание и развитие партии большевиков. Общезначимость ленинского учения о партии нового типа и его значение в наши дни”; “Стратегия и тактика партии большевиков в борьбе за установление диктатуры пролетариата. Всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции, общезначимость ее опыта и уроков”, “КПСС - инициатор и организатор победы в Великой Отечественной войне. Всемирно-историческое значение победы Советского Союза над фашизмом”; “Создание развитого социалистического общества в СССР” и т.д.

Также ЦК СЕПГ просил, чтобы лекторы ЦК КПСС помимо чтения лекций в рамках курса для 300 работников СЕПГ с 5 по 9 декабря 1983 г. выступили бы в партийных школах СЕПГ и на активах пропагандистов в округах¹⁸.

Маркс или Ленин?

Однако уже с 1960-х годов намечается и другой тренд. Немцы активно продвигали свои теоретические идеи, выступали организаторами научных конференций, информационными поводами которых становились самые разные, подчас даже не очень значимые события из жизни Маркса и Энгельса. Например, 12 и 13 сентября 1967 года в Берлине состоялась международная научная конференция, посвященная 100-летию выхода в свет первого тома “Капитала” Карла Маркса¹⁹. Это было, конечно, не случайное мероприятие - менее чем через полтора месяца должно было отмечаться 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции, чему также была посвящена конференция, но уже в Москве. Немецкое ученое собрание фактически вновь должно было продемонстрировать миру социалистических обществоведов, что именно предшествовало событиям в России пять десятков лет назад. На конференцию в Берлин были приглашены представители сорока братских партий, в том числе директор Института марксизма-ленинизма

17 Просьба ЦК СЕПГ // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 301. Лл. 137-138.

18 Просьба ЦК СЕПГ // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 301. Лл. 137-138.

19 Reinhold O. Genossen Ermlich // BAArch. DY 30/86205.

при ЦК КПСС академик П.Н. Федосеев, а также представители не только соцстран, но и стран капиталистических, как и развивающихся - включая Азию, Африку и Латинскую Америку.

Конференция, как писал в своем отчете директор ИОН при ЦК СЕПГ проф. Отто Рейнгольд, “убедительно доказала способность нашей партии, творчески использовать и развивать теорию марксизма-ленинизма”. На конференции выступил первый секретарь СЕПГ Вальтер Ульбрихт. Его доклад был симптоматически назван: “Значение труда Карла Маркса “Капитал” для создания развитой социалистической системы в ГДР и для борьбы против господствующей в Западной Германии государственно-монополистической системы”. Сама эта формулировка была поразительна, потому что впервые о состоянии социалистического общества как “развитого социалистического общества” прозвучало в выступлении Л.И. Брежнева на торжественном заседании 7 ноября 1967 года в его докладе, посвященном 50-летию Октябрьской революции²⁰, то есть позже, чем об этом заявил В.Ульбрихт! Более того, в докладе особо подчеркивалось то, что этот самый “развитой социализм” будет не какой-то кратковременной переходной фазой в движении общества, а “относительно самостоятельной общественно-экономической формацией в эпоху перехода от капитализма к коммунизму”.

Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии (как подчеркивал в своем отчете в ЦК СЕПГ О.Рейнгольд) особо указал на то, что “мастерски выполненный общественный прогноз, данный еще в “Манифесте Коммунистической партии”, Карл Маркс обосновал в первом томе “Капитала”, что в последующем и нашло свое блестящее подтверждение 50 лет назад в Октябрьской революции в России”. Причем, и это был следующий важный тезис доклада В.Ульбрихта, “в ГДР мы представили доказательство [правильности предвидений Маркса] демократического пути к социализму в наших, немецких, условиях”.

25-26 октября 1967 года, также по инициативе Института общественных наук при ЦК СЕПГ, прошла конференция, уже специально посвященная 50-летию Октябрьской революции, но называлась она иначе - “Развитие братских связей между КПСС и СЕПГ как прочная основа для дружбы и всестороннего сотрудничества между ГДР и СССР”²¹. В ней

²⁰ Брежнев Л.И. Пятьдесят лет великих побед социализма. Доклад и заключительная речь на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР в Кремлевском Дворце съездов 3-4 ноября 1967 года // Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 2. 1967-1970. // URL: <https://brezhnev.su/2/>

²¹ Zur Einschätzung der Konferenz vom 25/26.10.1967 // BArch. DY 30/86205.

также приняла участие мощная делегация из Советского Союза. На этом мероприятии выступили член политбюро, секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер и член ЦК КПСС, член президиума Академии наук СССР проф. П.Н. Поспелов. В отчете о мероприятии подчеркивалось полное совпадение позиций по всем ключевым проблемам, которые докладчики представили. “Конференция наглядно показала, что дружба с Советским Союзом стала сердечным делом всех классов и слоев в ГДР”, - с восторгом писал в отчете анонимный представитель ИОН при ЦК СЕПГ. Делался вывод о том, что теоретико-идеологическое единство в работе КПСС и СЕПГ - решающая предпосылка для дальнейшего ускоренного развития сотрудничества во всех прочих общественных сферах.

Но немцы вовсе не довольствовались ролью второго плана в социалистическом “содружестве”, они рассчитывали на активное признание своих экономических достижений и дипломатических способностей по установлению двусторонних связей с компартиями по всему миру. В отчетах сотрудников ИОН при ЦК СЕПГ после конференций в социалистических странах сквозила мысль о том, что разногласия в соцлагере углубляются и на этом фоне отстаивать собственные теоретические позиции не только можно, но и нужно. В то время, как у СССР с целым рядом стран отношения становились все более и более сложными, немцы сохраняли с ними и, особенно, с коллегами по партийным академиям тесные связи и анализировали суть претензий партнеров к “старшему брату” - Советскому Союзу с тем, чтобы строить собственный курс.

Среди этих, последних, была, конечно, Румынская коммунистическая партия. На международной конференции 1970 года в Бухаресте под внушающим уверенностью как раз в отсутствие каких бы то ни было разногласий в соцлагере названием - “Ленинизм и победа социализма в Румынии” - гость из АОН при ЦК СЕПГ в своем отчете сконцентрировался именно на замеченных разногласиях в позициях участников²². Это касалось, прежде всего, вопросов истории: румыны (по мнению анонимного немецкого автора отчета о конференции) пытались принизить значение СССР в освобождении их страны от фашизма и всячески подчеркивали собственный, румынский, вклад в победу над врагом. Что касалось вопросов современности, то румынские теоретики полностью игнорировали в своих докладах роль СССР и социалистического содружества - все доклады румынских ораторов основывались на положениях В.И. Ленина, при этом ни один не упомянул о “творческом развитии ленинских идей

22 1970 fand in Bukarest eine wissenschaftliche Konferenz // BArch. DY 30/86205.

в СССР или об использовании в Румынии советского опыта". Да и упоминания Ленина были этим выступавшим необходимы только для того, чтобы подчеркнуть национальные особенности Румынии, многообразие форм социализма, акцентировать внимание на самостоятельности компартий, суверенитете и невмешательстве в дела других стран как основу социализма; учет национальных особенностей, как подчеркивали ораторы, и есть творческое развитие ленинизма. Сотрудничество с соцстранами, утверждали румынские коллеги, необходимо только для защиты социализма и для борьбы с империализмом, однако в мире есть другие важные институты - такие как ООН, работу Румынии в рамках которого особо выделяли и подчеркивали. Румыны фактически отрицали классовую борьбу, подменяя ее борьбой против империализма. Вообще никак не были в докладах отражены вопросы идеологических противостояний. Более того, "немарксистские, ревизионистские, оппортунистические и социал-демократические воззрения в трудах румынских идеологов спокойно уживаются с ленинскими тезисами, критике они в лучшем случае подвергаются лишь как буржуазные теории и течения", - отмечал в своем отчете немец.

Он подчеркивал: такие расхождения во взглядах - не заблуждения отдельных профессоров и доцентов, это позиция ЦК Румынской компартии. Так, среди выступивших был руководитель отдела пропаганды ЦК РКП, член Академии социальных и политических наук Социалистической Республики Румынии Илие Рэдулеску. Именно он, признав на словах закономерности в развитии социализма, обосновывал исторически и теоретически многообразие форм социализма, особое влияние национальных особенностей на развитие социализма и ведущую роль партии и отвергал какие-либо общие формы и доктрины в социалистическом строительстве. Вторым знаковым докладчиком был заместитель главного редактора журнала "Лумеа" ("Lumea") Константин Флореа. Он сосредоточился на внешней политике и подчеркнул, что характерным для эпохи является оптимистическое развитие сотрудничества со всеми странами, что является главным условием прогресса социализма.

Автор отчета о конференции в Бухаресте анализировал также и выступления представителей других социалистических стран, подчеркивал, что они превозносили роль СССР и КПСС в построении социализма. Однако при более подробном разборе отдельных выступлений становилось ясно, что и докладчики, и сам немец-автор отчета далеко не во всем разделяли безоговорочную поддержку советских товарищей.

Так, венгерский выступавший акцент делал на преодолении событий 1956 года, когда в ВНР были введены советские танки и сменено руководство правящей партии и страны и речь об интернационализме КПСС и позитивной роли СССР не велось.

Показательно, что в конференции в Бухаресте принимали участие и “еврокоммунисты” (по терминологии КПСС) - представители компартий Франции, Бельгии, Югославии, которые подчеркивали необходимость развития демократии в соцстранах и борьбу с догматизмом. Более того, румыны в предварительном порядке пытались склонить делегации отдельных стран, в том числе и посланцев ГДР, к тому, чтобы не было нападков на отдельных “ренегатов”, чтобы была смягчена критика в отношении социал-демократов, в целом, чтобы “в духе Ленина” шла “борьба за сохранение единства коммунистического движения”. Результат был позитивный: никаких имен и отдельных партий как объектов нападков никто в докладах не упоминал, “в том числе советские, польские и чехословацкие товарищи” отказались от подобных инвектив.

Разногласия между “братьями”?

Это не были просто разногласия между “братьями”. Речь шла о таких фундаментальных вещах, как теория марксизма-ленинизма - кто именно будет определять направление развития идей стран социализма, кто войдет в пантеон ведущих мыслителей соцлагеря. Именно появление социалистических стран заставило СССР пересмотреть основную доктрину продвижения к коммунизму - необходимость установления диктатуры пролетариата и, как следствие, сталинское усиление классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму²³. Кстати, вплоть до середины 1980-х годов идея диктатуры пролетариата активно распространялась в СССР, пропаганда учения классиков о диктатуре пролетариата содержалась во всех учебниках СССР - и для школы, и для вузов²⁴.

Современные исследователи в Германии делают акцент на том, что пример Югославии²⁵ и “еврокоммунистов” в таких странах, как Италия и Франция²⁶, сыграли свою значительную роль в развенчании принципа

23 Сталин И.В. Диктатура пролетариата: Из книги «О Ленине и ленинизме». – [Харьков]: Пролетарий, 1925.

24 Ленин В.И. О диктатуре пролетариата: [Сборник] / В. И. Ленин. - 2-е изд. – Москва: Прогресс, 1982; Маркс К. О диктатуре пролетариата: [сборник] / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин; [авт. предисл. В.Т. Калтахчан]. - 2-е изд., доп. – Москва: Политиздат, 1983.

25 Calic M.-J. Jugoslawiens „dritter Weg“: Wesen und Wandel des Systems der Arbeiterselbstverwaltung // Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision / Mike Schmeitzner (Hrsg.). – Baden-Baden : Nomos, 2022. P. 231-248.

26 Dörr N. Die Transformation des Kommunismus. Der Eurokommunismus und die „Diktatur des Proletar-

“диктатуры пролетариата”, тогда как сами соцстраны смогли освободиться от этой доктрины, якобы, только после “поворота” 1989 года²⁷. Архивные материалы “красной фабрики мысли” - Института/Академии общественных наук при ЦК СЕПГ опровергают это: уже после провозглашения построения в Восточной Европе “развитого социализма” в темах конференций главного партийного вуза ГДР как внутриорганизационных, так и с международным участием, в том числе с участием советских коллег, нет и речи о диктатуре пролетариата как основы современных социальных процессов и государственного строительства. Например, в 1971 году на совместном симпозиуме обществоведов СССР и ГДР, где с большими докладами выступили заместитель ректор АОН при ЦК КПСС Г. Глезерман и директор Института общественных наук при ЦК СЕПГ О. Рейнгольд, уже не было ни одного позитивного доклада на эту тему. Да, еще рассматривались “процессы становления социализма”, где как исторический и ушедший в прошлое этап упоминалась вскользь диктатура пролетариата, но главное внимание было обращено на ревизионистские теории (“рыночного социализма”, “социализма с человеческим лицом”) и новую концепцию “развитого социализма”, стрелы же жесткой критики были направлены, например, в докладе немца Й. Герберта против Китая - “Дискуссии о маоистской теории продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата”²⁸.

Конечно, пример таких стран, как Венгрия, Китай, Румыния, Югославия, для немцев в Восточной Германии был показательным в том смысле, что можно и нужно было спорить с представителями КПСС о принципиальных проблемах собственного развития. И если китайцы придерживались архаично-догматических позиций сталинского времени, то европейские коммунисты и социал-демократы от этого решительно отказывались, в промежуточном положении были страны соцлагеря, в частности немцы в ГДР, которые начинают вести собственную линию в толковании общественных процессов и закономерностей. Они не могли и не хотели напрямую идти против советского влияния и не демонстрировали открытой нелояльности советскому руководству, как это позволяли себе венгры, китайцы, румыны и югославы в 1970-х - 1980-х годах. Но и роль умиротворяющего стороны посредника

iats“//Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision / Mike Schmeitzner (Hrsg.). – Baden-Baden : Nomos, 2022. P. 249-272.

27 Thieme T. Zwischen Revolutionsfolklore und Totalrevision.(Post-)Kommunistische Parteien in Ostmitteleuropa // Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision / Mike Schmeitzner (Hrsg.). – Baden-Baden : Nomos, 2022. P. 273-288.

28 Bericht // BArch. DY 30/86205.

им не очень-то хорошо удавалась. Советский Союз не воспринимал ГДР как медиатора в мире соцстран, напротив, политика СССР преследовала цель сепаратного развития отношений с каждой из стран под идеологическими лозунгами сохранения единства соцлагеря и исторической правоты дела и опыта КПСС для всего мира.

Год от года курс СЕПГ по отстаиванию собственных национальных интересов, популяризации практик ГДР по развитию социалистического хозяйствования, государственного управления, социалистической демократии и идеологического “воспитания масс” среди других как социалистических, так и капиталистических стран становится все более и более наступательным. Этому способствовали, в частности, как участвовавшие командировки руководства Академии общественных наук при ЦК СЕПГ в названные соцстраны, так и разного рода визиты по приглашениям компартий в капиталистические страны. Так, ректор АОН, профессор Отто Рейнгольд особенно любил ездить именно в капиталистические страны, хотя и в Москве ему доводилось бывать много раз. Вот несколько выдержек из его личного дела: 24 января 1981 года - ФРГ; с 4 по 18 июля 1981 года - Австрия; с 28 октября по 6 ноября 1981 года - Япония; с 14 по 16 мая 1982 года - снова Япония; с 28 по 30 января 1983 года - с делегацией в Западном Берлине. Кроме этого довольно часто в списке его командировок встречаются Бельгия, Франция, Италия и т.д. В Москве он бывал примерно раз в год, например: с 15 по 17 мая 1979 года и с 15 по 17 апреля 1980 года. Отдыхать он предпочитал с семьей в Румынии²⁹.

Советские наблюдатели из АОН при ЦК КПСС видели изменения этого курса у немцев и в отчетах о посещении ГДР писали об этом. Например, профессор К.Суворов отмечал в 1977 году: “В ходе лекций выяснилось, что в печати ГДР не публиковался текст нового проекта Конституции СССР и текст государственного гимна СССР. Многие товарищи спрашивали (даже в партийной школе г. Котбуса), где можно прочитать новый проект Конституции СССР. Из вопросов видно также, что вопрос о диктатуре пролетариата волнует многих и что этот принципиальный вопрос для многих является недостаточно ясным. Некоторые товарищи полагают, что общенародное государство в СССР есть высшая форма диктатуры пролетариата, а некоторые представляют себе дело так, что советские коммунисты отказываются от диктатуры пролетариата вообще. Из этого также можно сделать вывод, что для многих из членов СЕПГ, даже из числа партийного актива, позиция КПСС по вопросу о диктатуре

29 BArch. DY 30/93081. S. 51-63.

пролетариата мало известна”³⁰.

Был и еще один очень важный аспект проблемы: зримо изменялась обстановка в мире, особенно после заключения Московского договора 12 августа 1970 года между СССР и ФРГ о признании границ³¹ и проведения Хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1975 году. Немцы были обеспокоены расширявшимися контактами СССР с ФРГ, видели в этом угрозу существованию ГДР, опасались ослабления собственных позиций в мире, что, по их представлению, было чревато серьезными внутривнутриполитическими переменами. И в подобных оценках происходящего уже остро ощущались разногласия между советским руководством и руководством ГДР.

В отчете о командировке в ГДР аспиранта АОН при ЦК КПСС Н.И. Булгакова, датированном 6 января 1971 года, прямо отмечалось, что “специалисты по проблемам Западной Германии выполняют в ГДР огромной важности политическую работу - находясь на переднем крае острой идейно-политической борьбы, они повседневно и активно борются против влияния буржуазной и реформистской идеологии. Но в отдельных случаях острота борьбы приводит к отходу от научной объективности. Это проявляется в оценке внутривнутриполитического курса руководства СЕПГ, которая сводится к мнению, будто “для нас” политика внутренних реформ Брандта “опаснее”, чем курс ХДС/ХСС, ибо позволяет в известной мере “снять” социальную напряженность и таким образом “укрепить” систему империализма. При этом из понятия “для нас” как бы выпадают западно-германские трудящиеся.

Эти и некоторые другие спорные, на мой взгляд, положения содержатся в текущих официальных материалах, а также в капитальном труде “Империализм ФРГ”, подготовленном в 1971 году коллективом названной выше кафедры [кафедра Империализмусфоршунг].

Эти вопросы тактично, с уважением к мнению ученых, но достаточно откровенно, затрагивались мною в беседах с немецкими товарищами. Часто возникали интересные дискуссии, но в отдельных случаях реакция была болезненной...”³².

Год от года разногласия только множились. В 1977 году доцент московской АОН Н.А. Зотова писала после контактов с коллегами в Бер-

30 Суворов К. Отчет о работе в составе группы лекторов ЦК КПСС, выезжавшей в ГДР (с 5/IX по 16/IX-1977 г.) // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 103. Лл. 210-211.

31 О Московском договоре между СССР и ФРГ // URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/o-moskovskom-dogovore-mezhdu-sssr-i-frg/

32 Отчет о научной командировке аспиранта кафедры международного коммунистического и рабочего движения АОН при ЦК КПСС Булгакова Н.И. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 103. Лл. 26-28.

лине о подходах немцев к выпуску совместной с советскими авторами книги:

“Немецкие товарищи неоднократно подчеркивали, что в условиях острой идеологической конфронтации, в которой они находятся, и очень конкретно адресованной империалистической пропаганды любая несогласованность позиций или нюансы в точках зрения, дающие даже намек на противоречия между ГДР и СССР, были бы активно использованы нашими идейными противниками. Поэтому немецкие друзья просили не останавливаться на нюансах подхода отдельных социалистических стран к проблемам действия механизма социалистической интеграции, а сосредоточить свои усилия главным образом на принципиальных общетеоретических и социально-политических положениях. При этом немецкие друзья полностью согласились с концепциями глав советских авторов, изложенными в представленных им аннотациях этих глав”³³.

К началу 1980-х годов разногласия принимают уже какую-то организационную форму. В своем отчете преподавательница немецкого языка из АОН при ЦК КПСС Е.А. Лебедева, побывав в ГДР на курсах повышения квалификации, пишет: “Обращает на себя внимание стремление руководителя курсов К.В. Кокошко оказывать давление на свой коллектив в плане ограничения общения с преподавателями из СССР: его присутствие сковывает немецких преподавателей. Создает атмосферу сдержанности и отчужденности, во время же его отсутствия они общительны, держатся приветливо и внимательно. Один из работников курсов (Вольфганг Арндт) говорил, что при отъезде преподавателей на курсы усовершенствования в Москву (системы Института русского языка им. А.С. Пушкина или МГУ) К.В. Кокошко дает рекомендации не поддерживать отношения с преподавателями АОН и не посещать самой Академии.

Следует отметить и некоторые негативные высказывания К.В. Кокошко, в частности, в адрес советских солдат, которые приглашались ранее на встречу со слушателями подготовительных курсов, а также попытки К.В. Кокошко задавать вопросы, унижающие достоинство советского человека.

К.В. Кокошко указывал, например, на недостаточность поставок нефти из СССР в ГДР, на повышение цен на нефть и на то, что ГДР сможет в ближайшее время обходиться без советской нефти за счет новой техно-

³³ Отчет о командировке в ГДР Н.А. Зотовой, кандидата экономических наук, доцента кафедры советской экономики и основ научного управления народным хозяйством ВППШ при ЦК КПСС 21-25 ноября 1977 г. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 198. Л. 13.

логии использования бурого угля”³⁴.

Советскую перестройку правящие круги ГДР встретили с глухим негодованием. Точно так же, как и развенчание культа личности Сталина в 1956 году ударило по положению руководства СЕПГ, ныне горбачевское “новое мышление” создавало явную угрозу государственному строю стран. Вот как это отразилось в отчете советских коллег из АОН при ЦК КПСС:

«Представитель СЕПГ М. Хорнакк построил свое выступление в уже ставшей традиционной для обществоведов ГДР манере: акцентировка успехов в развитии страны, уход от обсуждения проблем демократизации общественной жизни и пространные рассуждения по сюжетам, так или иначе к этой теме относящимся. В данном случае практически всё выступление свелось к истории становления многопартийности и особенностях функционирования в этой связи политсистемы ГДР»³⁵.

Заключение

Историю отношений двух партий и академий можно представить как забег с попеременным обгоном друг друга: если на старте в 1950-х годах все советские идеологемы принимались в ГДР без всякого критического осмысления, то позже обнаружила себя тенденция к демократизации внутривнутриполитической жизни в Восточной Германии, однако, когда в СССР была объявлена перестройка, в ГДР нажали на тормоз в проведении реформ, что не спасло страну от краха в 1989-1990 годах и в значительной степени предопределило коренные перемены и в самом СССР.

Социалистическое содружество с течением времени, как всякая система, накапливала ошибки и противоречия, внутренние несогласования и подозрительность. Страны-союзницы СССР не желали жесткого контроля со стороны “советских товарищей”, очевидна была усталость от созданной еще Сталиным формы взаимоотношений. Кроме того, очевидным было и то, что под давлением обстоятельств внешних - осуждения в 1956 году культа личности Сталина, начала в 1970 году политики разрядки, наконец, объявления в СССР перестройки в 1985 году - встречало плохо скрываемое сопротивление и недовольство партнеров в соцлагере, потому что там фактически все то время, что прошло

34 Отчет старшего преподавателя кафедры русского языка АОН при ЦК КПСС Лебедевой Евгении Алексеевны о служебной командировке в партийную школу им. К.Либкнехта при ЦК СЕПГ (ГДР, Кляйнмахнов) с 15 мая по 15 июля 1982 г. // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 301. Л. 45-46.

35 Понов Б.С. Об итогах научно-практической конференции “Опыт работы партийных комитетов в условиях дальнейшего развития демократии в жизни партии и общества” [23 ноября 1987 г.] // РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 472. Л. 8.

с момента смерти И. Сталина, не было смены элит, и они, эти элиты, не были готовы к тем трансформациям, что предлагало руководство КПСС и Советского Союза.

Политика соцстран, формировавшаяся нелояльностью с их стороны к КПСС принуждала советское руководство вырабатывать новые концепции социального и государственного развития. Но и на этом поприще шла своя борьба - за первенство выдвижения прогрессивных идей, за закрепление примата национальных интересов, в отстаивании суверенитета - в том числе в проведении идеологических кампаний. Из социалистических стран на протяжении десятилетий фронду составляли Китай, Румыния, Югославия. Первой разрушить социализма попыталась Польша. На этом фоне отношения с ГДР казались прочными и безоблачными. Однако подспудно именно здесь развивались негативные тенденции, приведшие в конечном счете к массовым демонстрациям против социализма по всей ГДР в 1989 году и разрушению Берлинской стены, что привело соцлагерь к окончательному краху.

Эта история важна и для понимания современных проблем. Нужно признать, что сегодняшнее стремление дистанцироваться от России у многих стран Восточной Европы в значительной степени продиктовано опытом советского времени - времени идеологических принуждений и ущербного суверенитета. Сформировавшаяся тогда нелояльность имеет, как оказывается, долговременный эффект.

Список литературы:

1. Ленин В.И. О диктатуре пролетариата / В.И. Ленин. - 2-е изд. - Москва: Прогресс, 1982.
2. Маркс К. О диктатуре пролетариата: [сборник] / К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин; [авт. предисл. В. Т. Калтахчян]. - 2-е изд., доп. - Москва: Политиздат, 1983.
3. Мосякин А.Г. Ленин и революция. Диктатура пролетариата и русофобия. - Москва: Вече, 2024.
4. Сталин И.В. Диктатура пролетариата: Из книги «О Ленине и ленинизме». - [Харьков]: Пролетарий, 1925.
5. Уайт Х. Практическое прошлое. - М.: Новое литературное обозрение, 2024.
6. Calic M.-J. Jugoslawiens „dritter Weg“: Wesen und Wandel des Systems der Arbeiterselbstverwaltung // Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision / Mike Schmeitzner (Hrsg.). - Baden-Baden: Nomos, 2022. P. 231-248.
7. Dörr N. Die Transformation des Kommunismus. Der Eurokommunismus und die „Diktatur des Proletariats“ // Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision / Mike Schmeitzner (Hrsg.). - Baden-Baden: Nomos, 2022. P. 249-272.
8. Ilarionova Tatiana. „Doresc să se prezinte ca parteneri egali“. Relațiile dintre România și URSS în anii 1950 și 1970 în documentele școlilor de partid sovietic // Archiva Moldaviae (Iași, România). 2021. XIII. P. 219-238.
9. Mertens, Lothar. Rote Denkfabrik?: Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. - Münster: Lit-Verl., 2004.
10. Naimark N.M. Stalin and the Fate of Europe. The Postwar Struggle for Sovereignty. - Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2019.
11. Thieme T. Zwischen Revolutionsfolklore und Totalrevision. (Post-)Kommunistische Parteien in Ostmitteleuropa // Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision / Mike Schmeitzner (Hrsg.). - Baden-Baden: Nomos, 2022. P. 273-288.
12. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Казачество. 2023. № 66 (1). С. 11-18.

13. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.
14. Щупленков Н.О., Рябова Е.Л. Роль фактора времени в политической культуре // *Культура Мира*. 2022. Т. 10. № 26 (1). С. 75-86.
15. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Пограничная река: ее лимнологические преимущества, геополитические водовороты и омуты // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 6. (№ 41). С. 149-158.
17. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Геопсихология и геополитика цветных линий // *Казачество*. 2022. № 59 (2). С. 9-18.
18. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Острова и государственные границы: история, культура, столкновение цивилизаций // *Власть истории – История власти*. 2024. Том 10. Часть 7. № 57. С. 70-78.
19. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Чумаки и казаки: опыт сравнительного исследования // *Казачество*. 2022. № 62 (5). С. 42-50.
20. Рябова Е.Л. Закон необходимого разнообразия применительно к культуре социального управления (размышления, вызванные монографией «Вклад высшего образования в культуру социального управления») // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 1. (№ 36). С. 126-137.
21. Чапкин Н.С. Современные педагогические технологии и методы // *Альманах «Казачество»*, 2024. № 75 (2). С. 137-144.
22. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Экономическое, политическое и кросс-культурное значение отелей // *Альманах Крым*. 2022. № 31. С. 61-72.
23. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // *Альманах «Казачество»*, 2023. № 66 (1). С. 11-18.
24. Байханов И.Б. Геополитическая культура: как корабль ты назовешь // *Миссия конфессий*. 2021. Т. 10. № 5 (54). С. 519-524.
25. Рябова Е.И., Рябова Е.Л. Дихотомия культуры: конфликт ценностей экологии и экономики // *Альманах Крым*. 2022. № 32. С. 11-19.
26. Кантаева О.В., Рябова Е.Л. Региональные аспекты реализации государственных инициатив по стимулированию активного долголетия и физической активности пожилых граждан // *Альманах Крым*. 2022. № 32. С. 42-51.
27. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // *Культура Мира*. 2024. Т. 12. № 37 (2). С. 14-23.
28. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Явные и скрытые смыслы забастовок // *Власть истории и история власти*. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 30-42.
29. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Некоммерческие и коммерческие медицинские организации: теоретические аспекты осуществления деятельности // *Власть истории – История власти*. 2024. Том 10. Часть 3. (№ 53). С. 12-21.
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. 80-лет парад на красной площади: историко-культурный и геополитический смыслы парадов // *Казачество*. 2021. № 57 (7). С. 9-18.
31. Байханов И.Б. Особенности управления человеческими ресурсами в условиях глобальных перемен // *Власть истории и история власти*. 2022. Т. 8. № 1 (35). С. 20-29.
32. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Связь времен и смыслов: священные деревья // *Миссия конфессий*. 2019. Том 8. Часть 2 (№ 37). С. 133-142.
33. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Православные основы самоидентификации российского казачества: история и современность // *Казачество*. 2019. № 38 (2). С. 35-44.
34. Байханов И.Б. Формирование цифровых компетенций в условиях трансформации образовательных систем // *Миссия конфессий*, 2021. Т.10. № 7 (56). С. 705-712.

Bibliography

1. Lenin V.I. On the Dictatorship of the Proletariat / V.I. Lenin. - 2nd ed. – Moscow: Progress, 1982.
2. Marx K. On the Dictatorship of the Proletariat: [collection] / K. Marx, F. Engels, V.I. Lenin; [author's foreword V.T. Kaltakhchyan]. - 2nd ed., suppl. – Moscow: Politizdat, 1983.
3. Mosyakin A.G. Lenin and the Revolution. Dictatorship of the Proletariat and Russophobia. – Moscow: Veche, 2024.
4. Stalin I.V. Dictatorship of the Proletariat: From the book "On Lenin and Leninism". – [Kharkov]: Proletariy, 1925.
5. White H. The Practical Past. – M.: New Literary Review, 2024.
6. Calic M.-J. Jugoslawiens „dritter Weg“: Wesen und Wandel des Systems der Arbeiterselbstverwaltung // *Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision / Mike Schmeitzner (Hrsg.)*. – Baden-Baden: Nomos, 2022. P. 231-248.
7. Dörr N. Die Transformation des Kommunismus. Der Eurokommunismus und die "Diktatur des Proletariats" // *Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision / Mike Schmeitzner (Hrsg.)*. – Baden-Baden: Nomos, 2022.

P. 249-272.

8. Ilarionova Tatiana. "Doresc să se prezinte ca parteneri egali." Relațiile dintre România și URSS în anii 1950 și 1970 în documentele școlilor de partid sovietic // *Archiva Moldaviae* (Iași, România). 2021. XIII. P. 219-238.
9. Mertens, Lothar. *Rote Denkfabrik?: Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED*. – Münster: Lit-Verl., 2004.
10. Naimark N.M. *Stalin and the Fate of Europe. The Postwar Struggle for Sovereignty*. – Cambridge, Massachusetts, London, England: The Belknap Press of Harvard University Press, 2019.
11. Thieme T. *Zwischen Revolutionsfolklore und Totalrevision. (Post-)Kommunistische Parteien in Ostmitteleuropa* // *Die Diktatur des Proletariats: Begriff - Staat - Revision* / Mike Schmeitzner (Hrsg.). – Baden-Baden: Nomos, 2022. P. 273-288.
12. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // *Cossacks*. 2023. № 66 (1). P. 11-18.
13. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical Security — the Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // *Culture of Peace*. 2024. Vol. 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.
14. Shchuplenkov N.O., Ryabova E.L. The Role of the Time Factor in Political Culture // *Culture of Peace*. 2022. Vol. 10. № 26 (1). P. 75-86.
15. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // *Culture of Peace*. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Border River: Its Limological Advantages, Geopolitical Whirlpools and Pools // *Culture of the World*. 2024. Volume 12. Issue 6. (№ 41). P. 149-158.
17. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Geopsychology and Geopolitics of Colored Lines // *Cossacks*. 2022. № 59 (2). P. 9-18.
18. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Islands and State Borders: History, Culture, Clash of Civilizations // *The Power of History – The History of Power*. 2024. Volume 10. Part 7. № 57. P. 70-78.
19. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Chumaks and Cossacks: an experience of comparative research // *Cossacks*. 2022. № 62 (5). P. 42-50.
20. Ryabova E.L. The Law of Necessary Diversity as Applied to the Culture of Social Management (Reflections Sparked by the Monograph "The Contribution of Higher Education to the Culture of Social Management") // *Culture of the World*. 2024. Volume 12. Issue 1. (№ 36). P. 126-137.
21. Chapkin N.S. Modern Pedagogical Technologies and Methods // *Almanac "Cossacks"*, 2024. № 75 (2). P. 137-144.
22. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Economic, political and cross-cultural significance of hotels // *Almanac Crimea*. 2022. № 31. P. 61-72.
23. Ryabova E.L. On the Unity of Education and Upbringing: Institutional Discourse // *Almanac "Cossacks"*, 2023. № 66 (1). P. 11-18.
24. Baykhanov I.B. Geopolitical Culture: What Will You Name the Ship // *Mission of Confessions*. 2021. Vol. 10. № 5 (54). P. 519-524.
25. Ryabova E.L., Ryabova E.L. Dichotomy of Culture: Conflict of Values of Ecology and Economics // *Almanac Crimea*. 2022. № 32. P. 11-19.
26. Kantaeva O.V., Ryabova E.L. Regional Aspects of the Implementation of State Initiatives to Stimulate Active Longing and Physical Activity of Elderly Citizens // *Almanac Crimea*. 2022. № 32. P. 42-51.
27. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring accessibility of medical care // *Culture of the World*. 2024. Vol. 12. № 37 (2). P. 14-23.
28. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Explicit and hidden meanings of strikes // *The power of history and the history of power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 30-42.
29. Ryabova E.L., Chapkin N.S. Non-profit and commercial medical organizations: theoretical aspects of the implementation of activities // *The power of history - History of power*. 2024. Volume 10. Part 3. (№ 53). P. 12-21.
30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. 80th Anniversary of the Parade on Red Square: Historical, Cultural and Geopolitical Meanings of Parades // *Cossacks*. 2021. № 57 (7). P. 9-18.
31. Baykhanov I.B. Features of Human Resource Management in the Context of Global Change // *The Power of History and the History of Power*. 2022. Vol. 8. № 1 (35). P. 20-29.
32. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. The Connection of Times and Meanings: Sacred Trees // *Mission of Confessions*. 2019. Vol. 8. Part 2 (№ 37). P. 133-142.
33. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Orthodox foundations of self-identification of the Russian Cossacks: history and modernity // *Cossacks*. 2019. № 38 (2). P. 35-44.
34. Baykhanov I.B. Formation of digital competencies in the context of the transformation of educational systems // *Mission of confessions*, 2021. Vol. 10. № 7 (56). P. 705-712.

Р

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Российский университет транспорта (МИИТ)

Петрухин К.Ю.

*Аспирант. Государственное управление и отраслевые политики,
кафедра «История» Российского университета транспорта.*

Мнения экспертов (публикации журналов, опора на исторический опыт) в области реинтеграции новых регионов в состав России

В своей работе В.П. Милецкий (д.полит.н., профессор СПбГУ) проводит комплексный анализ политических, социально-экономических и идеологических последствий возвращения Крыма в состав России в 2014 году [1]. Автор рассматривает крымский кейс как точку отсчёта масштабных мегатрендов в политическом развитии страны, включая внешнеполитическую конфронтацию с Западом, консолидацию политической элиты, изменение парадигмы внутреннего развития и возрождение идеи евразийской интеграции. Он утверждает, что возвращение Крыма сопровождалось изменением баланса внутри российской власти и стало триггером для усиления авторитарных тенденций как ответа на внешнее давление, прежде всего в виде санкций. Милецкий аргументированно связывает процессы реинтеграции с кризисом украинской государственности, указывая на несостоятельность унитарной модели и важность самоопределения народов в условиях политического вакуума. Особый акцент сделан на том, что крымская реинтеграция произошла не в результате сепаратизма, а как реакция на нарушение конституционного порядка на Украине. Автор также анализирует конфронтационный и модернизационный сценарии развития, показывая, что выбор в пользу первого был обусловлен необходимостью укрепления легитимности и суверенитета в условиях внешнего давления. По его мнению, устойчивость государственной модели в новых условиях обеспечивается переходом к стратегии социально-политической консолидации, сопровождаемой переориентацией с Запада на Восток, а также активизацией проектов интеграции в рамках ЕАЭС.

Исторический опыт, проанализированный В.П. Милецким, можно рассматривать в качестве концептуальной основы для реинтеграции Донецкой, Луганской, Запорожской и Херсонской областей в российское правовое и социокультурное пространство. Во-первых, ключевым

фактором, актуальным и для этих территорий, является разрушение легитимного политического процесса на Украине, приведшее к расколу общества и утрате доверия к центральной власти. Это, как и в случае Крыма, формирует правовую и моральную базу для применения принципа самоопределения. Во-вторых, модель политической консолидации, реализованная в посткрымский период, остаётся актуальной и требует адаптации к местной специфике новых субъектов. Важно обеспечить институциональную устойчивость путём выстраивания вертикали власти, интеграции в российскую политико-правовую систему и последовательной информационной политики, направленной на формирование позитивного имиджа центра.

Также важной стратегией, по аналогии с крымским кейсом, станет мобилизация лояльных элит и ограничение влияния олигархических групп, стремящихся к переформатированию локальной власти под старую (украинскую) систему. Милецкий подчеркивает важность внешнеполитического признания, но и отмечает, что в случае отсутствия такового легитимность может быть обеспечена внутренней поддержкой населения что и наблюдается в новых регионах. Опыт Крыма доказывает: ключ к долгосрочной интеграции лежит в инфраструктурной модернизации, социальной стабильности и культурной идентичности. В этих условиях и новые регионы должны стать частью мегапроекта евразийской реинтеграции с акцентом на суверенитет, самоопределение и экономическое сближение с восточными партнёрами. Так, переосмысление крымского опыта, предложенное В.П. Милецким, позволяет рассматривать присоединение ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей не как исключение, а как логическое продолжение процесса восстановления исторической целостности страны в условиях глобальной геополитической трансформации.

В статье А.Ю. Труфанова (кандидат исторических наук, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН) «Реинтеграция Крыма в Россию. Взгляд из провинции» представлена оценка крымского вопроса сквозь призму регионального общественного восприятия и экспертных мнений вне столичного дискурса [2]. Автор подчёркивает, что провинциальная Россия воспринимает воссоединение Крыма с Российской Федерацией в большей степени как естественное и справедливое историческое восстановление, нежели как геополитическое столкновение. По данным наблюдений, уровень поддержки реинтеграции в регионах оказался даже выше, чем в Москве, несмотря на существование критических точек зрения.

Ценным аспектом статьи является то, что оценка реинтеграции дана не только с политической, но и с социоэкономической и информационной перспектив. Отмечаются две основные проблемные зоны: во-первых, недостаточность туристической компенсации — внутренний туризм не в полной мере восполнил утрату иностранных потоков; во-вторых, информационные провалы в освещении инфраструктурных трудностей, таких как дефицит воды для сельского хозяйства. Наряду с этим подчеркивается, что крымский кейс стал символом восстановления статуса России как великой державы, а реакция населения объясняется усталостью от 1990-х годов и потребностью в политической и национальной мобилизации. Также фиксируются последствия в виде санкций и роста цен, однако в восприятии общества это оказалось приемлемой ценой за возвращение региона.

Материалы А.Ю. Труфанова позволяют сделать несколько практико-ориентированных выводов, напрямую применимых к текущим процессам интеграции Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей. Во-первых, опыт Крыма показывает, что устойчивость реинтеграции во многом определяется не только политико-правовыми действиями центра, но и уровнем локальной поддержки и регионального восприятия. Поэтому важно формировать позитивную, узнаваемую символику воссоединения с Россией в массовом сознании населения новых территорий.

Во-вторых, информационная стратегия реинтеграции должна быть глубоко регионализирована: недопустимо игнорировать локальные проблемы (вода, дороги, медицинская инфраструктура, связь), поскольку это может разрушить лояльность на местах. Даже мощная общегосударственная пропаганда не заменяет точечную работу с болевыми точками в коммуникации с населением, как это видно из кейса с замалчиванием водной проблемы Крыма.

В-третьих, необходимо учитывать ценностные ожидания общества. Как подчёркивает Труфанов, ключевая общественная эмоция после присоединения Крыма — это гордость за восстановление великодержавности. Этот фактор должен стать основой для проектирования культурной и образовательной политики в новых регионах: от школьных программ до символических решений (памятники, даты, гербы, награды), формирующих чувство сопричастности к «победе» и государственной миссии.

В-четвёртых, не следует недооценивать санкционные последствия и экономические издержки. Их необходимо объяснять, обосновывать, но при

этом компенсировать реальными мерами поддержки: субсидиями, инфраструктурными проектами, доступом к федеральным программам. Только так можно избежать деструктивной переоценки ожиданий, которая может подорвать социальную стабильность в новых субъектах Федерации.

В итоге крымский опыт, проанализированный А.Ю. Труфановым, демонстрирует важность сбалансированной модели реинтеграции, в которой сочетаются символическая легитимация (восстановление исторической справедливости), локальное развитие (решение конкретных проблем) и идеологическая мобилизация (включённость в большой государственный проект). Именно такой подход будет эффективен и устойчив в отношении Донбасса, Запорожья и Херсона.

В своей работе Ю.Г. Литвинова (к.э.н., доцент кафедры восточных языков Дипломатической академии МИД РФ) раскрывает экономико-правовые аспекты интеграции Гонконга в состав Китайской Народной Республики и его значение как глобального финансового центра [3]. Автор акцентирует внимание на уникальности модели «одна страна - две системы», благодаря которой Сянган после передачи под юрисдикцию КНР сохранил экономическую автономию, либеральное законодательство и судебную независимость, основанную на английском общем праве. Это позволило Гонконгу остаться ключевым связующим звеном между китайским и мировым капиталом. Через него в 2017 году поступало до 62% прямых иностранных инвестиций в материковый Китай, и этот показатель продолжает делать Гонконг крупнейшим каналом внешнеэкономической интеграции для КНР. В статье подробно рассматриваются правовые, налоговые и финансовые инструменты, делающие Сянган привлекательной юрисдикцией для ведения бизнеса: от упрощённой регистрации предприятий и низких налоговых ставок до защиты интеллектуальной собственности и развитой системы арбитража. Особое внимание уделено значению закона о национальной безопасности, принятого в 2020 году, и его влиянию на политическую и правовую устойчивость Гонконга как особой зоны. Несмотря на критику со стороны Запада, автор указывает, что сохранение порядка и предсказуемости способствует укреплению доверия со стороны инвесторов.

Опыт интеграции Гонконга в состав Китая по модели «одна страна - две системы», рассмотренный Ю.Г. Литвиновой, представляет особую ценность при выработке подходов к реинтеграции Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей. Основной урок, который можно извлечь из гонконгского кейса - это не-

обходимость гибкой институциональной модели, в рамках которой сохраняются элементы автономии в ключевых сферах: налогообложении, делопроизводстве, судебной системе, хозяйственном праве. Такой подход не только снижает риски внутренней дестабилизации, но и способствует постепенному экономическому сближению через доверие и вовлечённость местного бизнеса и населения. Ключевым моментом является создание условий для прямых инвестиций и внешнеэкономической деятельности, аналогично тому, как Гонконг стал юридической платформой для инвестирования в материковый Китай. На постконфликтных территориях возможно формирование особых экономических режимов, ориентированных на быстрое восстановление и экономическую активизацию, в том числе с участием зарубежных русскоязычных инвесторов. Применение либеральных налоговых ставок, упрощённых правил регистрации, защита права собственности и контрактных обязательств все эти инструменты способствуют формированию доверия к новой юрисдикции и ускоряют её интеграцию в национальное правовое поле.

Отдельного внимания заслуживает идея двухконтурного регулирования, при котором центральная власть оставляет за собой вопросы обороны и международной политики, но позволяет территориям выстраивать собственные внутренние механизмы управления в экономической и социальной сферах. Это критически важно для регионов с уникальной историко-культурной идентичностью и сложной конфликтной историей. Опыт Гонконга показывает, что устойчивость в реинтегрируемых территориях может быть достигнута не только силовыми методами, но и через институциональное доверие, юридическую предсказуемость и экономическую свободу. Эти принципы вполне применимы к российским регионам, прошедшим через военные действия, и способны стать основой для формирования не просто лояльных, но экономически успешных субъектов Федерации.

В своей аналитической статье Я.В. Корэйба (выпускник Института международных отношений Варшавского университета, аспирант МГИМО(У) МИД России) исследует контекст, цели и противоречия интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, оценивая их с позиций международных отношений и геополитики [4]. Автор подчёркивает, что после распада СССР страны региона оказались в эпицентре конкуренции между Западом и Россией за институциональное влияние. В этом контексте российская внешняя политика стремится сформировать альтернативный интеграционный центр, противопоставляющийся

евроатлантическому. Особое внимание уделено проекту Евразийского экономического союза, рассматриваемому как попытка выстроить устойчивую экономико-политическую платформу, основанную на принципах свободного перемещения капитала, товаров и рабочей силы.

Корэйба указывает на ключевые проблемы российских инициатив — от недоверия со стороны соседей до внутренней несогласованности между целями и механизмами реализации. Он также отмечает, что успех российской интеграционной стратегии возможен лишь при условии демократизации и модернизации экономики стран-участниц, а не за счёт одностороннего навязывания формата объединения. Значительная часть статьи посвящена конкуренции за «серую зону» постсоветских государств, находящихся между ЕС и Россией, что создаёт ситуацию выборочного давления, а не равноправного участия. В заключение автор подчёркивает, что эффективная интеграция невозможна без позитивной повестки, реальной экономической отдачи и уважения к суверенитету партнёров.

Идеи, изложенные Я.В. Корэйбой, имеют большое значение для осмысления подходов к интеграции Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Запорожской и Херсонской областей в правовое и институциональное пространство России. Во-первых, очевидна необходимость избегать доминирующей, административно-командной логики в интеграционном процессе: насильственное или одностороннее принуждение, как показывает опыт постсоветских объединений, приводит к снижению доверия и внутренней политической фрагментации. Напротив, реинтеграция должна быть выстроена на принципах взаимной выгоды, демонстрации практических преимуществ и устойчивого развития.

Во-вторых, ключевым фактором является институциональная устойчивость и совместимость. Новые регионы нуждаются не просто в юридическом включении, а в создании полноценной архитектуры взаимосвязей: от таможенного и налогового регулирования до миграционных норм и технических стандартов. Опыт ЕАЭС здесь может быть использован в адаптированной форме с поэтапной интеграцией, возможностью временных переходных режимов и включением механизмов совместного принятия решений. В-третьих, Корэйба подчеркивает, что экономическая интеграция должна сопровождаться модернизацией локальной инфраструктуры, социальной среды и бизнес-климата. Это особенно актуально для регионов, пострадавших от военных действий, где важно восстановить доверие через качественные изменения условий жизни, а не только символические акты присоединения.

Наконец, крайне важно учитывать внешнеполитический контекст. Реинтеграция новых регионов будет сопровождаться международной критикой, как и в случае с Крымом, но успешное включение этих территорий в российское пространство возможно только при наличии собственной внятной интеграционной повестки. Она должна быть не столько антизападной, сколько ориентированной на устойчивое развитие, правовую прозрачность и международную открытость. Именно такой подход, по мнению Корэйбы, является залогом легитимности и долговечности любых объединительных проектов. Материалы Я.В. Корэйбы позволяет рассматривать реинтеграцию новых территорий не как завершенный факт, а как долгосрочный институциональный процесс, требующий гибкости, учета региональных интересов, и при этом четкой стратегии, интегрированной в общенациональную и евразийскую политико-экономическую архитектуру.

Реинтеграция Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей в состав Российской Федерации требует не только политико-юридического закрепления статуса, но и глубокой работы на уровне общественного сознания, образования, символического пространства и институциональных практик. Как подчёркивает Е.С. Матюнков (2023), реинтеграция представляет собой не просто восстановление контроля, а возвращение территорий в культурно-политическую и идентичностную ткань страны [6]. Этот процесс носит долгосрочный и многослойный характер, предполагая не жесткое навязывание норм центра, а поиск равновесия между локальными особенностями и федеральной системой.

В свою очередь, В.Д. Нечаев (2024) обращает внимание на то, что реинтеграция немыслима без педагогического и просветительского обеспечения [5]. Он предлагает рассматривать включение новых субъектов как вызов и одновременно возможность для российской педагогической науки. Образование должно стать инструментом не ассимиляции, а органичного приращения общего культурно-ценностного пространства. В этом контексте особенно важна разработка локализованных, но интегративных образовательных программ, укрепление статуса русского языка как основы межнационального общения и включение историко-культурных особенностей регионов в федеральные стандарты.

Реинтеграция должна строиться на доверии, совместной работе с местными сообществами, уважении к историческому опыту и открытости к диалогу. Политическая лояльность в этих условиях не может быть насаждена директивно она формируется через качественные изменения жиз-

ни, восстановление инфраструктуры, справедливость в институциональных решениях и уважение к человеческому достоинству. Как показывает опыт включения Крыма, а также анализ постсоветских интеграционных проектов, формирование устойчивой лояльности возможно только тогда, когда новый субъект чувствует себя не объектом управления, а равноправной частью общего пространства.

В связи с этим основной рекомендацией становится необходимость признания реинтеграции как отдельного направления государственной политики. Это направление должно включать в себя не только юридическую адаптацию и модернизацию нормативной базы, но и гуманитарные меры: культурную интеграцию, развитие образования, стимулирование локальной идентичности в составе единой страны. Важно вести работу с молодёжью, педагогами, органами местного самоуправления, выстраивать содержательный диалог между центром и регионами. Только в таком случае можно говорить не о формальном присоединении, а о реальном возвращении осмысленном, устойчивом и принятым как обществом, так и самими регионами.

Список литературы:

1. Милецкий В.П. Реинтеграция Крыма в социально-экономическое пространство России в контексте современных политических мегатрендов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. № 10-1. С. 362-366.
2. Труфанов А.Ю. Реинтеграция Крыма в Россию. Взгляд из провинции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. № 2S. С. 258-259.
3. Литвинова Ю.Г. Гонконг как финансовые ворота Китая // Общество и государство в Китае. 2021. № 1. С. 237-245.
4. Корейба Я.В. Интеграционные проекты на постсоветском пространстве // Обозреватель – Observer. 2012. № 6. С. 62-68.
5. Нечаев В.Д. Реинтеграция новых субъектов Российской Федерации в предметном поле российской педагогической науки и практики образования // Ценности и смыслы. 2024. № 4 (92). С. 6-23.
6. Матюнков Е.С. К вопросу о реинтеграции как новом политологическом термине // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. № 5. С. 41-51.
7. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

Bibliography

1. Miletsky V.P. Reintegration of Crimea into the socio-economic space of Russia in the context of modern political megatrends // Russia: trends and development prospects. 2015. № 10-1. P. 362-366.
2. Trufanov A.Yu. Reintegration of Crimea into Russia. A view from the provinces // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2018. № 2S. P. 258-259.
3. Litvinova Yu.G. Hong Kong as China's financial gateway // Society and state in China. 2021. № 1. P. 237-245.
4. Koreyba Ya.V. Integration projects in the post-Soviet space // Observer. 2012. № 6. P. 62-68.
5. Nechaev V.D. Reintegration of new subjects of the Russian Federation in the subject field of Russian pedagogical science and educational practice // Values and meanings. 2024. № 4 (92). P. 6-23.
6. Matyunkov E.S. On the issue of reintegration as a new political science term // Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences. 2023. № 5. P. 41-51.
7. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional values of the peoples of Greater Eurasia and the modern world // Culture of the world. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.

РИСПРУДЕНЦИЯ

Дальневосточный Федеральный Университет

Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе

Цель исследования – установить особенности электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе. Проблема исследования состоит в том, что современное развитие информационных технологий оказывает значительное влияние на правовую сферу, в том числе на процесс доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Электронные доказательства становятся неотъемлемой частью судебных разбирательств, отражая цифровизацию деловых и личных отношений. Методология исследования включает в себя анализ научной литературы, а также нормативно-правовых документов.

Для начала стоит обозначить, что электронные доказательства — это сведения, которые создаются, передаются, хранятся или получают-ся с использованием электронных, цифровых или иных аналогичных технологий. Их особенность заключается в том, что они существуют в нематериальной, цифровой форме и могут быть представлены в суде с помощью различных электронных носителей или через доступ к электронным ресурсам [7].

В отличие от традиционных письменных доказательств, электронные доказательства могут включать не только текстовую информацию, но и изображения, аудио- и видеозаписи, а также метаданные, которые фиксируют технические параметры создания, изменения или передачи информации. Ключевым признаком электронного доказательства является его происхождение из информационной среды — компьютеров, серверов, облачных хранилищ, мобильных устройств и других электронных систем [1].

В российском законодательстве электронные доказательства рассматриваются как разновидность письменных доказательств, однако для них установлены особые правила представления, хранения и оценки. Важно, чтобы такие доказательства обеспечивали достоверность, целостность и возможность идентификации источника их происхождения. Для этого часто используются электронные подписи, специальные протоколы пе-

редачи данных, а также нотариальное заверение копий электронных документов [2].

Как отмечает в своем исследовании Ворожбит С.П, правовое регулирование электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе России находится на этапе активного становления и совершенствования. Важнейшие положения закреплены в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 64.1, 71) и Арбитражном процессуальном кодексе РФ (ст. 75.1). Согласно этим нормам, электронные доказательства рассматриваются как разновидность письменных доказательств и могут быть представлены в форме электронных документов, подписанных электронной подписью, а также других сведений, полученных с использованием информационных технологий. Законодательство не дает строгого определения электронного доказательства, но в правоприменительной практике под ними понимаются любые сведения, имеющие значение для дела и представленные в электронной (цифровой) форме: электронные документы, сообщения электронной почты, аудио- и видеозаписи, информация с сайтов и социальных сетей, метаданные и лог-файлы [3].

С принятием Федерального закона от 23 июня 2016 года № 220-ФЗ, который вступил в силу с 1 января 2017 года, в российское законодательство внедрены изменения, касающиеся электронной документации. Теперь суды могут принимать иные документы в электронном формате, что значительно упрощает процесс подачи исков, ходатайств и жалоб. Законодатель расширил понятие письменных доказательств, включив в него документы, полученные через Интернет и подписанные электронной подписью. К примеру, М.В. Горелов определяет электронные доказательства как сведения о обстоятельствах, имеющих значение для дела, в цифровом формате, а также звуко- и видеозаписи. Важно отметить, что к электронным доказательствам также относятся протоколы судебных заседаний и другие документы, зафиксированные с использованием электронных средств [4].

Электронные доказательства можно классифицировать по форме, источнику и способу получения. Основные виды включают:

- Электронные документы. Это договоры, счета, акты, заявления и иные документы, созданные в электронной форме и, как правило, подписанные электронной подписью. Электронные документы обладают юридической силой при соблюдении требований к их оформлению и заверению.

- Электронная переписка. К этой категории относятся электронные

письма (e-mail), сообщения в мессенджерах (WhatsApp, Telegram, Viber и др.), а также переписка через социальные сети. Такие сообщения могут содержать важную информацию о договоренностях, намерениях сторон, фактах передачи данных и др.

- Аудио- и видеозаписи. Записи разговоров, видеоконференций, событий, происходящих в цифровой среде, которые хранятся в электронном виде. Они могут фиксировать не только содержание коммуникации, но и обстоятельства, сопровождающие событие (дата, время, место).

- Лог-файлы и метаданные. Это техническая информация, автоматически создаваемая электронными системами. Логи содержат сведения о действиях пользователей, времени входа и выхода, изменениях файлов. Метаданные могут указывать на дату создания, автора, историю изменений электронного документа [5].

- Информация с веб-сайтов и социальных сетей. Сюда относятся скриншоты, архивы страниц, публикации, комментарии, размещённые на интернет-ресурсах. Такая информация часто используется для подтверждения факта публикации, распространения сведений или совершения определённых действий в сети.

- Данные с электронных носителей. Жесткие диски, флеш-накопители, карты памяти, облачные хранилища — все эти устройства могут содержать файлы, документы, переписку, которые используются в качестве доказательств [6].

Исследователь Исаков М.А. в своей статье отмечает, что особенности представления и исследования электронных доказательств в суде связаны с их цифровой природой и требуют соблюдения специальных процедур, отличающихся от традиционных бумажных доказательств. Электронные доказательства могут быть представлены в суде в нескольких формах. В оригинале — это электронный документ или файл, который хранится на электронном носителе (например, флеш-накопителе, жестком диске) или на сервере. В электронной копии, заверенной электронной цифровой подписью, которая приравнивается к собственноручной подписи по закону об электронной подписи. Такая копия обладает юридической силой и подтверждает подлинность и целостность данных. В бумажной копии, которая является распечаткой электронного документа или скриншотом, но при этом должна быть нотариально удостоверена или заверена иным установленным законом способом. При подаче бумажной копии необходимо указать наличие оригинала электронного доказательства [7].

Как подчеркивается в исследовании Седельникова Д.В., процессуаль-

ное законодательство допускает подачу электронных доказательств на различных носителях — портативных устройствах (карты памяти, мобильные телефоны), серверах, системах резервного копирования, а также через предоставление доступа к интернет-ресурсам (веб-сайтам, облачным хранилищам). При этом важно, что согласно закону, если электронный документ хранится на нескольких носителях или отправлен нескольким адресатам, каждый экземпляр считается оригиналом, что усложняет понятие «электронной копии» [8].

Для признания электронного доказательства допустимым и достоверным, оно должно быть аутентифицировано. Основным способом является использование квалифицированной электронной подписи, которая подтверждает авторство и целостность документа. В случае отсутствия электронной подписи суд может потребовать назначение компьютерно-технической экспертизы для проверки подлинности и неизменности данных. Если электронное доказательство подается в виде копии, она должна быть заверена в соответствии с законом, что обеспечивает доверие суда к содержанию документа. Без такого заверения копия может быть признана недопустимой.

Электронные документы обладают уникальными свойствами, делающими их важными инструментами в судебном процессе. Они могут содержать необходимую информацию для доказывания и разрешения дела. В случаях, когда подлинность документа вызывает сомнения, возможна экспертиза для подтверждения его достоверности. С введением электронной цифровой подписи юридическая сила электронного документа теперь приравнена к традиционной рукописной подписи. Это позволяет использовать электронные документы как обычные, что значительно упрощает процесс их обращения в суде [9].

Однако использование электронных доказательств также сопровождается определенными вызовами. Судьи должны оценивать допустимость и достоверность таких доказательств. Кроме того, необходимо проводить экспертизу для установления подлинности документов и проверки их целостности. Аутентификация и идентификация играют важную роль: необходимо убедиться, что документ действительно получен от отправителя и не был изменен [10].

Важным моментом является выделение признаков, отличающих электронные доказательства от письменных. К основным признакам электронных доказательств относят особую форму (цифровую, звуковую, видеозапись), способ создания и уничтожения, а также возможность

многократного использования без ущерба для оригинала. В отличие от письменных доказательств, которые характеризуются фиксированной формой изложения и наличием условных письменных знаков, электронные доказательства не требуют обязательной письменной формы и могут существовать в виде цифровых файлов, которые легко копируются и распространяются без потери качества. Это делает электронные доказательства самостоятельной категорией, не сводимой к традиционным письменным доказательствам.

Автор Юлбердина Л.Р. пишет о том, что несмотря на это, в законодательстве и судебной практике электронные доказательства по-прежнему приравниваются к письменным, что накладывает на стороны обязательство представлять их в суде в письменной форме. Например, если сторона подаёт в суд скриншот переписки из мессенджера, этот документ должен быть заверен нотариусом или иным уполномоченным лицом, а также сопровождаться указанием точного адреса интернет-страницы и времени создания материала. В противном случае такой документ может быть признан ненадлежащим доказательством. Такая практика подтверждается постановлениями Пленума Верховного Суда РФ. Однако подобный подход вызывает определённые трудности. Во-первых, заверение электронной информации у нотариуса — дорогостоящая и трудоёмкая процедура, стоимость которой может составлять несколько тысяч рублей за страницу протокола осмотра сайта или электронного документа. Во-вторых, необходимость распечатывать электронные доказательства и представлять их в бумажном виде снижает эффективность и удобство использования цифровых технологий в судопроизводстве [11].

В связи с этим в юридической науке и практике высказываются предложения о необходимости реформирования правового регулирования электронных доказательств. Одно из таких предложений — введение более широкой категории «документальных доказательств», которая объединит письменные и электронные доказательства, учитывая их особенности и специфику. Это позволит более гибко и адекватно регулировать процессуальные вопросы, связанные с представлением, исследованием и оценкой электронных доказательств.

Несмотря на перечисленные трудности, перспективы использования электронных доказательств весьма значительны. Во-первых, совершенствование законодательства с учётом специфики цифровых данных позволит установить чёткие правила их представления, аутентификации и оценки. В частности, предлагается расширить понятие письменных до-

казательств, введя категорию «документальных доказательств», которая объединит традиционные и электронные формы. Во-вторых, развитие современных технологий, таких как блокчейн, цифровые подписи нового поколения и системы аудита, создаёт возможности для повышения доверия к электронным доказательствам за счёт обеспечения их неизменности и прозрачности. В-третьих, повышение квалификации судей, адвокатов и экспертов в области цифровых технологий позволит более объективно и компетентно оценивать электронные доказательства, снижая число процессуальных споров и ошибок. Наконец, создание специализированных информационно-технических систем для сбора, хранения и обмена электронными доказательствами обеспечит их сохранность и доступность для всех участников процесса, что повысит эффективность судебного разбирательства [12].

Таким образом, электронные доказательства становятся все более значимым элементом гражданского и арбитражного процесса. Их эффективное использование требует не только совершенствования нормативной базы, но и повышения цифровой грамотности всех участников судебного разбирательства. Внедрение современных технологий способствует повышению прозрачности и эффективности правосудия в условиях цифровой экономики.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СПС «Консультант-Плюс».
2. Постановление Пленума ВС РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»
3. Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: Автореф. Дис... канд. юрид. наук. – СПб.: 2011. С. 9-11.
4. Востриков И.Ю. Электронный документ как доказательство в гражданском процессе // Гражданское судопроизводство в изменяющейся России: материалы Междунар. науч.-практ. конференции. – Саратов, 2007.
5. Левенкова Е.С. Понятие и признаки электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Молодой ученый. 2019. № 23 (261). С. 481-483. // URL: <https://moluch.ru/archive/261/60244/>.
6. Нахова Е.А. Проблемы электронных доказательств в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал, 2015. № 4. С. 301-312.
7. Исаков М.А. Проблемы использования электронных документов в качестве доказательств в гражданском судопроизводстве // Вестник науки, 2021. № 10 (43). Том 3. С. 121-124. // URL: <https://www.vestnik-nauki.rf/article/4835> (Дата обращения: 08.07.2025).
8. Седельникова Д.В. Проблемы применения электронного доказательства в гражданском и арбитражном процессах // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2. С. 31-34.
9. Гаврилов Е.В. Скриншот как доказательство в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 75-92 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. 28 с.
11. Попов В.А. Особенности исследования электронных документов и их применению в качестве доказательств в гражданском и арбитражном процессе // Научно-исследовательский журнал Армия и общество. 2013. № 5 (37). С. 29-34.

12. Юлбердина Л.Р. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе: Учебное пособие для студентов юридических факультетов / автор Л.Р. Юлбердина; ответственный редактор Р.И. Тимофеева. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ, 2022. 60 с. // URL: https://elib.bashedu.ru/dl/local/lberdinaLR_Elektronn_dokazat_up_2022.pdf

Bibliography

1. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-F3 // SPS “ConsultantPlus”.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 № 57 “On certain issues of application of legislation regulating the use of electronic documents in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts”
3. Vorozhbit S.P. Electronic means of evidence in civil and arbitration proceedings: Abstract. Diss... Cand. of Law. – St. Petersburg: 2011. P. 9-11.
4. Vostrikov I.Yu. Electronic document as evidence in civil proceedings // Civil proceedings in a changing Russia: Proc. of the International. scientific and practical conference. – Saratov, 2007.
5. Levenkova E.S. The concept and features of electronic evidence in civil and arbitration proceedings // Young scientist. 2019. № 23 (261). P. 481-483. // URL: <https://moluch.ru/archive/261/60244/>.
6. Nakhova E.A. Problems of electronic evidence in civil proceedings // Leningrad Law Journal, 2015. № 4. P. 301-312.
7. Isakov M.A. Problems of using electronic documents as evidence in civil proceedings // Bulletin of Science, 2021. № 10 (43). Vol. 3. P. 121-124. // URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/4835> (07.08.2025).
8. Sedelnikova D.V. Problems of using electronic evidence in civil and arbitration proceedings // Law and order: history, theory, practice. 2017. № 2. P. 31-34.
9. Gavrilov E.V. Screenshot as evidence in arbitration proceedings // Arbitration disputes. 2020. № 2. P. 75-92 // SPS “ConsultantPlus”.
10. Mitrofanov M.A. Electronic evidence and the principle of immediacy: Abstract of diss. ... Cand. of Law. – Saratov, 2013. 28 p.
11. Popov V.A. Features of the study of electronic documents and their use as evidence in civil and arbitration proceedings // Research journal Army and Society. 2013. № 5 (37). P. 29-34.
12. Yulberdina L.R. Electronic evidence in civil and arbitration proceedings: A textbook for students of law faculties / author L.R. Yulberdina; editor-in-chief R.I. Timofeeva. – Sterlitamak: Sterlitamak branch of UUNiT, 2022. 60 p. // URL: https://elib.bashedu.ru/dl/local/lberdinaLR_Elektronn_dokazat_up_2022.pdf

Тыщенко Е.О.

Студентка 4 курса. Юридическая школа
Дальневосточного Федерального Университета, г. Владивосток.

Понятие и отличия доменного имени от традиционных средств индивидуализации

Определения доменного имени сформулированы в различных актах. Международные организации дали следующие определения данному понятию. «Особая форма представления адресов в Интернете, удобная для человеческого восприятия» - такое определение содержит отчет Первого процесса в рамках Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по названиям доменов в Интернете.

Организация Объединенных Наций предлагает определять доменное имя как «имя, которое дается адресату в Интернете и содействует доступу пользователей к интернет-ресурсам» [1].

Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (далее – ICANN) под доменным именем понимает «... уникальное символическое имя, предназначенное для идентификации ресурсов в сети Интернет и размещенное в распределенной сетевой базе данных, управляемой ICANN, действующей на основании соглашения с Министерством торговли США и регистраторами, действующими на основании договоров с ICANN» [5].

Так как в российском законодательстве не была выработана дефиниция доменного имени, вплоть до 2012 года в доктрине и на практике существовало множество отличающихся друг от друга определений.

Единственным официальным документом, содержащим понятие домена, был внутренний акт Министерства связи «Средства технические телематических служб. Общие технические требования. РД 45.134-2000» [4]. Согласно нему, домен – это иерархически структурированный глобальный адрес компьютера узла сети в виде строки символов. Однако, широкой аудитории он недоступен, поскольку не был опубликован.

Усовершенствованное понятие домена ввели Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .РФ, утвержденные решением Координационного центра национального домена сети Интернет (далее - Координационный центр) от 05.10.2011 № 2011-18/81. Под доменом подразумевается область (ветвь) иерархического пространства доменных имен,

обозначаемая уникальным доменным именем и обслуживаемая набором серверов DNS, в то время как доменное имя - символическое обозначение, предназначенное для сетевой адресации, в которой используется система доменных имен (DNS) [3].

Проанализируем отечественное законодательство в данной сфере. Появление легальной дефиниции доменного имени на федеральном уровне датируется 2012 годом. Пункт 15 статьи 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149-ФЗ) закрепил то, что доменное имя представляет собой обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет» [2].

На региональном уровне понятие закрепило Постановление Правительства Москвы от 30.08.2005 № 656-ПП, где отмечено, что «домен - область пространства иерархических имен Корпоративной мультисервисной сети (КМС) Правительства Москвы и/или сети Интернет, которая обозначается уникальным доменным именем, обслуживается набором серверов доменных имен (DNS) и централизованно администрируется Администратором домена.». Анализ приведённых определений доменного имени позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, понятие закреплено на международном и национальном уровнях. В России определение дано на федеральном и региональном уровнях, а также в актах выполняющих публично-значимые функции некоммерческих организаций.

Во-вторых, приведенные определения можно назвать техническими, поскольку юридический аспект остается не освещенным. В связи с этим, правовая природа доменного имени точно не определена.

Поскольку доменное имя не отнесено к объектам интеллектуальной собственности, на него не распространяются положения об охране результатов интеллектуальной деятельности. Однако, доменное имя может быть связано со средствами индивидуализации, такими, как товарный знак и фирменное наименование, что порождает правовые коллизии и требует разграничения.

К средствам индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий относятся фирменное наименование, товарный знак и знак обслуживания, наименование места происхождения товара и географическое указание, а также коммерческое обозначение в соответствии с Главой 76 ГК РФ.

Правовая природа доменных имен и традиционных средств индивидуализации различна. Согласно пункту 33 Постановления Пленума ВС РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» доменные имена не отнесены к числу результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Соответственно, доменные имена не охраняются на основании и в порядке, предусмотренном четвертой частью Гражданского кодекса РФ. В отличие от традиционных средств индивидуализации доменные имена подлежат охране по общим правилам защиты гражданских прав.

Доменное имя рассматривается как технический идентификатор, который облегчает доступ к ресурсам в сети Интернет. Однако, оно может быть связано с правами на товарные знаки, географические указания и места нахождения товаров. Законодатель в статьях 1484 и 1519 Гражданского кодекса РФ допускает включение данных средств индивидуализации в доменное имя и в случае, если это будет сделано в нарушение исключительных прав, правообладатель может потребовать удаление или передачу спорного доменного имени, а в случае отказа урегулирования спора в досудебном порядке – обратиться с исковым заявлением в суд.

Также, если традиционные средства индивидуализации регулируются положениями Гражданского кодекса РФ, регулирование доменных имен по большей части осуществляется на основе договорных отношений между регистратором и владельцем доменного имени.

Традиционные средства индивидуализации, в частности, товарный знак, наименование мест происхождения товара, географические указания и места происхождения товара требуют обязательной государственной регистрации в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (Роспатент), поскольку это является условием признания и охраны исключительного права на данные объекты. Доменное имя же государственной регистрации не подлежит.

Доменное имя регистрируется через специальные аккредитованные организации. Право на доменное имя получает тот, кто первым оформил его регистрацию. При этом не проводится проверка на возможное совпадение со средствами индивидуализации. Традиционные средства индивидуализации (такие как товарные знаки), наоборот, проходят официальную регистрацию в государственных органах, включая экспертизу и проверку на новизну, что гарантирует их уникальность.

Можно отметить отличие по территории действия. Доменное имя действует в глобальном пространстве сети Интернет и не привязано к

конкретной территории. Оно может быть зарегистрировано в любой доменной зоне (например, .ru, .com, .org). Однако при нарушении прав на товарные знаки или другие средства индивидуализации, зарегистрированные в определенных странах, использование доменного имени может быть ограничено.

Традиционные средства индивидуализации охраняются только на территории тех стран, где они зарегистрированы. Например, товарный знак, зарегистрированный в России, не охраняется в других странах. Исключительные права на средства индивидуализации действуют в пределах той территории, где они зарегистрированы или используются.

Регистрация доменного имени осуществляется на ограниченный период (как правило, от одного года до десяти лет) с необходимостью последующего продления. В отличие от этого, фирменное наименование как классическое средство индивидуализации не имеет срока действия и действует в соответствии со статьей 1475 Гражданского кодекса РФ вплоть до прекращения деятельности юридического лица или смены его наименования.

В качестве заключительного отличия доменных имен от традиционных средств индивидуализации можно отметить функциональное назначение. Прежде всего, доменное имя выполняет техническую роль - оно обеспечивает идентификацию интернет-ресурсов, заменяя сложные для запоминания IP-адреса удобными буквенными обозначениями. В отличие от традиционных средств индивидуализации, доменное имя может использоваться в различных целях – личных, деловых и т. д. Соответственно, оно не привязано к коммерческой деятельности конкретного субъекта предпринимательства

В свою очередь, традиционные средства индивидуализации используются для разграничения товаров, услуг, предприятий или юридических лиц в гражданском обороте. Целью данных объектов является выделение товаров или услуг среди конкурентов и создание уникального образа в сознании потребителей.

Вопрос соотношения доменных имен и традиционных средств индивидуализации является дискуссионным в доктрине. Некоторые научные деятели, к примеру А.В. Звягин [7], А.В. Колесов [9] приравнивают доменные имена к средствам индивидуализации, ссылаясь на то, что доменные имена предназначены в первую очередь для индивидуализации различных объектов. Обращая внимание на коммерческую ценность и прочие аспекты, ученые приходят к выводу о возможности классификации доменных имен как средств индивидуализации и, следовательно, как

объектов интеллектуальной собственности.

Ряд правоведов предлагают признать доменное имя отдельным видом средств индивидуализации. Так, по мнению Р.С. Смирновой и Е.И. Гладкой, подобное выделение позволит усилить правовую охрану участников гражданских правоотношений [8].

Ряд исследователей, включая К.А. Карашева, отрицают возможность причисления доменных имен к средствам индивидуализации, приводя три основных довода: отсутствие абсолютной уникальности символов, технический (а не индивидуализирующий) характер их функции, а также отсутствие прямой ассоциации между доменом и его владельцем. Защита доменных имен обеспечивается на техническом уровне. Исключительные права на домен возникают по факту регистрации и доступ по этому адресу направляется исключительно к его ресурсу. По мнению авторов, введение дополнительных правовых гарантий как для владельцев доменов, так и для регистрирующих организаций излишне [11].

Н.А. Новикова также придерживается мнения о невозможности отнесения доменного имени к объектам интеллектуальных прав. Она обращает внимание на функцию индивидуализации, сравнивая доменное имя с почтовым адресом и отмечая, что «в силу естественных причин невозможно существование двух объектов с одним адресом» [6].

По мнению Р.С. Нагорного, доменные имена не соответствуют критериям объектов интеллектуальной собственности в силу трех причин:

- 1) их правовой режим не закреплен в соответствующем законодательстве;
- 2) они выполняют навигационную, а не индивидуализирующую роль в цифровом пространстве;
- 3) их уникальность носит технический, а не творческий характер, будучи обусловленной особенностями функционирования DNS [10].

С нашей точки зрения, ввиду принципиальных отличий доменное имя нельзя отнести к традиционным средствам индивидуализации. Мы разделяем мнение исследователей о том, что доменное имя служит прежде всего для идентификации интернет-ресурса, а не субъекта предпринимательской деятельности, его продукции или услуг.

Доменное имя, несмотря на свою схожесть с традиционными средствами индивидуализации, обладает уникальными характеристиками, которые отличают его от товарных знаков, фирменных наименований и других средств индивидуализации. Основные отличия заключаются в правовой природе, порядке регистрации, территориальности и функциональном назначении.

Список литературы:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций «Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству» от 15.10.2003. // URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml#:~:text=d\)%20C2%AB%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B8%D0%BC%D1%8F%C2%BB%20%E2%80%94](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml#:~:text=d)%20C2%AB%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B8%D0%BC%D1%8F%C2%BB%20%E2%80%94). (Дата обращения: 03.02.2025).
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024). [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.02.2025)
3. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и РФ: Решение Координационного центра национального домена сети Интернет от 05 октября 2011 г. № 2011–18/81 (ред. от 07.11.2022). // URL: https://cctld.ru/files/pdf/docs/rules_ru-rf.pdf. (Дата обращения: 03.02.2025).
4. РД 45.134-2000. Руководящий документ отрасли. Средства технические телематических служб. Общие технические требования: Утвержден Министерством Российской Федерации по связи и информатизации 26 июня 2000 г. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 03.02.2025).
5. Устав Интернет-корпорации по присвоению имен и номеров. // URL: <https://www.icann.org/en/governance/bylaws>. (Дата обращения: 03.02.2025).
6. Право интеллектуальной собственности. Т. 3: Средства индивидуализации: учебник / А.С. Ворожечев, О.С. Гринь, В.А. Корнеев [и др.]; под ред. Л.А. Новоселовой – Статут, 2018. 264 с.
7. Звягин В.А. Проблемы правового регулирования использования исключительных прав на фирменные наименования и прав на доменные имена. Дисс. ... к. ю. н. Московская академия экономики и права. – Москва, 2011. С. 32.
8. Карашев К.А. Правовая природа доменного имени // Право и управление. 2022. № 12. С. 32-35.
9. Колесов А.В. Доменные имена в системе объектов гражданских прав: проблемы и пути их решения // Образование и право. 2023. № 8. С. 204-207.
10. Нагорный Р.С. Доменное имя как объект гражданского права // Журнал российского права. 2008. №2. С. 122-131.
11. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: Учебник / С.А. Судариков. – М.: Проспект. 2010. 265 с.
12. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.

Bibliography

1. United Nations Convention "Recommendation concerning the Promotion and Use of Multilingualism and Universal Access to Cyberspace" of 15 October 2003. // URL: [https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml#:~:text=d\)%20C2%AB%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B8%D0%BC%D1%8F%C2%BB%20%E2%80%94](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml#:~:text=d)%20C2%AB%D0%94%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D0%B8%D0%BC%D1%8F%C2%BB%20%E2%80%94). (03.02.2025).
2. On information, information technology and information protection: federal. Law of July 27, 2006 № 149-FZ (as amended on November 23, 2024). [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus". (February 3, 2025)
3. Rules for registering domain names in the .RU and RF domains: Decision of the Coordination Center for the National Domain of the Internet dated October 5, 2011 № 2011–18/81 (as amended on November 7, 2022). // URL: https://cctld.ru/files/pdf/docs/rules_ru-rf.pdf. (February 3, 2025).
4. RD 45.134-2000. Guiding document of the industry. Technical means of telematic services. General technical requirements: Approved by the Ministry of the Russian Federation for Communications and Informatization on June 26, 2000 [Electronic resource]. SPS "ConsultantPlus". (03.02.2025).
5. Charter of the Internet Corporation for Assigned Names and Numbers. // URL: <https://www.icann.org/en/governance/bylaws>. (03.02.2025).
6. Intellectual Property Law. Vol. 3: Means of Individualization: textbook / A.S. Vorozhevich, O.S. Grin, V.A. Korneev [et al.]; ed. by L.A. Novoselova – Statut, 2018. 264 p.
7. Zvyagin V.A. Problems of Legal Regulation of the Use of Exclusive Rights to Brand Names and Rights to Domain Names. Diss. ... Cand. Sci. (Law). Moscow Academy of Economics and Law. – Moscow, 2011. Page 32.
8. Karashev K.A. Legal name of domain name // Law and management. 2022. № 12. Pages 32-35.
9. Kolesov A.V. Domain names in the system of civil rights objects: problems and solutions // Education and law. 2023. № 8. P. 204-207.
10. Nagorny R.S. Domain name as an object of civil law // Journal of Russian law. 2008. № 2. Pages 122-131.
11. Sudarikov S.A. Intellectual property law: Textbook / S.A. Sudarikov. – M.: Prospect. 2010. 265 p.
12. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical Security: The Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Воронежский государственный университет

*Финансовый университета
при Правительстве Российской Федерации*

Суворов В.Л.

*Доктор политических наук, профессор, декан
факультета национальной безопасности
Института права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

Парамонов В.В.

*Магистрант кафедры международной безопасности
и внешнеполитической деятельности России,
факультета национальной безопасности
Института права и национальной безопасности,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.*

**Характерные черты и особенности использования
«мягкой силы» в международных отношениях:
история и современность**

Международные отношения всегда отличались сложностью и непредсказуемостью своего развития. Каждому их периоду были характерны свои определенные черты и особенности, которые отражались на формах и способах их ведения. Так, в периоды биполярного и однополярного мирового устройства в 20 веке стремление к лидерству сопровождалось военными акциями и гонкой вооружений. При этом государства в меньшей степени прибегали к инструментам убеждения и влияния.

Однако, в последние годы многие страны при выяснении отношений все больше стали прибегать к стратегии «непрямых действий» или как ее часто называют - «мягкой силе». По мере того, как в историю уходят классические методы ведения войны, сопровождающиеся фронтальным столкновением с участием массовых армий, выяснение отношений между государствами осуществляется скрытно за счет расшатывания идеологических, политических и экономических устоев страны. В ход идут различные способы воздействия как на руководителей государства, так и на все социальные группы.

Особенно это становится актуальным в период становления полицен-

тричного миропорядка, когда успешность государства на международной арене приобретает формы многоуровневой конкуренции. Как следствие, военного и экономического превосходства недостаточно для приобретения лидерских позиций в мире. Государству необходимо привлекать зарубежную аудиторию того региона, где оно претендует на центральные позиции. То есть, обладание инструментами «мягкой силы», позволяют стране быть конкурентоспособной.

Несмотря на это, в условиях современных геополитических вызовов, а также усиления «жесткого» противостояния между государствами, основные подходы к «мягкой силе» меняются. Многие международные акторы, использующие концепцию Дж. Ная-мл. для достижения внешнеполитических целей, интерпретировали понятие «мягкой силы» под свои силы и средства. Так в США возникли концепции умной и острой силы, в Китае – культурной мягкой силы и, в последующем, дискурсивной силы. В нашей стране изначальное понятие «мягкой силы» приобрело формы гуманитарного сотрудничества. При этом смена мироустройства и геополитические потрясения современности обязывают мировую общественность искать пути мирного разрешения конфликтов и построения дружественных межгосударственных отношений. В этих благородных начинаниях важную роль может сыграть политическая концепция «мягкой силы».

Для выявления закономерностей использования «мягкой силы» в международных отношениях необходимо разобраться в дефиниции данного понятия и провести исторический анализ этапов смены различных мировых порядков. В последние годы вокруг этого феномена ведутся серьезные дискуссии среди ученых разных направлений, изучается природа и характер данного политического явления. И несмотря на то, что это понятие в отечественной политологии появилось относительно недавно, сегодня в полной мере можно говорить о том, что оно прочно вошло в теорию международных отношений как механизм реализации национальных интересов государств и средство урегулирования конфликтов.

Непосредственно понятие «мягкой силы» и ее концепция были разработаны в конце прошлого столетия американским ученым Дж. Наем-мл. В 1990 году в своей работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» он определил понятие «мягкой силы» и одним из первых попытался раскрыть ее сущность как способность получать желаемый политический результат путем побуждения одной стороны принять условия другой. При этом он утверждал, что этого следует добиваться путем создания привлекательного образа государства на основе

политического лидерства, которое должно быть основой для примера и привлечения других. «Если культура и идеология страны привлекательны, другие могут с готовностью последовать за такой страной. Если страна может сформулировать международные правила, которые согласуются с ее интересами и ценностями, тогда действия этой страны с большей вероятностью будут выглядеть легитимными в глазах других стран» [2].

Однако сама идея достижения политических результатов на основе добровольного участия, корнями уходит вглубь веков. На протяжении всей истории международных отношений возникали различные формы и методы использования «мягкого» влияния для достижения политических результатов. Проведенный анализ показывает, что в этом случае «мягкая сила» всегда использовалась в комплексе с силой «жесткой». То же относится и к периодам перехода одного мирового порядка к другому.

Доктор исторических наук и профессор Вардан Эрнестович Багдасарян в своей монографии «Стратегия Александра Невского и цивилизационные трансформации XIII века» отметил, что Русь, одним из правителей которой в то время был Александр Невский, оказалась меж двух огней – Монгольской империей и католическим Западом. Отразить обе угрозы одними только военным способом было невозможно. Поэтому, по мнению авторов монографии, для отражения угрозы с Запада Александр Невский использовал «жесткую силу», а в борьбе с монголами и разрастающимся исламом – инструментарий «мягкой силы».

Это было свойственно и другим историческим эпохам, включая средние века, когда после великих географических открытий (1492-1498 гг.), на первый план вышла борьба между государствами за мировое господство и образовался «клуб» из нескольких великих морских стран, таких как Англия, Испания и Португалия. Позднее, одним из примеров такой борьбы стало противостояние католической Франции и протестантской Англии в период религиозных войн семнадцатого века, который характеризовался сочетанием как военных, так и невоенных средств. Для победы в войне каждая из сторон пыталась воздействовать на население противника для расшатывания внутренней стабильности и достижения политических целей [3].

Показательным примером борьбы за гегемонию в мире была компания английских спецслужб по «очернению» царя Иоанна Грозного с использованием различных гибридных технологий, сочетающих в себе как «жесткие», так и «мягкой» компоненты. Материал, послуживший источником «зверств» русского самодержца, предоставил «первый русский

диссидент» князь Андрей Курбский, который в разгар Ливонской войны перешёл на сторону противника. Князь получил от польского правительства большие земельные угодья за своё предательство, и подключился к информационной войне против Русского царства.

В первом его послании Ивана Грозного называли «тираном», который купается в крови своих подданных и истребляет «столпы» Русского государства. Эта оценка личности Ивана Грозного преобладает в трудах западников вплоть до настоящего времени. Был создан образ России как извечной диктатуры «тоталитаризма» с «имперскими замашками», «тюрьмы народов» с «великорусским шовинизмом». А в Европе — «свобода», «права человека» и «толерантность». Действительность ничем не отличающаяся от современной.

Сочетали в себе элементы не прямых действий и «мягкой силы» и события эпохи наполеоновских войн и «концерта великих держав» после изгнания французских войск из России в первой половине девятнадцатого века. По итогам победы над Францией, как Великобритания, так и Российская Империя укрепили свои позиции не только как самых сильных армий мира, но и как глобальных лидеров, в которых видели покровителей, и которым хотели подражать [4]. Такая «мягкая сила», которая досталась большими жертвами и титаническим трудом, открывала большие перспективы для обеих империй, однако в итоге привела в последующем к их столкновению в так называемой «большой игре».

Несмотря на активное использование «мягкой силы» в мировой политике, в конечном итоге наибольшее предпочтение отдавалось силе «жесткой», т.е. силе оружия. Поэтому основным инструментом установления нового мирового порядка в двадцатом веке, как, собственно, и в предыдущие времена, являлась военная сила. Результатом этого стали две разрушительные мировые войны, каждая из которых по-своему определила контуры европейской, а затем и мировой архитектуры мира. При этом хочется отметить, что все свои войны, и Франция во времена Наполеона и Германия во времена Бисмарка, а затем и Гитлера, вели под благовидным предлогом прогресса и справедливости, т.е. основывали свое стремление к лидерству в мире на принципах привлекательности и доверия к своей культуре и идеологии [5]. Что из этого вышло, мы все могли оценить по последствиям этих трагических для мировой истории событий.

Если рассматривать период биполярного миропорядка, зародившегося после Второй мировой войны, то необходимо отметить, что именно тогда родились новые «передовые», и использующиеся до нашего

времени, технические и политические технологии «мягкой силы», т.е. способности добиваться желаемого результата путем привлечения и добровольного участия. Именно во второй половине XX века были разработаны такие концепции как «публичная дипломатия» и «мягкая сила» [2, 6]. Были осуществлены первые «цветные» и «бархатные революции» с использованием технологий гибридных войн, что привело в дальнейшем к распространению терминов «гибридная война» и «гибридные военные действия» [7].

На первый взгляд все эти теории выглядели вполне привлекательными, вместе с тем, если рассмотреть их более глубоко, то все они явились завуалированной основой для формирования концепции однополюсного мира, во главе которого должны были встать США как общепризнанный лидер. На это и был сделан расчет в начале 90-х, когда этот новый мировой порядок начал устанавливаться после распада биполярной системы международных отношений. По оценкам многих специалистов, военно-политическое руководство США вполне успешно реализовало свои цели, используя для этого все имеющиеся политические, экономические, информационные и военные ресурсы. Именно тогда под термином «мягкой силы» стала пониматься деятельность государства на международной арене по достижению целей внешней политики с использованием инструментов и ресурсов т.н. стратегии «непрямых действий», что должно было означать отказ от прямого столкновения с оппонентом (государством, организацией и т.д.). При этом данное выражение все чаще использовалось для характеристики скрытых, завуалированных действий, направленных на достижение своих интересов, не раскрывая их истинных намерений. Эффективность этой деятельности определялась степенью доверия и вовлеченности других государств и их обществ в сферу влияния определенного актора международных отношений.

Наиболее отчетливо эти технологии были применены в период трансформации мировой системы социализма и крушения Советского Союза. В результате чего «холодная война» завершилась распадом биполярной модели мира. Впервые за всю историю новый мировой порядок начал устанавливаться не в результате очередной мировой войны, а с применением стратегии «непрямых действий», в которой США и страны НАТО в большей степени использовали весь арсенал средств политического, экономического и информационного давления на тех, кто пытался им противостоять, и прежде всего на Российскую Федерацию. При этом «холодная война» постепенно переросла в «гибридную» войну,

в которой начали превалировать новые формы и методы [1]. В результате за 30 лет после распада СССР, наши геополитические противники с помощью технологий «мягкой силы» сумели переформатировать и присоединить к блоку НАТО все бывшие страны социализма, вплотную приблизиться к российским границам и столкнуть нас с некогда дружеским нам православным народом Украины. И если бы не принятое Президентом России решение о проведении специальной военной операции, они бы до сих пор продолжали «душить нас в своих объятиях».

Сегодняшняя политика России в отношении США и, в частности Украины, является примером сочетания «мягкой» и «жесткой» силы. Отстаивая свой суверенитет и территориальную целостность, мы, с одной стороны, пытаемся восстановить нормальные дипломатические отношения с американской администрацией. При этом сдержанно и спокойно относимся ко всем попыткам политического и экономического давления на Россию. Не смотря на использование силовых методов, Российская Федерация пытается донести до народа Украины свои миролюбивые намерения. Множество жестов «доброй воли», периодические попытки двухсторонних переговоров, бережное отношения к мирному населению со стороны вооруженных сил, все это показывает искреннее желание найти пути к мирному урегулированию этого затянувшегося конфликта.

С другой стороны, мы понимаем, если бы не наши победы на поле боя и не сложившееся стратегическое превосходство над противником, никто бы с нами даже ни сел за стол переговоров. Особенно это становится понятным на фоне проводимой США и ее союзниками политики устрашения на Ближнем Востоке. Борьба с «Хамас» и «Хезболой» переросла здесь в настоящий геноцид палестинского народа, зачистку Сектора Газы, безжалостные бомбардировки Ирана, которые в очередной раз демонстрируют желание Запада сделать ставку исключительно на силовые методы решения проблем.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать ряд существенных выводов. **Во-первых**, «мягкая сила» никогда не теряла своей актуальности даже когда «гремели пушки».

Во-вторых, проведенный исторический анализ показал, что борьба между государствами всегда велась в гибридном формате. Именно в период острой борьбы государств преимущество получала та сторона, которая эффективно сочетала элементы «жесткой» и «мягкой сил».

В-третьих, сегодня мы, к сожалению, вынуждены констатировать тот факт, что «мягкая сила», используемая западными странами для до-

стижения своих геополитических целей, потеряла свою изначальную миротворческую миссию. Все это, конечно, разрушает те отношения доверия между государствами, которые еще оставались до этого в сфере внешней политики.

Человечеству давно пора понять, что вооруженные противостояния и гегемония ведут к уничтожению нашей планеты. Во избежание таких страшных последствий Российская Федерация, в рамках зарождающегося полицентричного мира, предлагает соперничество перевести в плоскость использования «мягкой силы». Примером этому может стать процесс развития отношений между государствами в рамках организации БРИКС, которая становится альтернативой Западу не за счет силы оружия, а в силу экономической и политической привлекательности.

Список литературы:

1. Гибридные войны современной эпохи как угроза безопасности России: монография // Шукшин В.С., Суворов В.Л. – Москва: У Никитских ворот, 2022.
2. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / Джозеф С. Най; пер. [с англ.] В.И. Супруна. – Новосибирск, Москва: Фонд социо-прогност. исслед. «Тренды», 2006.
3. Англо-французская война (1627-1629) // РУВИКИ, свободная энциклопедия. – Электрон. дан. – М.: РУВИКИ, 2024. // URL: <https://ru.ruwiki.ru/?curid=2450922&oldid=1193453615>.
4. Фанталов А.Н. Военно-политическое противостояние Англии и Франции в XVIII в.: войны и секретные операции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 68-79.
5. Наумов А.О., Белоусова М.В., Андреева Н.В. От пропаганды к публичной дипломатии: история появления и развития оригинального концепта // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 96. С. 163-176.
6. Cill N. "Public diplomacy" Before Gullion: The Evolution of a Phrase. USC Center on Public Diplomacy. 18 Apr. 2006. // URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (29.12.20204).
7. Овчинский В., Ларина Е. Холодная война 2.0 // Изборский клуб. Русские стратегии. 2014. Выпуск 9 (11).
8. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Историческая безопасность — ключ к многомерному видению геополитических угроз // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 160-170.

Bibliography

1. Hybrid wars of the modern era as a threat to Russia's security: monograph // Shukshin V.S., Suvorov V.L. – Moscow: At the Nikitsky Gate, 2022.
2. Flexible power: how to achieve success in world politics / Joseph S. Nye; trans. [from English] V.I. Suprun. – Novosibirsk, Moscow: Foundation for Socio-Prognostic Research "Trends", 2006.
3. The Anglo-French War (1627-1629) // RUWIKI, a free encyclopedia. - Electronic data. – M.: RUWIKI, 2024. // URL: <https://ru.ruwiki.ru/?curid=2450922&oldid=1193453615>.
4. Fantalov A.N. Military-political confrontation between England and France in the 18th century: wars and secret operations // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and political sciences. 2020. № 4. P. 68-79.
5. Naumov A.O., Belousova M.V., Andreeva N.V. From propaganda to public diplomacy: the history of the emergence and development of the original concept // Public administration. Electronic Bulletin. 2023. № 96. P. 163-176.
6. Cill N. "Public diplomacy" Before Gullion: The Evolution of a Phrase. USC Center on Public Diplomacy. 18 Apr. 2006. // URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/public-diplomacy-gullion-evolution-phrase> (29.12.20204).
7. Ovchinsky V., Larina E. Cold War 2.0 // Izborsk Club. Russian Strategies. 2014. Issue 9 (11).
8. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Historical Security — the Key to a Multidimensional Vision of Geopolitical Threats // Culture of Peace. 2024. Volume 12. Issue 2. (№ 37). P. 160-170.

Казанин М.В.

*Кандидат политических наук, доцент
кафедры международного бизнеса, факультет международных
экономических отношений. Финансовый университета
при Правительстве Российской Федерации.*

Национальная безопасность Турецкой Республики: российское направление

Из публикаций иностранных специалистов известно, что в стратегии национальной безопасности Турецкой Республики (далее – ТР) Российская Федерация (далее – РФ) определена как недружественное государство, руководство которой нарушает планы и замыслы официальной Анкары как регионального, так и глобального характера, но с которым в силу определенных причин необходимо поддерживать переговорный процесс¹. В этой связи приобретает особую актуальность понимание логики действий военно-политического руководства ТР на определенных направлениях региональной повестки дня.

Общая характеристика отношения военно-политического руководства Турции к действиям России на украинском направлении

Сложная история российско-турецкого взаимодействия является в значительной мере основой действий официальной Анкары. Военно-политическое руководство ТР помнит болезненные поражения в нескольких региональных вооруженных конфликтах с Российской империей и, придерживаясь ориентира на восстановление былого могущества Османской империи, намерено подвергнуть пересмотру политическую карту Черноморского региона.

При этом, как отмечают Сюй Жуйлинь, С.С. Колегов, вступая в XXI век, Турция при выработке своей политики в отношении России руководствуется следующими стратегическими соображениями:

- избегать открытой конфронтации и конфликта интересов путем поддержания прямого политического диалога;
- использовать возможности экономического, торгового и энергетического сотрудничества;

¹ Red Book; Türkiye's top-secret policy document, set to get update [Electronic resource]. Daily Sabah. // URL: <https://www.dailysabah.com/politics/red-book-turkiyes-top-secret-policy-document-set-to-get-update/news> (05.01.2025).

ческого партнерства с Россией для содействия развитию Турции и усиления ее политической и экономической мощи;

- осуществлять защиту национальных интересов Турции в случае конфликта политических и экономических интересов двух стран, а также проводить курс на усиление политического и экономического влияния в странах или регионах, где существует значительная конкуренция между двумя странами;

- использовать стратегическое партнерство с Россией в качестве инструмента давления на своих западных и ближневосточных партнеров.

Ученые отмечают готовность и способность Турции добиваться стратегической автономии. При этом стоит согласиться с мнением, что внешнеполитические возможности Турции ограничены и ее внешнеполитическими приоритетами остаются отношения с НАТО и Европейским Союзом².

После событий «крымской весны» 2014 г. военно-политическое руководство Турции явно взяло курс на сближение позиций с официальным Киевом по некоторым вопросам.

Как известно, еще до начала специальной военной операции (далее – СВО) по демилитаризации и денацификации Украины в своих официальных выступлениях, заявлениях по результатам совещаний Совета Национальной Безопасности, а также в интервью национальным СМИ президент Турции Р.Т. Эрдоган откровенно доводил свою позицию относительно действий официальной Москвы в отношении Незалежной. Руководитель турецкого государства негативно высказывался о действиях РФ по присоединению Крыма, а также признанию независимости Луганской и Донецкой Народных Республик от официального Киева.

По мнению президента ТР, решение российского руководства о начале СВО в отношении сопредельного государства является проявлением «имперского» мышления и идет в разрез с договоренностями, достигнутыми в Минске. Руководитель турецкого государства открыто критикует официальную Москву за присоединение Херсонской и Запорожской областей³.

Более того, Турция оказывает помощь Вооруженных Сил Украины (далее – ВСУ) путем направления отрядов наемников из стран Централь-

2 Сюй Жуйлинь. Турецко-российские отношения в XXI веке: проблемы развития / Сюй Жуйлинь, С.С. Колегов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 9. С. 492.

3 Why Turkish President Erdogan wants to play mediator in Russia-Ukraine conflict. [Электронный ресурс] The Week Magazine. // URL: <https://www.theweek.in/news/middle-east/2025/06/03/why-turkish-president-erdogan-wants-to-play-mediator-in-russia-ukraine-conflict.html> (Дата обращения: 30.06.2025).

ной Азии и Южного Кавказа. Турецкая сторона также оказывает гуманитарную помощь Независимой, используя средства, полученные от Королевства Саудовская Аравия.

В то же время Турция пытается играть и роль посредника. Так, соблюдая свой традиционный подход, турецкая сторона в марте 2022 г. запустила четырехсторонний переговорный процесс с целью перевода вооруженного противостояния между Россией и Украиной в менее активную форму.

Желание Турции продемонстрировать свое значение как важного регионального актора проявляется в регулярных заявлениях ее властей о готовности предоставления площадки для организации переговоров России и Украины. Посредническая функция Турции выражается и в участии в процессе обмена пленными в ходе СВО.

Следует подчеркнуть, что официальная Анкара весной 2022 г. использовала положения Конвенции Монтре: закрыла возможность перемещения надводных кораблей ВМС стран – членов НАТО и кораблей Тихоокеанского флота ВМФ РФ в акваторию Черного моря, что позволило купировать развертывание полноценного вооруженного противостояния в непосредственной близости от турецких берегов. Р.Т. Эрдоган использовал официальную формулировку президента РФ В.В. Путина «специальная военная операция», которая не позволила странам – членам Североатлантического альянса пренебречь положениями Конвенции Монтре и сосредоточить в акватории Черного моря корабельную группировку общим водоизмещением 30 000 т⁴.

Президент ТР Р.Т. Эрдоган поддерживает постоянное общение с президентом РФ В.В. Путиным, что указывает на важность подобных контактов для национальной безопасности Турции. Турецкая сторона видит отсутствие критики высшим политическим руководством РФ ее действий, что указывает на понимание российским истеблишментом важности медиальной роли Турции, которая на протяжении нескольких столетий являлась инструментом внешней политики коллективного Запада с целью уничтожения российского государства.

С другой стороны, военно-политическое руководство Турции не согласно с полным нахождением Украины под контролем западных государств, поскольку концептуальное противостояние России и коллективного Запада в определенной мере негативно сказалось на экономической

4 Pact on passage of warships in Black Sea makes Turkey key actor. [Электронный ресурс] Daily Sabah. // URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/pact-on-passage-of-warships-in-black-sea-makes-turkey-key-actor> (Дата обращения: 20.10.2023).

ситуации турецкого государства.

Необходимо обратить внимание на то, что еще в декабре 2021 г. турецкая сторона отозвала значительную часть своих военных специалистов, а также предусмотрительно проинформировала представителей частного бизнеса, которые вели свою деятельность в Украине, о возможном начале боевых действий.

Военно-техническое сотрудничество Турции и Украины

Достижения российской стороны в 2014 г. послужили катализатором для организации разнонаправленного военно-технического сотрудничества Турции и Украины. Оборонные предприятия двух государств приступили к выполнению нескольких научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в интересах национальной безопасности турецкого государства. Турецкие оружейники организовали для украинских специалистов места для проживания и работы, а также выстроили новые цеха. Кооперация усилий была направлена на создание новых силовых установок для беспилотных и пилотируемых летательных аппаратов, а также ракет различного назначения, которые необходимы Вооруженным Силам ТР в рамках концептуального плана расширения своих боевых возможностей, позволяющих выполнять задачи в любой части Средиземного моря.

Подобное сотрудничество в полной мере соответствовало замыслу президента Турции по формированию новых компетенций у специалистов национального оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) и сокращению зависимости от поставок готовой продукции из стран коллективного Запада, т.е. импортозамещению в национальной оборонной промышленности.

В ответ на содействие украинских конструкторов и инженеров турецкая сторона оказывала помощь официальному Киеву в деле укрепления обороноспособности страны. Благодаря кооперации с турецкими оружейниками украинским конструкторам удалось завершить работу над несколькими образцами вооружения⁵.

Кроме того, еще до начала СВО турецкая сторона поставила в интересах официального Киева около 20 разведывательно-ударных беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) типа «Байрактар-ТВ2», которые на начальном этапе противостояния продемонстрировали свои

⁵ Ту у цзяцян цзюньши цзишу хэцзо. Турция и Украина укрепляют военно-техническое сотрудничество. [Электронный ресурс] China Military Net. // URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2020-12/23/content_278948.htm (Дата обращения: 20.10.2023).

возможности. Турецкие военные и представители национального ОПК надеялись, что данные БПЛА проявят себя так же, как и в ходе событий в Нагорном Карабахе, однако по мере выстраивания российскими военными полноценной системы ПВО в зоне боевых действий продукт турецкого производства утратил свою эффективность. Неудовлетворительные результаты применения «Байрактаров-ТВ2» украинскими военными отрицательно сказались на продвижении данного продукта на мировом рынке⁶.

Следует отметить, что турецкие предприятия оборонной промышленности продолжают свое взаимодействие с Незалежной: в 2024 г. начаты поставки комплектующих для БПЛА-камикадзе «Лютый», предназначенного для нанесения ударов по объектам промышленной инфраструктуры в глубине территории РФ⁷.

Следует отметить, что турецкая сторона одной из первых начала поставки для нужд ВСУ различных боеприпасов, бронетехники, реактивных систем залпового огня (далее – РСЗО), стрелкового оружия системы связи и другого военного имущества (табл. 1).

Кроме того, еще в 2022 г. американские и турецкие военные специалисты провели консультации по вопросу передачи для нужд ВВС Украины истребителей F-16, сменно-запасные части для которых поставляют предприятия ОПК Турции⁸.

Следует отметить, что военно-политическое руководство Соединенного Королевства с середины 2023 г. проводит консультации с официальной Анкарой на тему расширения номенклатуры поставляемого специального имущества. Официальный Лондон пытается склонить турецкое руководство к решению о поставке ВСУ оперативно-тактических ракет типа «BORA/KHAN»⁹.

Начиная с апреля 2024 г. представители МО США ведут переговоры о приобретении ограниченной партии (в количестве 12 ед.) гусеничных са-

6 Эу чунту чжун ужэньцзи синдундэ цзинянь хэ цзяосюнь. Опыт и обучение в ходе применения БПЛА в российско-украинском конфликте. [Электронный ресурс] Xinhua. // URL: <http://www.xinhuanet.com/milpro/20250226/c684d6cd2bb3431998eb96b9c5307470/c.html> (Дата обращения: 20.03.2025).

7 Дэго цзян вэй укэлань цайгоу ань-196 гунцзисин ужэньцзи тигун цзыцзинь чжичи. Германия будет оказывать финансовую поддержку для закупки ударных дронов Ан-196 [Электронный ресурс] Net Ease. // URL: <https://www.163.com/dy/article/K310F9PF0552BNOQ.html> (Дата обращения: 01.07.2025).

8 Aslan M. Türkiye's F-16 procurement and need for fighter jets. [Электронный ресурс] Фонд политических, экономических и социальных исследований. // URL: <https://www.setav.org/en/opinion/turkiyes-f-16-procurement-and-need-for-fighter-jets> (Дата обращения: 01.07.2025).

9 Инго диншан туэрци даодань, каолуй сунван эу чжаньчан даодань цзишушань ёу чжнугу цзишу сюэту. Великобритания смотрит на турецкие ракеты, рассчитывает направить их в российско-украинский конфликт, технологии этих ракет имеют китайское происхождение. [Электронный ресурс] Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/675088428_121451128 (Дата обращения: 20.01.2025).

моходных артиллерийских установок (далее – САУ) модели Т-155 «Фиртина» в интересах ВСУ. Американская сторона готова также рассмотреть возможность приобретения аналогичного количества колесных САУ модели «Arpan»¹⁰.

Таблица 1. Содержание военно-технического сотрудничества Украины и Турции после начала СВО.

Обязательства украинской стороны	Обязательства турецкой стороны
Поставки: ТВЗ-117ВМА-СБМ1В-01Т для тяжелого ударного вертолета Т-929 АТАК-2; АИ-25ТЛТ для малозаметного разведывательно-ударного БПЛА «АНКА-3» и «Kizilelma-A»; АИ-322Ф для малозаметного разведывательно-ударного БПЛА «Kizilelma-B» (перспективная модификация); АИ-450С или АИ-450Т для разведывательно-ударного БПЛА «Акинджи» (из 30 заказанных поставлено 10 ед.); АИ-35 для крылатой ракеты воздушного базирования «Гезгин» (модернизация КРВБ «SOM»); АИ-9500 для малозаметного истребителя «KAAN»	Поставки: РСЗО калибра 122 и 227 мм; ПТРК; ПЗРК и мобильные ЗРК малой дальности типа «Сунгур»; минометы калибра 60 мм; ручные гранатометы калибра 40 мм; легкое и тяжелое стрелковое вооружение; боеприпасы различного назначения к указанным типам вооружения; артиллерийские снаряды калибра 155 мм; носимые и возимые радиостанции; взрывостойкие бронированные машины «Кирпи» и «Кобра»; дистанционно-управляемые модули «Сердар»; разведывательные БПЛА модели «Байрактар-Мини»; комплектующие для модернизации вертолетов Ми-8. Разработка и строительство: 2 корвета проекта ADA для нужд ВМС Украины (введены в строй, находятся в Турции)

Вполне вероятно, что турецкие военные предоставили американским партнерам доступ к ЗРС С-400, которые были приобретены у РФ, что позволило специалистам ВС США разработать тактику борьбы с данным

¹⁰ Туэрци бэйхоу тундао элосы, дуй у юаньчжу хоцзяньпаоб синнэн сихао бу шу хаймасы. Турция вставила нож в спину России, поставяет для ВСУ РСЗО, которые не хуже Хаймарс. [Электронный ресурс] Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/610973787_121434219 (Дата обращения: 10.01.2024).

образцом зенитного ракетного вооружения, применяемую в настоящее время в СВО¹¹.

При этом руководство турецкого государства всерьез опасается острой реакции российской стороны: в 2024 г. Президент ТР Р.Т. Эрдоган в рамках встреч в формате G20 предупреждал руководителей западных стран о высоком уровне опасности применения официальной Москвой ракетного оружия большой дальности и высокой разрушительной мощности.

СВО, безусловно, позволила официальной Анкаре получить бесценную информацию о реальных возможностях отечественной и западной военной продукции. Опыт боевого применения некоторых образцов техники позволил турецким конструкторам внести изменения в свои разработки и повысить их привлекательность для иностранных покупателей. Анализ содержательной части стендов предприятий ОПК Турецкой Республики на специализированных выставках 2023 и 2024 гг. показывает, что турецкие оружейники активно разрабатывают новые виды военной техники по примеру наиболее эффективных образцов, задействованных в СВО как российскими, так и украинскими военными.

Турецкие оборонно-промышленные компании сосредоточили усилия на расширении своих производственных возможностей в части, касающейся производства боеприпасов для крупнокалиберной артиллерии. Благодаря дополнительным денежным средствам, вырученным от поставки снарядов для ВСУ, турецкие оружейники запустили программу обновления станочного парка на своих предприятиях, а также активно выкупают контрольные пакеты акций европейских производителей взрывчатых веществ и других компонентов к боеприпасам.

Оценка российско-украинского конфликта турецкими аналитиками

Анализ турецкими военными специалистами хода СВО подтвердил правильность устремлений Р.Т. Эрдогана к построению самодостаточного национального ОПК, который гарантирует обороноспособность страны, военно-политическое руководство турецкого государства осознало ценность производственных возможностей национального ОПК, способного в сжатые сроки производить необходимый объем военного имущества.

¹¹ Туэрци гэй мэйго гунсян С-400 цзишу цзыляо. Турция предоставила США техническую документацию на С-400. [Электронный ресурс] Zhihu Zhuanlan. // URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/644593130> (Дата обращения: 20.08.2023)

Турецкие военные аналитики сходятся в оценке, что российско-украинское вооруженное противоборство – это катастрофа глобального масштаба, которая является следствием обострившейся конкуренции между Россией и Западным миром. Заморозка конфликта и ведение продолжительных переговоров – это тот вариант, в котором турецкая сторона заинтересована, тогда как большинство стран – членов НАТО намерено продолжать боевые действия на территории Незалежной, что полностью соответствует целевой задаче по последовательному выводу российской стороны на прямой вооруженный конфликт с Североатлантическим альянсом.

В то же время продолжение СВО, которая приобрела черты затяжного вооруженного конфликта, требующего от России значительных ресурсов, в полной мере отвечает интересам национальной безопасности Турции, так как способствует наращиванию влияния официальной Анкары на постсоветском пространстве. Китайские политологи отмечают, что СВО одновременно сковала интеллектуальные силы России и коллективного Запада и предоставила турецким стратегам возможность ускорить создание основы для возрождения Османской империи.

С другой стороны, СВО в определенной мере спровоцировала несколько случаев повышения напряженности в отношениях между Анкарой и партнерами по Североатлантическому альянсу. Примеров тому достаточно. Так, страны – члены НАТО требуют с турецкой стороны оплаты за провоз военных грузов. В 2024 году в процессе обеспечения поставок для артиллерийских подразделений ВСУ между Чехией и Турцией возникла спорная ситуация при решении вопроса о стоимости боеприпасов. Необходимо отметить недовольство турецкой стороны тем обстоятельством, что Греция, с которой до сих пор сохраняются споры о проведении линии государственной границы в Средиземном море, серьезно модернизирует национальные ВС за счет программы обмена российского вооружения на более современную продукцию западного ОПК. Данный процесс вынуждает турецких военных пересматривать оперативные планы на случай пограничного конфликта с сопредельным государством¹².

Экономическая составляющая взаимодействия Турции с Россией и Украиной

Представляется необходимым рассмотреть и экономическую состав-

12 Ankara overcomes EU blockade on Turkish munitions to Ukraine, partners with US. [Электронный ресурс] Nordic Monitor. // URL: <https://nordicmonitor.com/2024/03/ankara-surpasses-eu-blockade-on-turkish-munitions-with-the-us> (Дата обращения: 10.11.2024).

ляющую современного этапа взаимодействия официальной Анкары с Москвой и Киевом. Анализ данных, представленных в зарубежных источниках, показал, что объем российско-турецкого товарооборота за период с 2014 по 2024 г. значительно вырос – почти в два раза, а объем турецко-украинского товарооборота вырос примерно на 30% (табл. 2).

Таблица 2. Объем товарооборота Турецкой Республики с Российской Федерацией и Украиной.

Год	Объем российско-турецкого товарооборота (млрд долл. США)	Объем турецко-украинского товарооборота (млрд долл. США)
2014	31,36	5,45
2015	23,0	4,1
2016	15,8	3,46
2017	21,6	4,1
2018	25,5	4,12
2019	26,3	4,94
2020	20,8	4,73
2021	33,02	7,16
2022	62,0	6,3
2023	57,0	7,3
2024	59,0	Около 7

Национальные СМИ Украины и Турецкой Республики отмечают, что СВО нарушила планы турецких предпринимателей по расширению номенклатуры двусторонней торговли и ступенчатого достижения уровня в 10 и 20 млрд долл. США. Кроме того, турецкая сторона вынужденно свернула большинство инфраструктурных проектов в Незалежной, которые подразумевали значительную модернизацию транспортной системы страны. Однако даже в условиях вооруженного конфликта турецко-украинское торгово-экономическое сотрудничество демонстрирует вполне приемлемые показатели. Значительную долю украинского экспорта в Турцию составляет продукция агропромышленного комплекса.

Наибольшую ценность для турецкой стороны в 2022 г. представляли результаты многостороннего переговорного процесса по «Черноморской зерновой инициативе». Следует отметить, что основные усилия приложила Национальная Разведывательная Организация (далее – НРО) ТР,

которая координировала участие всех заинтересованных сторон и вырабатывала позицию для руководителя страны по данному вопросу. Турецкая сторона отправляла своих представителей для проведения консультаций в Украину и Россию.

Транспортировка сельскохозяйственной продукции украинского производства через территориальные воды Турции в полной мере отвечала интересам национальной безопасности турецкого государства, поскольку позволила по умеренным ценам наполнить зернохранилища и обеспечить пищевую промышленность страны¹³.

Одновременно с этим турецкие компании извлекают дополнительную прибыль из санкционного режима – систематически содействуют российским предприятиям в транспортировке компонентов / комплекствующих, которые запрещены коллективным Западом к прямым поставкам в РФ.

Турецкие предприниматели извлекают пользу из экспорта продукции агропромышленного комплекса России, а также предприятий химической и нефтяной промышленности за счет организации «серых» схем транспортировки. Турецкая сторона также получила возможность приобретать продукцию российского сельского хозяйства по более привлекательным ценам.

Несмотря на то, что военно-политическое руководство ТР поддерживает санкционную политику в отношении РФ, в то же время за три года конфронтации между РФ и коллективным Западом на ее территории зарегистрированы около 1000 компаний, которые содействуют российским предпринимателям в процессе обхода зарубежных рестрикций. Около 40 российских компаний, оказавшихся в санкционных списках США и ЕС, открыли свои филиалы в Турции¹⁴.

Официальная Анкара прекрасно осведомлена о планах ЕС по «дерусификации» своего энергетического баланса, и это открывает для турецкой стороны дополнительные возможности по извлечению прибыли из функционирования газотранспортной инфраструктуры. В перспективе турецкий газовый хаб позволит смешивать «голубое топливо» из России, Казахстана и Катара и затем поставлять его без опасений оказаться в санкционном списке. В данном аспекте перед официальной Анкарой

13 Хэйхай суу чукоу дэ вэйлай, игэ цзяньдандэ цзецзюэ фанань. Перспектива черноморского продуктового экспорта, один простой способ решения. [Электронный ресурс] CZ. // URL: <https://www.czapp.com/zh/analyst-insights/> (Дата обращения: 10.10.2024).

14 Иньчжун юаньчжу элосы. Помогать России в темную. [Электронный ресурс] Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/723136210_121289767 (Дата обращения: 10.10.2023).

открываются дополнительные возможности по расширению влияния на ряд стран Балканского региона, которые окажутся в прямой зависимости от поставок из Турции¹⁵.

Особое значение для национальной безопасности ТР имеют проекты подводных газопроводов «Голубой поток» и «Турецкий поток», которые обеспечивают поступление «голубого топлива», используемого как для местных электростанций и домохозяйств, так и предназначенного для поставки на экспорт. Турецкая сторона смогла исключить из списка военных целей ветки «Голубого и Турецкого потоков» и сохранила поставки природного газа из России. Напротив, прекращение поставок углеводородного сырья может оказать негативное влияние на экономику Турции, поскольку даже дружественные официальной Анкаре страны – участники «Организации тюркских государств», поставляющие углеводородные ресурсы по Транскавказскому трубопроводу (Баку – Тбилиси – Джейхан) западноевропейским покупателям, не готовы предоставлять значительные преференции турецким транзитерам¹⁶.

Необходимо отметить и сотрудничество Анкары и Москвы в области ядерной энергетики – это особо чувствительный вопрос для турецкой стороны. Промышленность Турции в полной мере ощущает на себе высокую стоимость электрической энергии, производимой на тепловых, солнечных и гидроэлектростанциях. Ввод в строй АЭС «Аккую-1» окажет положительное воздействие на экономику Турции, поскольку позволит взять под контроль тарифы на электроэнергию и не допустить их дальнейшего роста. Власти Турции надеются, что военно-политическое руководство России одобрит новый контракт на строительство второй АЭС в кредит, поскольку экономическая ситуация позволяет официальной Анкаре оплатить только проектирование и незначительную долю оборудования российского производства. В данном аспекте отметим, что южнокорейские, французские, американские разработчики АЭС отказались от сотрудничества с турецкой стороной, но у руководства Турции сохраняется надежда на втягивание в убыточные проекты представителей атомной промышленности КНР и Японии¹⁷.

15 Туэрци куанда юй э маои хэ нэнюань хэцзо. Турция расширяют сотрудничество в торговле и энергетике. [Электронный ресурс] Guanchazhe. // URL: https://www.guancha.cn/internation/2022_08_07_652712.shtml (Дата обращения: 8.10.2023).

16 Turkey to position itself as potential Russian gas transit hub for Europe despite sanctions. [Электронный ресурс] Nordic Monitor. // URL: <https://nordicmonitor.com/2025/01/turkey-to-position-itself-as-potential-russian-gas-transit-hub-for-europe-despite-sanctions/> (Дата обращения: 10.06.2025).

17 Туэрци туйцзинь хэдяньчжань цзяньшэ. Турция продвигает строительство АЭС. [Электронный ресурс] Neng yuan jie. // URL: <https://www.nengyuanjie.net/article/114563.html> (Дата обращения 01.07.2025).

Таким образом, анализ экономических аспектов показывает, что согласно принципу «интересы Турции превыше всего» руководство этого государства одновременно контактирует по ключевым вопросам национальной безопасности как с Россией, так и с другими государствами региона.

Региональное противостояние России и Турции

Приведем три конфликтные ситуации за последние десять лет, в которых Россия и Турция занимали (занимают) прямо противоположные позиции, что оказывает определенное влияние, как на ситуацию в субрегионах, так и сказывается на национальных интересах.

Первый пример. Вмешательство РФ в гражданскую войну в Сирийской Арабской Республике (далее – САР) негативно сказалось на реализации замыслов турецкого руководства. Официальная Анкара возлагала значительные надежды на оперативное свержение режима Б. Асада, и, как следствие, получение контроля над центральными и северными территориями Сирии, в том числе для прокладки газопровода для поставки «голубого топлива» из Эмирата Катар, с военно-политическим руководством которого у Президента Турции Р.Т. Эрдогана установлены доверительные отношения.

По мере втягивания ограниченного воинского контингента ВС РФ, дислоцированного в САР, в боевые действия в северной части страны НРО была вынуждена значительно увеличить объемы поставок вооружения и боеприпасов для подконтрольных группировок, наладить систему медицинского обслуживания для раненых боевиков, а также нарастить усилия по призыву в ряды незаконных вооруженных формирований граждан из стран Центральной Азии.

Турецкие военные сосредоточили вдоль границы с САР системы радиоэлектронной борьбы, которые затрудняли деятельность российских военных в северных регионах.

По мере продвижения правительственных подразделений сирийской армии в направлении к турецкой границе особую актуальность для официальной Анкары приобрела активность курдских формирований, которые по мере ликвидации отрядов исламистов стали расширять зону контроля. С целью противодействия складывавшейся негативной для национальных интересов Турции тенденции руководитель республики Р.Т. Эрдоган последовательно санкционировал проведение четырех войсковых операций и множества специальных мероприятий в северных

приграничных районах Сирии, которые декларативно были направлены на борьбу с террористической и сепаратистской угрозой. Реальной целью являлся захват курдских анклавов и получение контроля над сельскохозяйственными районами сопредельного государства.

Только спустя почти девять лет протурецкой группировке «Хайят Тахрир аш-Шам», созданной усилиями специалистов ВС и НРО ТР, удалось осуществить замысел официальной Анкары по захвату власти в Сирии, что в значительной мере стало следствием ослабления возможностей воинского контингента ВС РФ, дислоцированного в САР.

Действительно, участие Турции в сирийском конфликте на курдском направлении является показательным примером неоимперскости, поскольку оно направлено на упреждающее устранение стратегической угрозы национальной безопасности и территориальной целостности и характеризуется высокой инициативностью¹⁸.

Второй пример. Практически в то же время официальная Москва и Анкара являлись участниками суррогатного вооруженного конфликта в Ливии. Российская сторона, используя частные военные структуры, оказывала значительную поддержку Ливийской Национальной Армии, тогда как руководство ТР, приняв сторону Правительства Национального Соглашения, систематически направляло военных советников, отряды подконтрольных исламистов, а также вооружение и военную технику. Гражданская война в Ливии стала одним из пунктов противоборства продукции военного назначения российского и турецкого производства.

Руководитель турецкого государства Р.Т. Эрдоган открыто сообщал о заинтересованности в организации поставок сырой нефти из Ливии. И фактически Ливия стала очередным полем регионального противостояния между Москвой и Анкарой.

Третий пример. Вмешательство Российской Федерации в ход 44-х дневной войны в Нагорном Карабахе (октябрь – ноябрь 2020 г.) привело к торможению турецко-азербайджанского замысла по отчуждению части территории Армении и созданию транспортного коридора, предназначенного для увеличения объема двусторонней торговли и, как следствие, повышения уровня экономического развития двух страны.

При этом события азербайджано-армянского конфликта 2020 г. позволили ОПК ТР сформировать позитивное портфолио на большой спектр продукции.

18 Белякова А.О. Внешняя политика современной Турции: региональная держава в неоимперской перспективе // Политическая наук. 2022. № 1. С. 253.

Рассмотренные три конфликтные ситуации являются примерами расширения Турецкой Республикой области своих национальных интересов даже путем участия в региональных вооруженных конфликтах, в которые вовлечено множество региональных и глобальных акторов.

Общие выводы о характере внешней политики Турции

Следует согласиться с мнением, что внешняя политика Турции несет в себе новый способ организации региональных связей на постосманском пространстве и соединяет борьбу за безопасность с поиском ресурсов для глобальной конкуренции¹⁹.

Как отмечает Р.И. Гузаеров, проблемы, связанные с экономикой, вопросами безопасности и т.д., на данный момент не дают Турции возможности претендовать на более высокий статус. Проблемным для Анкары остается видение своей роли в рамках системы международных отношений. «Синдром имперскости» не позволяет турецкой элите в полной мере принять реальное положение государства в глобальной системе, что становится причиной объявления амбициозных задач, зачастую не соответствующих имеющимся ресурсам и возможностям.

Турция занимает уверенную позицию державы среднего уровня, при этом проводя активную региональную политику, проявляя особую инициативность в международных организациях и даже претендуя на роль архитектора нового миропорядка, предлагая собственные концепты развития системы международных отношений²⁰.

Представляется возможным утверждать, что благодаря отлаженной и активной работе всех государственных органов ТР, задействованных в обеспечении национальной безопасности, официальная Анкара располагает достаточно проработанными планами действий по большинству направлений.

Список литературы:

1. Белякова А.О. Внешняя политика современной Турции: региональная держава в неоимперской перспективе // Политическая наук. 2022. № 1. С. 245-257.
2. Гузаеров Р.И. Турция как средняя держава в системе международных отношений // Ближний и Постсоветский восток. 2023. С. 97-112.
3. Сюй Жуйлинь. Турецко-российские отношения в XXI веке: проблемы развития / Сюй Жуйлинь, С.С. Колегов // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 9. С. 482-496.
4. Ankara overcomes EU blockade on Turkish munitions to Ukraine, partners with US. [Электронный ресурс] Nordic Monitor. // URL: <https://nordicmonitor.com/2024/03/ankara-surpasses-eu-blockade-on-turkish-munitions->

19 Белякова А.О. Внешняя политика современной Турции: региональная держава в неоимперской перспективе // Политическая наук. 2022. № 1. С. 254.

20 Гузаеров Р.И. Турция как средняя держава в системе международных отношений // Ближний и Постсоветский восток. 2023. С. 110.

with-the-us (Дата обращения: 10.11.2024).

5. Фонд политических, экономических и социальных исследований. // URL: <https://www.setav.org/en/opinion/turkiyes-f-16-procurement-and-need-for-fighter-jets> (Дата обращения: 01.07.2025).
6. Pact on passage of warships in Black Sea makes Turkey key actor. [Электронный ресурс] Daily Sabah. // URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/pact-on-passage-of-warships-in-black-sea-makes-turkey-key-actor> (Дата обращения: 20.10.2023).
7. 'Red Book,' Türkiye's top-secret policy document, set to get update [Electronic resource]. Daily Sabah. // URL: <https://www.dailysabah.com/politics/red-book-turkiyes-top-secret-policy-document-set-to-get-update/news> (Дата обращения: 05.01.2025).
8. Turkey to position itself as potential Russian gas transit hub for Europe despite sanctions. [Электронный ресурс] Nordic Monitor. // URL: <https://nordicmonitor.com/2025/01/turkey-to-position-itself-as-potential-russian-gas-transit-hub-for-europe-despite-sanctions> (Дата обращения: 10.06.2025).
9. Why Turkish President Erdogan wants to play mediator in Russia-Ukraine conflict. [Электронный ресурс] The Week Magazine. // URL: <https://www.theweek.in/news/middle-east/2025/06/03/why-turkish-president-erdogan-wants-to-play-mediator-in-russia-ukraine-conflict.html> (Дата обращения: 30.06.2025).
10. Германия будет оказывать финансовую поддержку для закупки ударных дронов Ан-196 [Электронный ресурс] Net Ease. // URL: <https://www.163.com/dy/article/K310F9PF0552BNOQ.html> (Дата обращения: 01.07.2025).
11. Опыт и обучение в ходе применения БПЛА в российско-украинском конфликте. [Электронный ресурс] Xinhua. // URL: <http://www.xinhuanet.com/milpro/20250226/c684d6cd2bb3431998be96b9c5307470/c.html> (Дата обращения: 20.03.2025).
12. Перспектива черноморского продуктового экспорта, один простой способ решения. [Электронный ресурс] CZ. // URL: <https://www.czapp.com/zh/analyst-insights/> (Дата обращения: 10.10.2024).
13. Турция и Украина укрепляют военно-техническое сотрудничество. [Электронный ресурс] China Military Net. // URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2020-12/23/content_278948.htm (Дата обращения: 20.10.2023).
14. Турция продвигает строительство АЭС. [Электронный ресурс] Neng yuan jie. // URL: <https://www.pengyuanjie.net/article/114563.html> (Дата обращения 01.07.2025).
15. Турция вставила нож в спину России, поставляет для ВСУ РСЗО, которые не хуже Хаймарс. [Электронный ресурс] Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/610973787_121434219 (Дата обращения: 10.01.2024).
16. Турция предоставила США техническую документацию на С-400. [Электронный ресурс] Zhihu Zhuanlan. // URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/644593130> (Дата обращения: 20.08.2023).
17. Турция расширяет сотрудничество в торговле и энергетике. [Электронный ресурс] Guanchazhe // URL: https://www.guancha.cn/international/2022_08_07_652712.shtml (Дата обращения: 8.10.2023).
18. Помогать России в темную. [Электронный ресурс] Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/723136210_121289767 (Дата обращения: 10.10.2023).
19. Великобритания смотрит на турецкие ракеты, рассчитывает направить их в российско-украинский конфликт, технологии этих ракет имеют китайское происхождение. [Электронный ресурс] Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/675088428_121451128 (Дата обращения: 20.01.2025).
20. Помогать России в темную. [Электронный ресурс] Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/723136210_121289767 (Дата обращения: 10.10.2023).

Bibliography

1. Belyakova A.O. Foreign Policy of Modern Turkey: Regional Power in a Neo-Imperial Perspective // Political Science. 2022. № 1. P. 245-257.
2. Guzeyev R.I. Turkey as a Middle Power in the System of International Relations // Middle and Post-West East. 2023. P. 97-112.
3. Xu Ruilin. Turkish-Russian Relations in the 21st Century: Development Problems / Xu Ruilin, S.S. Kolegov // Scientific Dialogue. 2023. Vol. 12. № 9. P. 482-496.
4. Ankara Overcomes EU Blockade on Turkish Munitions to Ukraine, Partners with US. Nordic Monitor. // URL: <https://nordicmonitor.com/2024/03/ankara-surpasses-eu-blockade-on-turkish-munitions-with-the-us> (10.11.2024).
5. Foundation for Political, Economic and Social Research. // URL: <https://www.setav.org/en/opinion/turkiyes-f-16-procurement-and-need-for-fighter-jets> (01.07.2025).
6. Pact on passage of warships in Black Sea makes Turkey key actor. Daily Sabah. // URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/pact-on-passage-of-warships-in-black-sea-makes-turkey-key-actor> (20.10.2023).
7. 'Red Book,' Türkiye's top-secret policy document, set to get update. Daily Sabah. // URL: <https://www.dailysabah.com/politics/red-book-turkiyes-top-secret-policy-document-set-to-get-update/news> (01.05.2025).
8. Turkey to position itself as a potential Russian gas transit hub for Europe despite sanctions. Nordic Monitor.

- // URL: <https://nordicmonitor.com/2025/01/turkey-to-position-itself-as-potential-russian-gas-transit-hub-for-europe-despite-sanctions> (10.06.2025).
9. Why Turkish President Erdogan wants to play mediator in Russia-Ukraine conflict. The Week Magazine. // URL: <https://www.theweek.in/news/middle-east/2025/06/03/why-turkish-president-erdogan-wants-to-play-mediator-in-russia-ukraine-conflict.html> (30.06.2025).
10. Germany will provide financial support for the purchase of An-196 attack drones. Net Ease. // URL: <https://www.163.com/dy/article/K310F9PF0552BNOQ.html> (01.07.2025).
11. Experience and learning from using UAVs in the Russian-Ukrainian conflict. Xinhua. // URL: <http://www.xinhuanet.com/milpro/20250226/c684d6cd2bb3431998eb96b9c5307470/c.html> (20.03.2025).
12. The Prospect of Black Sea Food Exports, One Simple Solution. CZ. // URL: <https://www.czapp.com/zh/analyst-insights/> (10.10.2024).
13. Turkey and Ukraine Strengthen Military-Technical Cooperation. China Military Net. // URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2020-12/23/content_278948.htm (20.10.2023).
14. Türkiye Promotes Nuclear Power Plant Construction. Neng yuan jie. // URL: <https://www.nengyuanjie.net/article/114563.html> (Accessed 01.07.2025).
15. Turkey has stabbed Russia in the back, supplying the Ukrainian Armed Forces with MLRS that are no worse than Hymars. Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/610973787_121434219 (10.01.2024).
16. Turkey has provided the United States with technical documentation for the S-400. Zhihu Zhuanlan. // URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/644593130> (20.08.2023).
17. Turkey is expanding cooperation in trade and energy. Guanchazhe // URL: https://www.guancha.cn/international/2022_08_07_652712.shtml (8.10.2023).
18. Helping Russia in the dark. Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/723136210_121289767 (10.10.2023).
19. Great Britain is looking at Turkish missiles, expecting to send them to the Russian-Ukrainian conflict, the technology of these missiles is of Chinese origin. Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/675088428_121451128 (20.01.2025).
20. Helping Russia in the dark. Sohu Net. // URL: https://www.sohu.com/a/723136210_121289767 (10.10.2023).

Данилова Е.В.

Студент.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж.

Влияние российского председательства на развитие БРИКС

Современная система международных отношений переживает структурную трансформацию, характеризующуюся постепенным переходом от однополярного мирового порядка к многополярному. Этот процесс предполагает формирование нескольких относительно независимых центров силы, взаимодействующих на основе принципов равноправия и взаимного уважения национальных интересов.

В последнее время все чаще синонимом многополярности выступает БРИКС, объединение, в которое входят государства с развивающейся экономикой, и география которых охватывает все регионы, за исключением Северной Америки.

Председательство в БРИКС, который ведет свою историю с 2006 года, изменяется по ротационному принципу. В 2024 году данный пост должна была занять Федеративная Республика Бразилия. Однако, ввиду того что в этот же год на Бразилия легли полномочия председателя G20, было принято решение о передаче функций Российской Федерации [1].

Передача полномочий председательства в БРИКС Москве ознаменовалась поворотным моментом в истории объединения: его численность увеличилась почти вдвое. С января 2024 года полноправными членами блока стали Эфиопия, Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты. Также приглашение получило Королевство Саудовская Аравия, однако официальные представители отметили, что государство продолжит взаимодействие с БРИКС без официального и формального вступления [2].

Расширение БРИКС за счёт этих четырёх государств имело свои основания и соответствует интересам объединения. Во-первых, включение новых членов существенно расширило географическое присутствие блока, особенно в нестабильных, но стратегически важных регионах на Ближнем Востоке и в Северо-Восточной Африке. Это способствовало укреплению международного авторитета БРИКС, демонстрируя его растущую привлекательность как платформы для сотрудничества, сво-

бодного от западного влияния. Во-вторых, указанные страны обладают выгодным геополитическим положением, что открывает перед БРИКС новые возможности для развития транспортных коридоров, логистических проектов и диверсификации торговых связей. В-третьих, при отборе кандидатов на вступление учитывался их экономический потенциал, что полностью согласуется с изначальными целями объединения — укреплением взаимодействия между развивающимися экономиками. И не менее важным является влияние этих государств на мировую политику и их роль в региональных подсистемах международных отношений, что способно оказать положительное влияние на усиление совокупного веса БРИКС на глобальной арене.

Так, благодаря урегулированию давних разногласий с Эритреей Эфиопия получила доступ к ее портам, что существенно расширило ее потенциал в сфере международной торговли. В 2022 году реальный валовой внутренний продукт Эфиопии составил 6%, что выше среднего показателя по Восточной Африке на 4% [3]. Нельзя не отметить военную мощь Эфиопии, которая занимает пятую строчку в Глобальном индексе военной мощи среди африканских стран [4]. Это делает страну важным игроком в архитектуре региональной безопасности на территории нестабильного Африканского рога.

Если Эфиопия играет роль дипломатического узла для африканских государств, то Египет, безусловно, служит политическим центром арабского мира. Ключевым стратегическим активом страны является Суэцкий канал – важнейшая международная транспортная артерия, через которую проходит свыше 12% мирового торгового грузопотока [5]. Кроме того, Каир обладает значительным влиянием в Баб-эль-Мандебском проливе – критически важном морском коридоре, связывающем Красное море с Аденским заливом. Этот пролив служит ключевым маршрутом для транспортировки нефти, что дополнительно усиливает геоэкономическую роль Каира в регионе. Таким образом, контроль над этими стратегическими морскими путями делает Египет не только важным игроком на Ближнем Востоке, но и ценным участником БРИКС с точки зрения логистики и энергетической безопасности.

Объединенные Арабские Эмираты представляют собой исключительно важного партнера для БРИКС благодаря своему уникальному геостратегическому положению. Расположенные между Персидским и Оманским заливами, ОАЭ контролируют ключевые морские пути, включая подходы к Суэцкому каналу, Индийскому океану и, что осо-

бенно значимо, - Ормузскому проливу. Данная водная артерия является важнейшим узлом глобальной энергетической логистики: через нее ежедневно проходит около 21 миллиона баррелей углеводородов, что составляет примерно 21% мирового потребления нефти [6]. Такие объемы делают Ормузский пролив критически важным элементом международной системы энерготранспорта, а контроль над ним - стратегическим преимуществом.

Исламская Республика Иран занимает исключительно важное геостратегическое положение, сравнимое по значимости с ОАЭ. Расположенный на стыке Южной Азии, Ближнего Востока и Кавказа, Иран служит естественным связующим звеном между данными регионами. Особую значимость для БРИКС Иран приобретает ввиду контроля над уже упомянутым Ормузским проливом. Тегеран неоднократно демонстрировал готовность использовать этот рычаг влияния, угрожая заблокировать пролив в ответ на санкционное давление со стороны США и ЕС [7]. Подобные действия потенциально способны спровоцировать глобальный энергетический кризис с далеко идущими последствиями для всей мировой экономики.

Таким образом, расширение состава БРИКС было продиктовано необходимостью получения контроля над важными транспортными путями, что позволило бы избежать их использования Коллективным Западом для навязывания своих условий странам-участницам объединения.

Наравне с геостратегическим положением не последнюю роль в принятии именно указанных четырех государств играл уровень развития их экономик. Данный показатель особо значим и для функционирования Нового банка развития БРИКС, финансового института объединения, который выдает средства для развития исключительно инфраструктурных проектов. Так, ОАЭ и Египет уже являются членами НБР [8].

Более того, все принятые члены разделяются ценности блока, которые заключаются в стремлении реформировать существующие механизмы глобального управления и формировании репрезентативных в региональном плане мировых институтов. После включения новых участников БРИКС стал больше позиционировать себя в качестве проводника интересов глобального большинства, которое выступает против западной гегемонии во всех сферах мировой политики.

В 2024 году перед Российской Федерацией как председателем БРИКС стала непростая задача: необходимо было обеспечить интеграцию новых государств в форматы объединения, а также создать условия для разви-

тия взаимоотношений между всеми странами-участницами, которое могло развиваться несмотря на существующие различия между ними.

Российская Федерация начала подготовку к председательству в БРИКС заранее - уже в начале 2023 года под эгидой МИД России состоялось первое межведомственное совещание. На этом организационном заседании участники наметили ключевые направления работы по подготовке к реализации плана мероприятий предстоящего председательского года. А летом 2023 на саммите в Йоханнесбурге был представлен проект механизмов многостороннего взаимодействия [8].

Затем лидером государства была утверждена Концепция председательства страны в объединении, в которой нашли отражение ключевые направления для развития БРИКС [9].

Было выделено несколько стратегических направлений, углубление взаимодействия по которым имеет потенциал не только способствовать улучшению социально-экономических показателей каждого из государств-членов, но и вывести объединение на новый этап исторического развития. В сфере безопасности приоритет отдавался противодействию киберугрозам, поддержанию региональной безопасности, борьбе с терроризмом и незаконным оборотом наркотических веществ. В области политического сотрудничества особое внимание было уделено интеграции новых членов, а также актуализации форматов взаимодействия.

В рамках продолжения развития взаимодействия по экономическому и финансовому трекам акцент был сделан на переходе к цифровой экономике, торговле в национальных валютах, внедрении принципов зеленой экономики и привлечении прямых иностранных инвестиций. Исходя из анализа выделенных приоритетов можно сделать вывод, что Москва ставила одной из целей своего председательства укрепление внутриблокового экономического сотрудничества, что позволило бы объединению упрочить фундаментальные основы взаимодействия.

Гуманитарное сотрудничество предполагало увеличение количества совместных научных исследований, образовательных обменов, и программ Сетевого университета БРИКС. Также предусматривалось культурное взаимодействие.

Таким образом, Москва поставила перед собой амбициозные цели и задачи, что подтверждает ее серьезное отношение к БРИКС и неподдельное стремление способствовать укреплению его позиций на мировой арене.

Девизом 2024 года в объединении стала фраза: «Укрепление много-

сторонности для справедливого глобального развития и безопасности» [10]. Исходя из данной формулировки можно делать выводы относительно отношения Российской Федерации к БРИКС и ее собственному видению дальнейшего развития блока. Москва по праву считается движущей силой оформления многополярного мирового порядка и БРИКС может рассматриваться в качестве институциональной единицы в складывающейся системе мировой архитектуры. Более того, в условиях беспрецедентного санкционного давления на страну именно объединение рассматривается в качестве площадки для донесения позиции Кремля до партнеров Глобального Юга.

В период своего председательства Российская Федерация организовала порядка 250 многопрофильных мероприятий, охвативших приоритетные направления развития межгосударственного взаимодействия в рамках БРИКС [11]. Следует особо отметить активное вовлечение новых государств-членов: Исламской Республики Иран, Объединенных Арабских Эмиратов, Федеративной Демократической Республики Эфиопия и Арабской Республики Египет, в процесс многостороннего диалога. Указанные страны не только принимали полноценное участие в дискуссиях по актуальным проблемам глобальной и региональной повестки, но и выдвигали собственные инициативы, направленные на институционализацию сотрудничества как в двусторонних, так и в многосторонних форматах.

По линии сотрудничества внешнеполитических ведомств состоялись как встречи непосредственно министров, так и работников подведомственных учреждений, на которых обсуждались вопросы выработки согласованной позиции по ряду актуальных вопросов мировой политики, возможные проекты реформ глобальных институтов управления, таких как ООН и МВФ, инициативы, направленные на усиление роли БРИКС в глобальной экономической системе и укрепление многополярного мирового порядка. Также участники особое внимание уделяли проблеме информационной войны и внедрению механизмов продвижения ценностей объединения на глобальном уровне и информирования о реальной деятельности и политике группы [12].

В июле 2024 года Санкт-Петербург стал площадкой для проведения юбилейного X Парламентского форума БРИКС, который служит площадкой для диалога между законодательными органами стран-участниц. В ходе форума парламентарии работали над выработкой согласованных законодательных инициатив, которые в перспективе могут быть вклю-

чены в национальные правовые системы. Центральной темой дискуссий 2024 года стало межпарламентское сотрудничество через призму формирования многополярного мирового устройства и обеспечения устойчивого и справедливого развития [13].

В области судебной ветви власти также был проведен комплекс мероприятий. Например, в июне 2024 года в Сочи прошли пленарные заседания Форума председателей верховных судов стран БРИКС. Участники акцентировали внимание на важности поддержания международного диалога для укрепления взаимопонимания в сфере осуществления правосудия и гармонизации правовых систем [14].

Сотрудничество в сфере противодействия киберпреступности представляет собой стратегически важное направление обеспечения национальной безопасности. В апреле 2024 года состоялось юбилейное X заседание Рабочей группы БРИКС по безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий, на котором были рассмотрены ключевые аспекты этого взаимодействия. На открытии заседания российская делегация выразила признательность новым странам-участникам за их вклад в работу объединения, подчеркнув важность консолидации усилий в обозначенной сфере. Участники единогласно подтвердили заинтересованность в углублении сотрудничества по вопросам международной информационной безопасности, уделив особое внимание необходимости создания механизмов оперативного обмена данными о киберинцидентах, включая разработку соответствующего реестра контактов. В ходе обсуждения стороны договорились активизировать взаимодействие на многосторонних площадках, выступая за мирное использование информационных технологий, предотвращение милитаризации киберпространства и сокращение цифрового разрыва между странами [15].

В рамках российского председательства в БРИКС значительное внимание было уделено вопросам противодействия террористическим угрозам. В июле 2024 года прошло ключевое мероприятие в этом направлении - заседание Рабочей группы по антитеррору (РГАТ), объединившее представителей всех стран-участниц. На встрече обсуждались основные вызовы, с которыми сталкиваются региональные системы безопасности, а также была представлена согласованная позиция государств-членом по данному вопросу [16].

Таким образом, в период 2024 года значительное количество проведенных мероприятий было посвящено созданию условий для развития политического взаимодействия между тремя ветвями власти: исполни-

тельной, законодательной и судебной, что способно положительно повлиять на выработку согласованной политики государств-членов по ряду вопросов мировой политики. При этом затрагивались различные направления партнерства, от организации культурного форума до увеличения торговых оборотов.

Кульминационным событием председательства Москвы в объединении стал Казанский саммит БРИКС, который проходил в одноименном российском городе. В течение трех дней в мероприятиях приняла участие 42 иностранная делегация, в том числе представители ООН, СНГ, АС, ЕАЭС, ЛАГ, АСЕАН и ряда других международных организаций [17].

В ходе заседаний делегаты рассмотрели комплекс вопросов, связанных с результатами годовой работы тематических рабочих групп. В рамках второго дня итогового мероприятия, проводимого под председательством Российской Федерации, состоялись переговоры глав внешнеполитических ведомств, на которых обсуждался широкий круг вопросов: от места БРИКС в формирующемся многополярном мире до урегулирования региональных конфликтов [18].

В последний день XVI Саммита БРИКС прошла встреча глав государств, на которой лидеры обсудили ключевые вызовы, непосредственно влияющие на дальнейшее развитие объединения. Председательствующая страна представила ряд инициатив, которые позволят вывести сотрудничество в рамках блока на новый уровень. Например, были рассмотрены проекты учреждения энергетического альянса и зерновой биржи, платформы по алмазам и драгоценным металлам и специализированного центра для кооперации в исследовании искусственного интеллекта [19]. Предложения были одобрены партнерами и нашли свое отражение в Казанской декларации [20].

Важным решением, которое нашло отражение в итоговом документе, стало создание нового формата участия в БРИКС - партнерства. В октябре приглашение получили Беларусь, Боливия, Индонезия, Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда, Узбекистан [21]. Данный институт появился в ответ на беспрецедентный интерес к БРИКС со стороны мирового сообщества и желание более 50 стран присоединиться к объединению.

Таким образом, Казанский саммит, ставший официальным итогом периода председательства Российской Федерации в БРИКС, приобрел статус значимого события на глобальной арене. Отмеченное повышенным вниманием со стороны мировой общественности, мероприятие стало платформой не только для обсуждения современных вызовов и выра-

ботки согласованных решений по реализации совместных проектов, но и местом объединения государств, выступающих за формирование справедливого многополярного мирового порядка.

Можно сделать вывод, что период председательства Российской Федерации в БРИКС в 2024 году ознаменовался ключевыми изменениями в качественном и количественном развитии объединения. Бесспорно, этот период займет почетное место на страницах истории блока. Так, состоялось беспрецедентное для блока расширение численности государств-членов. Новыми участниками БРИКС стали Федеративная Демократическая Республика Эфиопия, Арабская Республика Египет, Исламская Республика Иран, Объединенные Арабские Эмираты. За присоединением именно данных стран к БРИКС стояли определенные цели, часть из которых заключалась в повышении престижа блока на мировой арене, расширении географического представительства, получении доступа к ключевым водным артериям в международной торговой системе и привлечении экономически развитых или быстро развивающихся игроков глобальной политики не только к проектам БРИКС, но и к его идеям и ценностям.

Создание института государства-партнера БРИКС подчеркнуло выход объединения на новый этап развития. Вместо последующего включения новых членов в блок был создан механизм, который можно рассматривать в качестве своего рода критериев вступления в БРИКС. Ввиду того, что у объединения нет официально установленных ограничений, препятствующих его расширению, странам-членам было необходимо с одной стороны избежать необоснованного и чрезмерного увеличения количества членов, но с другой стороны сохранить внимание третьих стран к блоку и стимулировать их присоединение к реализации многосторонних соглашений. Такое решение было найдено на полях Казанского саммита, по итогам которого в настоящее время Беларусь, Вьетнам, Боливия, Казахстан, Куба, Малайзия, Таиланд, Уганда и Узбекистан.

Помимо количественного расширения БРИКС год председательства российской стороны ознаменовался дальнейшим развитием уже традиционных для стран-участниц направлений взаимодействия. Так, продолжилось увеличение торговли в национальных валютах, реализация проектов в области использования мирного атома и освоения космического пространства, внедрения технологий зеленой экономики. Кроме того, значительные шаги были сделаны в сфере взаимодействия для обеспечения информационной и кибербезопасности, а также для перехода на цифровую экономику.

Отвечая современным вызовам, связанным с непрекращающимся развитием системы международных отношений, у государств-членов БРИКС формируются новые направления сотрудничества, такие как защита прав человека, противодействие монополизации рынков, кооперация в реализации молодежной политики, достижение энергетического перехода, создание совместных бирж. Это очередной раз подчеркивает, что БРИКС сохраняет свою актуальность и демонстрирует способность оперативно реагировать на динамичные изменения в глобальной политической повестке, и в этой тенденции не последнюю роль сыграло непосредственно председательство Москвы.

Таким образом, за 2024 год БРИКС достиг качественно нового уровня развития, заметно укрепив свои позиции на глобальной арене по сравнению с более ранними этапами. Важно отметить, что данное объединение можно рассматривать в качестве примера блока государств, отвечающее основным ценностям и принципам многополярности.

Во-первых, все решения принимаются исключительно на основе консенсуса между государствами-членами. Такой подход обеспечивает гармоничное взаимодействие внутри объединения и исключает возможность доминирования большинства над меньшинством. Несмотря на некоторое замедление процесса согласования, подобный механизм обеспечивает всесторонний учёт позиций взаимодействующих сторон.

Во-вторых, в рамках объединения все государства-участники независимо от экономического потенциала, политического влияния на глобальные процессы, культурно-традиционных особенностей или иных характеристик обладают равными правами. Для БРИКС не характерна иерархия, что способствует установлению равноправия во взаимодействии. Как самостоятельные полюса в многополярной системе, десять стран-участниц гарантированно сохраняют суверенитет и взаимное уважение национальных интересов.

В-третьих, количественный и качественный рост БРИКС: увеличение как числа членов и появление партнеров, так и направлений взаимодействия является прямым отражением усиления его роли на мировой арене. Этот процесс подтверждает готовность участников последовательно продвигать справедливую, основанную на нормах международного права модель глобального управления, что является одним из ключевых принципов объединения.

Будущее развитие БРИКС и его роль на глобальную политику, в частности на формирование новой архитектуры глобального управления, за-

висит исключительно от способности и готовности его членов и партнеров договариваться, идти на компромисс и предпринимать конкретные шаги на пути реализации уже имеющихся соглашений.

Список литературы:

1. 2024 Brazil // G20. // URL: <https://g20.org/summit-and-logos/2024-brazil/> (Дата обращения: 01.07.2025).
2. Ушаков сообщил о паузе Саудовской Аравии в процессе присоединения к БРИКС // РБК. – 24.12.2024. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2024/6769658e9a7947618e660261> (Дата обращения: 01.07.2025).
3. Ethiopia Country Commercial Guide // International Trade Administration. 2022. // URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/ethiopia-market-overview> (Дата обращения: 30.06.2025).
4. 2025 Military Strength Ranking // GFT. – 2025. // URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (Дата обращения: 10.06.2025).
5. Суэцкий канал: история, расположение и значение для торговли // РИА Новости. – 13.05.2025. - URL: <https://www.rbc.ru/base/13/05/2025/68237afb9a79470be73184f4> (Дата обращения: 15.06.2025).
6. Ормузский пролив: угроза закрытия, значение для Ирана и всего мира // РИА Новости. – 20.06.2025. // URL: <https://ria.ru/20250620/ormyzskiy-proliv-2024394371.html> (Дата обращения: 21.06.2025).
7. Нефть подорожает до \$350 за баррель, если Иран заблокирует Ормузский пролив // ProFinance. – 10.10.2024. // URL: <https://www.profinance.ru/news2/2024/10/10/cdrw-neft-podorozhaet-do-350-esli-iran-zablokiruet-ormuzskij-proliv.html> (Дата обращения: 19.06.2025).
8. New Development Bank // New Development Bank. – 2025. // URL: <https://www.ndb.int/about-ndb/members/> (Дата обращения: 19.06.2025).
9. BRICS leaders' extended format meeting // President of Russia. – 23.08.2023. // URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/72089> (Дата обращения: 10.05.2025).
10. Путин назвал приоритеты председательства России в БРИКС // ТАСС. – 01.01.2024. // URL: <https://tass.ru/politika/19662813> (Дата обращения: 09.06.2025).
11. Кремль подвел итоги председательства России в БРИКС // ТАСС. – 23.12.2024. // URL: <https://tass.ru/politika/22754295> (Дата обращения: 09.06.2025).
12. Совместное заявление Министров иностранных дел/международных отношений стран БРИКС, Нижний Новгород, Российская Федерация, 10 июня 2024 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – 10.06.2024. // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1955719/ (Дата обращения: 07.07.2025).
13. Совместная декларация 10-го Парламентского форума БРИКС // Совет Федерации. – 12.07.2024. // URL: <http://council.gov.ru/activity/crosswork/dep/140/docs/158825/> (Дата обращения: 07.06.2025).
14. Состоялось пленарное заседание Форума председателей верховных судов стран БРИКС // Верховный суд Российской Федерации. – 20.06.2024. // URL: https://vsrf.ru/press_center/news/33703/ (Дата обращения: 20.06.2025).
15. О 10-м заседании Рабочей группы БРИКС по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий // МИД России. – 17.04.2024. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1944857/ (Дата обращения: 30.06.2025).
16. О пленарной сессии Рабочей группы БРИКС по антитеррору // МИД РФ. – 24.07.2024. // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1963305/ (Дата обращения: 30.06.2025).
17. В мероприятиях саммита БРИКС в Казани приняли участие 42 делегации // Вести Татарстан. – 27.10.2024. // URL: <https://trt-tv.ru/2024/10/23/v-meropriyatiyah-sammita-briks-v-kazani-prinyali-uchastie-42-delegaczii/> (Дата обращения: 30.0.2025).
18. Второй день XVI саммита БРИКС // Президент России. – 23.10.2024. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75373> (Дата обращения: 12.06.2025).
19. Путин предложил создать новую инвестиционную платформу БРИКС // Минфин России. – 23.10.2024. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39394-putin-predlozhit-sozdat-novuyu-investitsionnuyu-platformu_briks (Дата обращения: 10.06.2025).
20. Казанская декларация // Президент России. – 23.10.2024. // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (Дата обращения: 10.05.2025).
21. Чем закончился саммит БРИКС в Казани Владимир Путин объявил о появлении категории стран — партнеров объединения // РБК. – 24.10.2024. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/10/2024/671aa1809a79473f7bce0bea> (Дата обращения: 12.06.2025).

Bibliography

1. 2024 Brazil // G20. // URL: <https://g20.org/summit-and-logos/2024-brazil/> (01.07.2025).

2. Ushakov reported on Saudi Arabia's pause in the process of joining BRICS // RBC. – 24.12.2024. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/12/2024/6769658e9a7947618e660261> (01.07.2025).
3. Ethiopia Country Commercial Guide // International Trade Administration. 2022. // URL: <https://www.trade.gov/country-commercial-guides/ethiopia-market-overview> (30.06.2025).
4. 2025 Military Strength Ranking // GFT. – 2025. // URL: <https://www.globalfirepower.com/countries-listing.php> (10.06.2025).
5. The Suez Canal: history, location and importance for trade // RIA Novosti. – 13.05.2025. – URL: <https://www.rbc.ru/base/13/05/2025/68237afb9a79470be73184f4> (15.06.2025).
6. The Strait of Hormuz: threat of closure, importance for Iran and the world // RIA Novosti. – 20.06.2025. // URL: <https://ria.ru/20250620/ormyzskiy-proliv-2024394371.html> (21.06.2025).
7. Oil to rise to \$350 per barrel if Iran blocks Strait of Hormuz // ProFinance. – 10.10.2024. // URL: <https://www.profinance.ru/news2/2024/10/10/cdrw-neft-podorozhaet-do-350-esli-iran-zablokiruet-ormuzskij-proliv.html> (19.06.2025).
8. New Development Bank // New Development Bank. – 2025. // URL: <https://www.ndb.int/about-ndb/members/> (19.06.2025).
9. BRICS leaders' extended format meeting // President of Russia. – 23.08.2023. // URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/72089> (10.05.2025).
10. Putin names priorities of Russia's BRICS chairmanship // TASS. – 01.01.2024. // URL: <https://tass.ru/politika/19662813> (09.06.2025).
11. The Kremlin sums up the results of Russia's BRICS chairmanship // TASS. – 23.12.2024. // URL: <https://tass.ru/politika/22754295> (09.06.2025).
12. Joint statement of the BRICS Ministers of Foreign Affairs/International Relations, Nizhny Novgorod, Russian Federation, June 10, 2024 // Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – 10.06.2024. // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1955719/ (07.07.2025).
13. Joint Declaration of the 10th BRICS Parliamentary Forum // Federation Council. – 12.07.2024. // URL: <http://council.gov.ru/activity/crosswork/dep/140/docs/158825/> (07.06.2025).
14. Plenary session of the Forum of Chairmen of the Supreme Courts of the BRICS countries took place // Supreme Court of the Russian Federation. – 20.06.2024. // URL: https://vsrf.ru/press_center/news/33703/ (20.06.2025).
15. On the 10th meeting of the BRICS Working Group on Security in the Use of Information and Communication Technologies // Russian Foreign Ministry. – 17.04.2024. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1944857/ (30.06.2025).
16. On the plenary session of the BRICS Working Group on Anti-Terrorism // Russian Foreign Ministry. – 24.07.2024. // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1963305/ (30.06.2025).
17. 42 delegations took part in the events of the BRICS summit in Kazan // Vesti Tatarstan. – 27.10.2024. // URL: <https://trt-tv.ru/2024/10/23/v-meropriyatiyah-sammita-briks-v-kazani-prinyali-uchastie-42-delegaczi/> (30.0.2025).
18. The second day of the XVI BRICS summit // President of Russia. – 23.10.2024. // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75373> (12.06.2025).
19. Putin proposed creating a new BRICS investment platform // Ministry of Finance of Russia. – 23.10.2024. // URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39394-putin_predlozhit_sozdat_novuyu_investitsionnyu_platformu_briks (10.06.2025).
20. Kazan Declaration // President of Russia. – 23.10.2024. // URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCamF3LEh02OL3Hk.pdf> (10.05.2025).
21. How the BRICS summit in Kazan ended Vladimir Putin announced the emergence of a category of countries – partners of the association // RBC. – 24.10.2024. // URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/10/2024/671aa1809a79473f7bce0bea> (12.06.2025).

Братов С.В.

*Выпускник аспирантуры. Воронежский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Воронеж.*

Угроза новой холодной войны в контексте стратегического соперничества между Китаем и США

В настоящее время неизбежность новой холодной войны и связанная с этим поляризация мира представляют собой дискуссионный вопрос. Китайские исследователи отмечают, что наиболее тревожным сценарием развития событий является перспектива вооруженной конфронтации между акторами мирового политического процесса как результат кризиса глобализации и поляризации. Возникают идеи о возвращении холодной войны в новой институциональной форме. Причем знаковым событием, продемонстрировавшим масштаб кризиса, стал российско-украинский конфликт 2022 года, так как крах или восстановление мирового порядка всегда сопровождались насилием и войной¹.

США и Европа утверждают, что «российско-украинская война — это состязание демократии и авторитаризма», что означает, что это не только противостояние Запада и России, но и, скорее всего, прелюдия к новой эре горячей войны. Если США являются лидером одного лагеря, то для США и некоторых их союзников лидером другого лагеря является не Россия, а Китай. Китай не заинтересован в сломе мирового порядка и поляризации мирового сообщества после холодной войны, но продвигает идею его реформирования.

По мнению китайских политологов, российско-украинский конфликт ускорил тенденцию антиглобализма² что может означать окончание процесса экономической глобализации, продолжавшегося последние несколько десятилетий и начало поляризации мира. Наблюдается экономическое, производственное и технологическое «раздвоение» мира, разделение мировой системы на две части: американскую и китайскую. В

¹ 曹远征, “跨越俄乌冲突陷阱: 重新思考以规则为核心的国际秩序。”《文化纵横》。2022年6月2日。

² “分道扬镳? ——逆全球化时代的中美中产阶级。”发表于《文化纵横》。2022年10月7日
Retrieved from <http://www.21bcr.com/tendaoyangbiaoniquanqihuashidaidezhongmeizhongchaneji/>

соответствии с положениями марксизма и неомарксизма, политические трансформации являются надстройкой над базисными экономическими трансформациями, следовательно, экономическое и технологическое разделение мира является антиглобализационным трендом. Однако тенденция антиглобализма не воспринимается как предопределенная и полностью необратимая.

По мнению ряда китайских исследователей, политизация экономических вопросов и поляризация идеологии взаимно обусловлены затруднительным положением, с которым сталкивается средний класс в США. Первые два являются не только предпосылкой для последнего, но и мотивацией для интенсификации данных затруднений. До вспышки эпидемии нового коронавируса экономические различия внутри стран и между ними приводили к появлению антиглобалистских движений и дезинтеграционных тенденций в различных регионах мира. Снижение относительных силы и влияния Европы и Северной Америки и увеличение доли азиатских стран в мировой экономике также внесли свои коррективы в развитие глобализации, в том числе значительное повышение роли G20 и АТЭС.

Учитывая нынешнюю сложную ситуацию в политическом и экономическом мировом ландшафте в сочетании с быстрым развитием науки и технологий и факторами окружающей среды, способствующими культурной диверсификации, большинство стран Евразии встали перед проблемой избежания повторения ошибок холодной войны. Одностороннее восприятие западным миром, в первую очередь, США, кризиса глобализации как «дуэли между демократическими и авторитарными странами»³ и «священной войны» демократии западного образца⁴ игнорирует такие проблемы как предотвращение распространения ядерного оружия, контроль над вооружениями, изменение климата и устойчивое развитие, общественное здравоохранение и распространение терроризма внутри страны и за рубежом.

Ли Ченг, директор Китайского центра Джона Торнтона Института Брукингса и известный эксперт по китайским вопросам в Соединенных Штатах, и Кэ Чжуй, главный научный сотрудник аналитического центра Синьцзина, отмечают, что внешнеполитическая стратегия прези-

3 Bump P. (2022, March 18). The Newly Important American Political Axis: Democracy vs. Autocracy. The Washington Post. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/03/18/newly-important-american-political-axis-democracy-vs-autocracy/>

4 “裴锁肤：拜登正在与中国打一场错误的战争。” 参考消息网，2022年7月 19 日. Retrieved from http://column.cankaoxiaoxi.com/g/2022/0719/2485921_3.shtml

дента США Дж. Байдена по поляризации мирового сообщества привела к неуклонному росту страха по отношению к Китаю и его демонизации во всех слоях общества США. Что касается Д. Трампа, то антиглобализм является одной из составных частей трампизма, наряду с борьбой с коррупцией, антиэлитарной политикой, антииммиграционной политикой и антиполиткорректностью⁵. Исследователи трактуют антиглобализм Д. Трампа в марксистском концептуальном дискурсе с точки зрения классовой борьбы. Их идея заключается в том, что выгоду от процесса глобализации получают только 20 % людей с наиболее высокими доходами. Средний класс и люди с низкими доходами не извлекают выгоду из глобализации, поэтому большинство американцев и поддержало антиглобализм Д. Трампа.

С. Ли и Р. Бернал-Меза анализируют китайско-американское соперничество с точки зрения марксизма и неомарксизма и выявляют фундаментальное отличие предполагаемой новой холодной войны от холодной войны между США и СССР.⁶ Холодная война сопровождалась идеологическим противостоянием между двумя принципиально различными экономическими системами, капиталистической и социалистической, в то время как, по мнению ряда авторов, Китай и США являются капиталистическими странами, соперничающими между собой в рамках империалистической конкуренции. Таким образом, динамика соперничества между США и Китаем является межимперским соперничеством, движимым межкапиталистической конкуренцией.

Неомарксистская концепция И. Валлерстайна уходит истоками к ортодоксальному марксизму В.И. Ленина и К. Каутского. Тезис В.И. Ленина о неизбежности конфликта между империалистическими державами⁷ находился в прямом противоречии с теорией «ультраимпериализма» К. Каутского⁸. К. Каутский утверждал, что основные капиталистические страны смогли найти выход из жестокой конкуренции и разрушительных войн между промышленными державами. После распада Советского Союза США столкнулись с меняющимся миром, к анализу которого можно применить теоретические дебаты между К. Каутским и В.И. Лениным. С

5 柯锐, “李成: 特朗普即便败选, 但特朗普主义还在。”《新京报》, 2020 年 11 月10 日. Retrieved from <https://www.bjnews.com.cn/detail/160500341815508.html>

6 Li X., Bernai-Mesa R. (2021). China-US rivalry: a new Cold War or capitalism's intra-core competition? *Rev. Bras. Polit. Int.*, № 64 (1). 10 p.

7 Ленин В.И. (1917). Империализм, как высшая стадия капитализма. Марксистский интернет архив. // URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1916/imp-hsc/> (дата обращения 08.03.2025).

8 Каутский К. (1914). Ультраимпериализм. Марксистский интернет архив. // URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm> (дата обращения 08.03.2025).

одной стороны, США «нацелены на единое, либерализованное международное капиталистическое сообщество, которое представлял себе Каутский»⁹, в то время как, с другой стороны, «глобальная роль, которую Соединенные Штаты взяли на себя для поддержания этого сообщества, определяется мировоззрением, очень близким к ленинскому»¹⁰.

Текущая ситуация соперничества Китая и США во многих отношениях находится ближе к ленинскому анализу отношений между империалистическими державами. Растущее присутствие Китая в Африке и Латинской Америке рассматривается США и другими ключевыми капиталистическими странами как попытка Китая реинтегрировать эти регионы в китайскую систему накопления, как контрмера или альтернативная система доминирующей системе накопления, возглавляемой Западом¹¹. Как пишет Г. Уайт, китайский проект «Один пояс, один путь» точно интерпретируется как вызов порядку, возглавляемому США¹².

В то время как тезис В.И. Ленина о конфликтной природе межкапиталистической конкуренции отражает реалии соперничества Китая и США, анализ К. Каутского доказывает, что основные капиталистические государства могут научиться избегать разрушительного противостояния при определенном уровне развития капитала. Постиндустриальная экономика предоставляет необходимые условия для такого исхода. В контексте китайско-американских экономических отношений торговые споры и конкуренция в сфере высоких технологий сочетаются с финансовым сотрудничеством и тесной взаимосвязью двух экономик.

Ряд современных западных и китайских исследователей также предлагают свои гипотезы относительно факторов, лежащих в основе международной поляризации и противостояния Китая и США.

Китайский исследователь К. Ли считает, что ключевой вопрос, касающийся подъема Китая, заключается в том, как он будет взаимодействовать с остальным миром¹³. В своей статье он рассматривает подъем Китая с привлечением основных теоретических дискуссий в области информационных технологий, проводимых представителями трех философских школ — либерализма, реализма и конструктивизма. Иссле-

9 Schwarz B. (1996). Why America thinks it has to run the world. *Atlantic Monthly* 277. № 6. 100 p.

10 Там же.

11 Merwe J. (2018). The one belt one road initiative: reintegrating Africa and the Middle East into China's system of accumulation. In *Mapping China's One Belt One Road Initiative* edited by X. Li. London: Palgrave Macmillan.

12 White H. (2017, April 25). China's one belt, one road to challenge US-led order. *The Straits Times*. Retrieved from: <https://www.straitstimes.com/opinion/chinas-one-belt-one-road-to-challenge-us-led-order>

13 Li K. L. A. (2023). Theoretical Discussions on China's Rise in the Era of Globalization. *Journal of Asian Development*, 9(2). Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/374103381_Theoretical_Discussions_on_China's_Rise_in_the_Era_of_Globalization

дователь делает вывод, что утверждение о том, что Китай является ревизионистской державой, часто является преувеличенным и не имеет убедительных доказательств. По мнению К. Ли, на протяжении многих лет поведение Китая в сфере глобального управления подразумевало тенденцию к укреплению существующего статус-кво, а не к его свержению или замене.

С. Реджилме в своей книге «Соединенные Штаты и Китай в эру глобальных трансформаций: география соперничества», выпущенной в 2023 году, предлагает свои выводы относительно двусторонних отношений между США и Китаем и их влияния на различные регионы мира в условиях кризиса мировой политики на основе собственной интерпретации влияния географического фактора на мировой политический процесс¹⁴.

Во-первых, потребность в накоплении капитала и важнейших ресурсов для продолжения экономического роста является решающим фактором в формировании траектории соперничества, хотя точные условия возникновения такой потребности зависят от того, где происходит этот экономический конфликт.

Во-вторых, интересубъективные интерпретации физической географии и социальных отношений играют важную роль в формировании траектории взаимоотношений великих держав.

В-третьих, понимание того, как интересубъективные значения физической географии меняются с течением времени, дает важную информацию для анализа соперничества между США и Китаем.

В-четвертых, проявления того, как физическая география становится центром соперничества между великими державами, можно исследовать с помощью изменений в институциональных структурах.

В-пятых, формирование и трансформация американо-китайского соперничества в конечном счете зависят от позиции страны в условиях высокой взаимозависимости мирового порядка: в различных регионах мира, временных условиях и социально-экономическом фоне.

Китайский исследователь Р. Йи в 2024 году предложил внести фактор политической культуры изучение отношений между Китаем и США. По его мнению, сравнение внешней политики Китая и Соединенных Штатов и анализ причин различий между двумя странами с точки зрения теории политической культуры могут в определенной степени углубить

14 Regilme S. S. F., Jr. (2023). The United States and China in the Era of Global Transformations: Geographies of Rivalry. Bristol, Policy Press Scholarship Online. Retrieved from <https://academic.oup.com/policy-press-scholarship-online/book/56674>

понимание двусторонних отношений между Китаем и Соединенными Штатами¹⁵.

Исследователь приходит к выводу, что, с одной стороны, влияние политической культуры на внешнюю политику Китая и Соединенных Штатов и друг друга является стабильным и долгосрочным. Однажды сформировавшись, политическая культура передается из поколения в поколение и универсальна для всех классов. Китай и Соединенные Штаты являются державами с хорошо развитой политической культурой. На протяжении всей истории значение и проявления политической культуры в Китае и Соединенных Штатах были относительно стабильны. Таким образом, различия в политической культуре между Китаем и Соединенными Штатами могут повлиять на отношения между ними в долгосрочной перспективе.

С другой стороны, политическая культура Китая и Соединенных Штатов, безусловно, оказывают влияние на разработку и реализацию внешней политики. Тем не менее, фактор политической культуры является лишь одной из проблем в отношениях между Китаем и Соединенными Штатами, а не решающим фактором в возникновении конфликтов¹⁶. Китайско-американские отношения принято обосновывать экономическими и политическими парадигмами. Напротив, конфликты, вызванные политическими и культурными различиями между Китаем и Соединенными Штатами, упоминаются редко. В настоящее время, когда старые парадигмы столкнулись с трудностями при объяснении новых тенденций во внешней политике Китая и Соединенных Штатов, политический и культурный анализ привлек новое внимание.

В заключение, можно констатировать, что в политическом измерении глобализация стала одной из причин крушения биполярного мира и формирования однополярности во главе с США, ставшими флагманом и лидером глобализации. Однако экономический подъем региональных держав, а также серия цивилизационных конфликтов привели к дискредитации США как единственной сверхдержавы и к обособлению регионов под покровительством региональных держав. Усиление региональных акторов и их влияние на мировой политический процесс в условиях глобализованного мира позволяет способствовать формированию мно-

15 Ye R. (2024). A Comparison of Foreign Policies between China and the U.S. Based on Political Culture Theories. SHS Web of Conferences 187, 04032. Retrieved from https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2024/07/shsconf_essc2024_04032.pdf

16 Zhang Y., Sun Z. (2021) Comprehensive Strategic Competition: The New Orientation of U.S. Strategy toward China, Beijing Cultural Review, 5, 43-52.

гополярного мира, однако Китай занимает место мирового, а не регионального центра силы, что позволяет говорить о становлении нового биполярного миропорядка. Китай как мировая держава бросает вызов американской гегемонии, а углубление соперничества между Китаем и США создает угрозу новой холодной войны.

В рамках китайского политологического дискурса основной причиной трансформации роли Китая в мире является формирование и развитие устойчивого среднего класса, что накладывается на ослабление и упадок американского среднего класса ввиду ряда кризисов и неустойчивости экономической системы США. Динамика соперничества между США и Китаем является межимперским соперничеством, движимым межкапиталистической конкуренцией. Конкуренция за мировой рынок вскоре может перерасти в обостряющиеся столкновения сфер влияния и даже войну.

Список литературы:

1. Каутский К. Ультраимпериализм. Марксистский интернет архив. 1914. // URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm>
2. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Марксистский интернет архив. 1917. // URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1916/imp-hsc/>
3. Cao Yuanzheng, "Surpassing the Trap of the Russia-Ukraine Conflict: Rethinking the Rules-Based International Order." *Cultural Perspectives*. June 2, 2022.
4. "Parting Ways? — The Chinese and American Middle Classes in the Era of Deglobalization." Published in *Cultural Perspectives*. October 7, 2022. // URL: <http://www.21bcr.com/tendaoyangbiaoniquanqiuhuashidaidezhongmeizhongchaneji/>
5. "Pei Suofu: Biden is fighting the wrong war with China." *Cankao Xiaoxi Network*, July 19, 2022. // URL: http://column.cankaoxiaoxi.com/g/2022/0719/2485921_3.shtml
6. Ke Rui, "Li Cheng: Even if Trump loses the election, Trumpism remains." *Beijing News*, November 10, 2020. // URL: <https://www.bjnews.com.cn/detail/160500341815508.html>
7. Bump P. The Newly Important American Political Axis: Democracy vs. Autocracy. *The Washington Post*. 2022, March 18. // URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/03/18/newly-important-american-political-axis-democracy-vs-autocracy/>
8. Li K.L.A. Theoretical Discussions on China's Rise in the Era of Globalization. *Journal of Asian Development*, 2023. № 9 (2). // URL: https://www.researchgate.net/publication/374103381_Theoretical_Discussions_on_China's_Rise_in_the_Era_of_Globalization
9. Li X., Bernai-Mesa R. China-US rivalry: a new Cold War or capitalism's intra-core competition? *Rev. Bras. Polit. Int.*, 2021. № 64 (1). 10 p.
10. Merwe J. The one belt one road initiative: reintegrating Africa and the Middle East into China's system of accumulation. In *Mapping China's One Belt One Road Initiative* edited by X. Li. London: Palgrave Macmillan. 2018.
11. Regilme S.S.F. Jr. The United States and China in the Era of Global Transformations: Geographies of Rivalry. Bristol, Policy Press Scholarship Online. 2023. // URL: <https://academic.oup.com/policy-press-scholarship-online/book/56674>
12. Schwarz B. Why America thinks it has to run the world. *Atlantic Monthly* 277, 1996. № 6. 100 p.
13. White H. China's one belt, one road to challenge US-led order. *The Straits Times*. 2017, April 25. // URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/chinas-one-belt-one-road-to-challenge-us-led-order>
14. Ye R. A Comparison of Foreign Policies between China and the U.S. Based on Political Culture Theories. *SHS Web of Conferences* 187, 04032. 2024. // URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2024/07/shs-conf_essc2024_04032.pdf
15. Zhang Y., Sun Z. Comprehensive Strategic Competition: The New Orientation of U.S. Strategy toward China, *Beijing Cultural Review*, 2021. № 5. P. 43-52.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир //

Bibliography

1. Kautsky K. Ultra-imperialism. Marxist Internet Archive. 1914. // URL: <https://www.marxists.org/archive/kautsky/1914/09/ultra-imp.htm>
2. Lenin V.I. Imperialism, the Highest Stage of Capitalism. Marxist Internet Archive. 1917. // URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1916/imp-hsc/>
3. Cao Yuanzheng, "Surpassing the Trap of the Russia-Ukraine Conflict: Rethinking the Rules-Based International Order." Cultural Perspectives. June 2, 2022.
4. "Parting Ways? — The Chinese and American Middle Classes in the Era of Deglobalization." Published in Cultural Perspectives. October 7, 2022. // URL: <http://www.21bcr.com/tendaoyangbiaoniquanqiuhuashidaidezhong-meizhongchaneji/>
5. "Pei Suofu: Biden is fighting the wrong war with China." Cankao Xiaoxi Network, July 19, 2022. // URL: http://column.cankaoxiaoxi.com/g/2022/0719/2485921_3.shtml
6. Ke Rui, "Li Cheng: Even if Trump loses the election, Trumpism remains." Beijing News, November 10, 2020. // URL: <https://www.bjnews.com.cn/detail/160500341815508.html>
7. Bump P. The Newly Important American Political Axis: Democracy vs. Autocracy. The Washington Post. 2022, March 18. // URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/03/18/newly-important-american-political-axis-democracy-vs-autocracy/>
8. Li K.L.A. Theoretical Discussions on China's Rise in the Era of Globalization. Journal of Asian Development, 2023. № 9 (2). // URL: https://www.researchgate.net/publication/374103381_Theoretical_Discussions_on_China's_Rise_in_the_Era_of_Globalization
9. Li X., Bernai-Mesa R. China-US rivalry: a new Cold War or capitalism's intra-core competition? Rev. Bras. Polit. Int., 2021. № 64 (1). 10 p.m.
10. Merwe J. The one belt one road initiative: reintegrating Africa and the Middle East into China's system of accumulation. In Mapping China's One Belt One Road Initiative edited by X. Li. London: Palgrave Macmillan. 2018.
11. Regilme S.S.F. Jr. The United States and China in the Era of Global Transformations: Geographies of Rivalry. Bristol, Policy Press Scholarship Online. 2023. // URL: <https://academic.oup.com/policy-press-scholarship-online/book/56674>
12. Schwarz B. Why America thinks it has to run the world. Atlantic Monthly 277, 1996. № 6. 100 p.
13. White H. China's one belt, one road to challenge US-led order. The Straits Times. 2017, April 25. // URL: <https://www.straitstimes.com/opinion/chinas-one-belt-one-road-to-challenge-us-led-order>
14. Ye R. A Comparison of Foreign Policies between China and the U.S. Based on Political Culture Theories. SHS Web of Conferences 187, 04032. 2024. // URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2024/07/shs-conf_essc2024_04032.pdf
15. Zhang Y., Sun Z. Comprehensive Strategic Competition: The New Orientation of the U.S. Strategy toward China, Beijing Cultural Review, 2021. № 5. P. 43-52.
16. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of the World. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.

Тюрин Е.А.

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Савинова Е.Н.

Кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Мустафин Д.О.

Аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

**Шотландский стиль в политике:
специфические и универсальные проявления.
Часть 2**

В предыдущей нашей публикации (первой части статьи) мы рассматривали теоретические аспекты применения в рамках этнополитологического дискурса понятия шотландского политического стиля. Выводы состояли в том, что концепт шотландского стиля на практике соотносится с этнополитической спецификой, присущей способам разработки и реализации политики в Шотландии. Сущность же означенного стиля раскрывается в различных компетенциях и, соответственно, разных результатах политики Эдинбурга и Лондона.

В публикуемой второй части нашего исследования мы постарались сделать акцент на некоторых аспектах, касающихся отдельных проявлений шотландскости в политико-управленческой практике.

Как отмечалось, правительство Шотландии взяло на себя обязательство осуществить решительный переход к использованию профилактических подходов к политическому циклу в соответствии со своей «пост-кристиевской»¹ программой реформирования государственных структур, устранения неравенства и снижения спроса на услуги экстренного характера [12]. Отметим, что профилактический подход в осуществлении политико-управленческой практики пользуется большой популярностью на международном уровне. Общий целеполагающий смысл этого подхода состоит в том, чтобы правительства решали широкий спектр застарелых проблем, включая преступность и антиобщественное поведение, проблемы здоровья (и нездорового образа жизни), низкий уровень образования и безработицу, на их начальном этапе, до того, как они станут слишком серьезными и ресурсозатратными.

На таком абстрактном уровне профилактический подход, применительно к политико-управленческой практике, выглядит как способствующий достижению широкого и долгосрочного общественно-политического консенсуса, объединяющего левые группы (стремящиеся уменьшить бедность и нивелировать неравенство) с правыми (нацеленными на высокую стоимость услуг и снижение экономической бездеятельности) [2, р. 367]. Упомянутый консенсус может быть отнесен и к политикам, экспертам, а также иным заинтересованным группам, объединенным общими задачами решения политических проблем. Но всё это – философско-политический идеал, скорее, отражающий, хотя и важную, но расплывчатую коммуникативную практику, нежели реальную политику [5].

Между тем, только детальная проработка соответствующих вопросов в ходе выстраивания политического цикла способна определять, кто участвует в разработке мер профилактики, какие ценности продвигаются, какие решения принимаются, а также кто окажется в выигрыше или проигрыше. Соответственно, решительный переход на правительственном уровне к применению профилактического подхода имеет смысл только в том случае, если эта решимость подкреплена более детальным видением, как это в некоторой степени предусмотрено четырьмя шотландскими «кристиевскими принципами»², суть которых сводится к следующему:

- необходимо расширение прав и возможностей отдельных лиц и со-

1 Имеется в виду Комиссия Кристи по реформе государственного сектора в Шотландии, которую возглавлял Кэмпбелл Кристи, профсоюзный лидер и генеральный секретарь TUC Шотландии в 1986-1998 годах.

2 Имеются в виду принципы Комиссии Кристи, направленные на реформирование государственного сектора в Шотландии. Свое название эта Комиссия получила от фамилии Кэмпбелла Кристи, профсоюзного лидера и генерального секретаря Конгресса профсоюзов Шотландии (STUC) в 1986-1998 годах.

обществ, получающих государственные услуги, путем привлечения их в качестве полноценных субъектов, задействуемых на всех этапах политико-управленческой практики;

- поставщики государственных услуг обязаны работать в более тесном партнерстве с гражданским обществом, различные институты которого необходимо интегрировать в процесс предоставления услуг и, таким образом, улучшать достигаемые результаты;

- требуется уделять приоритетное внимание расходам на оказание государственных услуг с целью предотвращения возникновения негативных социальных последствий;

- вся система управления при оказании услуг должна стремиться к повышению эффективности разных субъектов политического цикла за счет продуманной минимизации дублирования их ролей и функций в рамках совместного взаимодействия [11, vi].

Комиссия изучила, как уменьшить неравенство, улучшить социально-экономическое благополучие и тратить меньше денег в контексте [11, viii, p. 7, 16, 75]. Для этого правительству Шотландии необходимо было решить проблему своих незапланированных вложений в, так называемый, «цикл лишений и низких устремлений» путем. Путей решения означенной проблемы было несколько: 1) существенно перенаправить расходы на политику профилактики [11, viii; p. 6-7]; 2) изменить механизмы взаимодействия с органами, оказывающими конкретные услуги; 3) решить проблему отсутствия реального взаимодействия государственного сектора с другими секторами оказания услуг; 4) вовлечь негосударственные сообщества в разработку и предоставление государственных услуг, отказавшись от отношения к этим сообществам как к пассивным получателям услуг [11, p. 27].

Кроме того, были определены и обозначены направления, на основе которых могла бы разрабатываться политика профилактики:

- персонализация предоставления услуг (например, обсуждение с пользователями медицинских услуг деталей их лечения) [11, p. 28-29];

- обучение опекунов с целью минимизации дорогостоящих государственных услуг для людей, находящихся под опекой [11, p. 31];

- развитие социальных сетей с целью устранения последствий социальной изоляции [11, p. 32];

- налаживание партнерских отношений с третьим сектором [11, p. 33];

- построение механизмов предоставления услуг «снизу вверх» через структуры, подобные фондам общественного развития [11, p. 34];

- снижение неравенства в таких областях, как обучение и работа [11, p. 57];
- особое внимание к потребностям неблагополучных районов и групп населения [11, p. 59].

Реакция правительства Шотландии к означенным направлениям была положительной [11, p.6], что свидетельствует об определенном сдвиге в сторону профилактического подхода при принятии и реализации политико-управленческих решений, а также о наметившейся выработке целостного подхода к решению проблемы неравенства. В итоге шотландское правительство пошло по пути воплощения этих декларируемых направлений в программе конкретных целей и действий.

Были разработаны правительственные проекты, направленные на профилактику (включая инвестиции в подрастающее поколение и борьбу с бедностью); увеличение численности классов и реформу учебных программ; профессиональную подготовку; борьбу с табакокурением, наркотиками и алкоголем; медицинские осмотры, направленные на устранение неравенства в данной сфере; альтернативы краткосрочному тюремному заключению; доступное жилье; энергетическую помощь и др.

Помимо прочего, было объявлено о создании трех новых фондов, представляющих собой «инвестиции в профилактические расходы» в размере 500 млн фунтов стерлингов из фондов правительства Шотландии и общественных организаций: Фонд помощи пожилым людям (в первую очередь из бюджета Национальной службы здравоохранения); Фонд помощи в раннем возрасте и раннего вмешательства (Национальная служба здравоохранения и местные органы власти); Фонд борьбы с рецидивами; Фонд перемен (с активным участием третьего сектора), а также Шотландский фонд будущего (объединяющий расходы на молодежный спорт, широкополосную интернет-связь, уверенный социальный старт, борьбу с бедностью и развитие общественного транспорта).

Тогда же шотландские власти определили свои конкретные приоритеты: расширение дошкольного образования и сокращение численности классов; внедрение программы «Как сделать это правильно для каждого ребенка» (GIRFEC); увеличение финансирования (30 млн фунтов стерлингов) на раннее выявление рака; введение минимальной цены за единицу продукции на алкоголь и дальнейшую борьбу с табакокурением; поддержание «сообществ обездоленных» и поддержка общинных схем использования возобновляемых источников энергии [11, p. 6-9].

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что политика

профилактики в Шотландии отражает проблему «сложного управления», поскольку в государственном секторе этой страны уделяется большое внимание, и профилактические мероприятия широко распространены [7]. Тем не менее, заявленный шотландскими властями тезис о «решительном переходе к профилактике» весьма неоднозначен. Это может означать что угодно – описывать краткосрочные значительные или долгосрочные постепенные изменения; показывать приоритет сокращения неравенства или давать представление о неизбежных издержках. Но при этом, обратите внимание, что в реальности многие профилактические инициативы не направлены ни на то, ни на другое. Хотя, безусловно, имеется существенный потенциал для того, чтобы разрозненные структуры менялись, а не разрушались – например, в сфере охраны общественного порядка (а не охраны правопорядка), или в политике, объединяющей здравоохранение и образование (но не планирование, транспорт и окружающую среду).

Иными словами, приверженность политике, ориентированной на пользователей услуг, открывает широкие возможности для применения местных правил взаимодействия государственных органов, частных лиц и третьего сектора. Поэтому-то в Шотландии и возникла сложная политико-управленческая система, функционирование которой обусловлено спектром многоуровневых, ведомственных и центрально-местных вопросов, помноженных на большое количество сквозных областей политики, которыми занимается шотландское правительство.

Собственно, подход правительства Шотландии заключается в разработке широкой стратегии поощрения местных органов власти с помощью механизмов достижения общих целей. Впрочем, пока еще этот процесс далек от оптимального состояния [8], поскольку даже при очень широкой приверженности политике профилактики, все же проявляются различия, обусловленные географическими и социально-экономическими условиями каждой конкретной территории, а также различиями в понимании профилактики и неличием тенденций переосмысления существующих проектов [10].

Процесс выработки более значимых совместных целей и общего языка в отношении результатов продолжается. Происходит это в контексте более неотложных целей и задач политико-управленческого процесса, требующего от правительства Шотландии принятия обязательств в сферах, не связанных напрямую с профилактикой (в том числе по поддержанию целевых показателей в отношении численности полиции,

времени ожидания в больницах, соотношения учителей и учеников в школах). Кроме того, широкая приверженность профилактике как идее по-прежнему противоречит местному и национальному императиву преуменьшать значение профилактических целей в партийных манифестах до тех пор, пока партии не смогут найти правильные формулировки для их реализации.

Сегодня можно заметить, что «решительному переходу к профилактике» со стороны правительства Шотландии уделяется меньше внимания. Положение, сложившееся в шотландской системе выработки/принятия/реализации политико-управленческих решений, можно охарактеризовать, скорее, как период перехода от услуг для молодежи к услугам для взрослых (например, от педиатрических служб здравоохранения к социальной помощи в целом; от одного уровня образования к другому; от образования к профессиональной подготовке; от исправительных учреждений к активному вовлечению в общественную жизнь) [1; 3; 4; 6; 9]. Таким образом, следует говорить не о «решительном переходе к профилактике», а о «политике переходного периода», под которой мы понимаем целый ряд соответствующих политико-управленческих практик и стратегий, а не постулаты какого-либо отдельного конкретного правительственного документа.

Переход целеполагающих акцентов в шотландском политическом цикле от услуг для молодежи к услугам для взрослых предполагает оптимизацию механизмов координации между большим количеством департаментов и организаций (включая образование, социальную работу и здравоохранение). Проблемы возникают, когда, например, документ, инициированный и подготовленный одним местным департаментом, внедряется другим, обладающим иными навыками и идеями. В подобной ситуации есть два варианта решения: либо достижение более тесного сотрудничества между отдельными подразделениями, либо формирование отдельной команды по переходу. В первом случае хорошая коммуникация в значительной степени зависит от личных отношений и управляемой численности персонала, или размера самого подразделения – и то, и другое отсутствует во многих областях. Эти проблемы более заметны в сфере оказания услуг взрослому населению, где пользователи услуг более ответственно относятся к вопросу доступности отдельных конкретных услуг. Во втором случае, команды по переходу могут решить некоторые из означенных проблем, но, по иронии судьбы, они сами же могут и создавать новые барьеры, когда оказывают-

ся чрезмерно сосредоточенными на вопросе перехода в ущерб другим аспектам каждой услуги. В итоге команды могут взять на себя ответственность за переход, но другие специалисты становятся менее вовлеченными в процесс взаимодействия друг с другом.

Подобного рода неоднозначность вызывает дополнительные сложности в реализации различных отраслевых политик. Так, в социальной сфере эти сложности возникают на множестве уровней. Это проявляется, например, когда отдельные люди с очень разными социальными потребностями, требующими индивидуального подхода со стороны широкого круга организаций, вынуждены взаимодействовать со сложной сетью должностных лиц из различных департаментов на разных уровнях управления. Кроме того, помимо шотландских управленческих структур, правительство Великобритании тоже контролирует определенные сегменты социальной сферы. Эти факторы показывают, что правительство не имеет четкого представления о процессе перехода, нет ясной схемы решения управленческих задач. В итоге, передача функционала, касающегося реализации конкретной отраслевой политики между разными органами носит неоднородный характер, что происходит, главным образом, потому, что местные и региональные органы власти, как правило, мало что знают о практике на местах в других регионах.

Таким образом, шотландское правительство приобрело репутацию управляющего субъекта, проводящего политику по-другому. Эта особенность в политико-управленческой практике побуждает академические исследования использовать кейсы Великобритании и Шотландии в качестве примера для сравнения, чтобы определить «шотландский стиль» в политике. Подобные эпитеты могут быть использованы для восхваления шотландской политико-управленческой практики, выигрывающей при сравнении с таковой на общебританском уровне, на котором Лондон показывает свои худшие неолиберальные проявления в своих подходах к управлению.

Однако опасность заключается в том, что эта сравнительно хорошая репутация Шотландии отвлекает нас от детального анализа того, в какой степени шотландское правительство сталкивается с теми же проблемами, что и любое другое, и часто решает их схожими способами. Некоторые политические проблемы носят территориальный характер, но многие из них универсальны.

Во-первых, существует неизбежный компромисс между желанием гармонизировать национальную политику и поощрением осмотри-

тельности на местах. Все субъекты и участники политического цикла по-разному понимают эту проблему. Некоторые сетуют на фрагментацию государственных услуг, другие выделяют более позитивные представления о гибком управлении, потенциале инноваций, индивидуальных услуг и ценности политики, проводимой под руководством малых сообществ.

Во-вторых, политики имеют ограниченный контроль над означенным выше компромиссом. Они не выбирают уровень фрагментации. Вместо этого они сталкиваются с одним и тем же: 1) способностью уделять внимание лишь небольшой части деятельности государственных управленческих структур; 2) склонностью к тому, что проблемы решаются в правительственных структурах; 3) возможностью для политиков в разных департаментах или на разных уровнях управления по-разному понимать и решать политические проблемы; 4) сложностью, свидетельствующей о том, что результаты политики часто проистекают из действий на местах в отсутствие центрального контроля. Все эти проблемы могут быть решены лишь ограниченным образом с помощью стратегий, основанных на соблюдении профессиональных норм, использовании показателей подотчетности и эффективности работы, а также на поощрении обмена опытом между государственными органами. Шотландский стиль (как особый подход) мог бы помочь решить проблемы, связанные с разрозненностью, двусмысленностью и дискрецией, в том случае, если политика разрабатывается совместно и принадлежит общенациональным, региональным и местным органам власти. С другой стороны, это подразумевает необходимость поощрять свободу действий, значительную степень участия в разработке политики на местном уровне и признание того факта, что некоторые направления политики могут формироваться при отсутствии централизованного управления.

Исходя только из этого, трудно сказать, какими будут результаты политики. Некоторые вопросы, по-видимому, с большей вероятностью усугубят универсальные проблемы в большей степени, чем другие. Описав два аспекта шотландской политики (профилактику и переходный период), которые охватывают различные уровни управления, мы рискуем сделать вывод, что проблема заключается не в достижении консенсуса или сопричастности (потенциальных преимуществ шотландского стиля). Скорее, проблема часто заключается в двусмысленности. Люди не всегда имеют четкое представление о том, что означают профилактика или переходный период на практике (применительно к различным видам поли-

тических проблем, или фрагментации, когда различные государственные органы пытаются, отчасти безуспешно, сотрудничать для достижения более конкретных целей и задач).

Что же касается универсальных моментов, то они важны, когда мы рассматриваем формирование политики в Шотландии в контексте дебатов о конституционных изменениях и расширении деволюции. Дальнейший перенос ответственности за весь политический цикл (от инициирования и разработки политики до результатов ее реализации) с Великобритании на Шотландию может ослабить какой-то один из аспектов сложного государственного управления, но многие из них все равно останутся. Однако это не решит проблему определения и решения сквозных и неоднозначных проблем. Эти вопросы, как правило, игнорируются во время дебатов, по крайней мере, в тех случаях, когда считается, что Эдинбург имеет гораздо лучшую репутацию в области выработки политики, чем Лондон.

Список литературы / Bibliography

1. Biggart A., Walther A. Coping with yo-yo transitions, in C Leccardi, E Ruspini (eds) *A new youth?* Farmham and Burlington, VT: Ashgate, 2006. P. 41-62.
2. Billis D. At risk of prevention, *Journal of Social Policy*. 1981. № 10, 3. P. 367-379.
3. Cashmore J., Paxman M., Predicting after-care outcomes: The importance of 'felt' security, *Child and Family Social Work*, 2006. № 11, 3. P. 232-241.
4. Dixon J., Stein M. Still a bairn? Throughcare and aftercare services in Scotland: Final report to the Scottish executive, York: University of York for the Scottish Executive, 2002.
5. Fischer F., Gottweis H. Introduction: The argumentative turn revisited, in Fischer, H Gottweis (eds) *The argumentative turn revisited: Policy as communicative practice*. Durham, NC: Duke University Press, 2012. P. 1-27.
6. Jackson S., Cameron C. Leaving care: Looking ahead and aiming higher, *Children and Youth Services Review*, 2012. № 34, 6. P. 1107-1114.
7. Scottish Government and ESRC, 2013, *What Works Scotland (WWS)* // URL: www.esrc.ac.uk/_images/WWS%20Call%20spec%20FINAL%2006%20Jan%202014_tcm8-29575.pdf (Дата обращения: 23.05.2025)
8. Scottish Government. *Final single outcome agreements 2013*, Edinburgh: Scottish Government, 2014.
9. Wade J. The ties that bind, *British Journal of Social Care*, 2008. № 38, 1. P. 39-54.
10. Cairney P., St Denny E. A framework to decide 'what works' in prevention policy, paper to Scottish Government, February, 2014 // URL: <http://www.futureukandscotland.ac.uk/sites/default/files/papers/Cairney%20St%20Denny%20Prevention%20Paper%2021.2.14.pdf> (Дата обращения: 23.05.2025 г.)
11. Commission of the Future Delivery of Public Services. Report, Edinburgh: Scottish Government, 2011 // URL: www.scotland.gov.uk/Resource/Doc/352649/0118638.pdf (Дата обращения: 23.05.2025)
12. Scottish Government *Renewing Scotland's Public services*, Edinburgh: Scottish Government, 2011 // URL: www.scotland.gov.uk/Publications/2011/09/21104740/0 (Дата обращения: 23.05.2025)

Кайсар Али

Аспирант, кафедра политологии.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Университет Абдул Вали Хана Мардан.

Шахид Ян Африди

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
факультет гуманитарных
и социальных науки, Университет Абдула Вали Хана Мардан.

**Последствия израильских атак
на Сирию в условиях войны в Газе:
стратегический и политический анализ**

Qaisar Ali

Postgraduate student, Department of Political Science.
Peoples' Friendship University of Russia, Abdul Wali Khan University Mardan.

Shahid Jan Afridi

Peoples' Friendship University of Russia,
Faculty of Humanities and Social Sciences, Abdul Wali Khan University Mardan.

**The consequences of Israeli attacks
on Syria in the context of the Gaza war:
a strategic and political analysis**

Introductions

The origins of the tension between Israel and its neighboring nations trace back to the establishment of the Jewish state, which formally began on May 15, 1948, and culminated in the signing of the armistice on July 20, 1949. This period followed a civil conflict that erupted after the United Nations' partition plan was adopted on November 29, 1947. The hostilities largely subsided by January 7, 1949. Since Israel's establishment in 1948, the two countries have

been embroiled in a series of conflicts, with major direct military engagements occurring during the First Arab-Israeli War (1948–1949), the Six-Day War (1967), and the Yom Kippur War (1973).

Syria has remained a key adversary, periodically engaging in hostilities through direct military actions and proxy conflicts, beginning with the Syrian army's capture of territory from Israel in 1948, particularly in the areas surrounding the Sea of Galilee. Much of this land was returned to Israel under the terms of the July 1949 Armistice Agreement, which established demilitarized zones. The region continued to be recognized as such after the 1974 UN-mediated ceasefire.

The Palestinian Arab population, rejecting the 1947 UN partition resolution, formed the Palestinian Liberation Organization (PLO) and began demanding independence in historic Palestine, a position they have held since 1967, and even earlier. In contrast, Israel established settlements in the West Bank and Gaza Strip, with over 550,000 Israeli Jews constructing new communities in these territories, including Jerusalem and the surrounding areas.

Despite two rounds of negotiations between Israel and the Palestinian Authority in the 1990s and 2000, no final resolution was reached, though some agreements allowed for limited Palestinian governance over certain areas. In 2005, Israel withdrew from the Gaza Strip, dismantling all Jewish settlements in the region. (The Boundaries of Israel–Palestine: Past, Present, and Future—A Critical Geographical Perspective, 2008)

Since 2000, following Israel's withdrawal from Lebanon and the death of Syrian President Hafez al-Assad, Hezbollah's prominence within the regional alliance grew significantly. As Hezbollah's strength and political influence within Lebanon expanded, the newly appointed Syrian president struggled to solidify his position. Syria's crucial role in facilitating the transfer of arms from Iran to Hezbollah has been a central aspect of their cooperation. However, it is believed that Damascus does not exert substantial influence over Hezbollah's strategic decision-making (Yacoubian, November 2006).

Syria has never acknowledged Israel as a legitimate state and does not recognize Israeli passports as valid for entry into Syrian territory. In return, Israel considers Syria a hostile state and generally restricts its citizens from traveling there, though certain exceptions and special arrangements have occasionally been made by both nations.

Israel's objectives in the Syria conflict are multifaceted, with key goals including reducing Iranian and Russian influence in the region, preventing the transfer of advanced weaponry to Hezbollah, and safeguarding its own secu-

rity by preventing Syria from becoming a credible military threat. A primary concern for Israel has been Iran's use of Syrian territory to transfer rockets, weapons, and funding to Hezbollah, thereby enabling the group to threaten Israel from its stronghold in southern Lebanon. In October 2012 and April 2013, Israeli Prime Minister Netanyahu asserted that Israel would not allow sophisticated weapons, such as Russian-made anti-aircraft missiles or chemical munitions, to be transferred to Hezbollah or al-Qaeda-affiliated extremist groups like the al-Nusra Front. Netanyahu reiterated this commitment in September 2015 during a press conference with Russian President Vladimir Putin, emphasizing that Israel was actively working to prevent the flow of advanced and deadly weaponry from Syrian territory to Hezbollah. In his address to the United Nations General Assembly in October 2015, Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu provided a detailed account of Israel's actions in the Golan Heights. He stated that Israel had "seized" territory in the region, which was under Syrian control. In response to escalating tensions, the Israeli military issued warnings to the residents of five villages located near the Israeli-occupied section of the Golan Heights, advising them to "stay

An Israeli soldier is stationed on a tank near the ceasefire line between Syria and the Israeli-occupied Golan Heights.

home.” Netanyahu further confirmed that he had directed Israeli forces to establish a buffer zone in the Golan Heights following the rapid advance of Syrian opposition forces. This military intervention was framed within the context of the 1974 ceasefire agreement between Israel and Syria (Hanauer, 2016; Jazera, December 8, 2024).

Israel has effectively “seized” territory in the Syrian-controlled areas of the Golan Heights, prompting the Israeli military to issue warnings to residents of five villages located near the Israeli-occupied section, instructing them to “stay home.” Prime Minister Benjamin Netanyahu affirmed that he had ordered Israeli forces to establish a buffer zone in the Golan Heights, in alignment with the terms of the 1974 ceasefire agreement with Syria, following the swift advance of Syrian opposition forces that led to the downfall of Bashar al-Assad’s regime.

Hayat Tahrir al-Sham (HTS), a well-equipped and trained group supported by Lebanon and other regional actors like Turkey, increases the likelihood

of escalating tensions in Syria, potentially leading to a more intense conflict compared to Gaza. Simultaneously, the international community’s focus on Syria presents an opportunity for Israel to intensify its actions against the Palestinians.

On December 14, Jordan will host a meeting of eight Arab foreign ministers, alongside U.S. Secretary of State Antony Blinken, to discuss Syria’s political transition. This meeting, held in the coastal city of Aqaba, comes amid growing concerns among neighboring countries about the developments in Syria. Regional leaders fear that the overthrow of Assad could spark unrest in their own nations, with the potential for a political vacuum to plunge Syria into chaos.

Secretary of State Antony Blinken waits to disembark from a plane Friday in Jordan’s Red Sea resort of Aqaba. (Andrew Caballero-Reynolds/Pool/Reuters).

Blinken's visit follows a rapid tour of the region in the aftermath of Assad's regime collapse. The United States has consistently urged for a new government in Syria that is inclusive and protective of minorities and women. Turkey, which played a pivotal role in backing the rebel groups responsible for Assad's ousting, now stands to have significant influence over Syria's post-Assad political transition (Post, 2024).

Theoretical debate

In this research, neo-realist perspective, which describes the global system as anarchic, and without a central authority and revolve around interest. In this political environment, states are always concerned with their security, interest, power and survival, thus experiencing a struggle for power, and control at all times (Mearsheimer, 2001). The struggle for national interest and power dominancy will find its expression in the military build-up, formation of alliances, and the search for strategic geo-political advantages (Waltz, 1979). Either it is Constructional political approach or game theory, states sometime construct their own reality to jump in a conflict or sometime, states feel insecure and threat to do pre-emptive measures. The neo-realist, however, optic helps explain a number of important political dynamics in the Israeli-Palestinian conflict, and the Israeli attack on Syria to capture Golan Height to check on Middle East future threats. Viewing itself as an isolated power with greater Israeli notion surrounded by hostile actors, Israel sees the Syrian conflict with a degree of trepidation. Consequently, Israeli attacks on Syria can be viewed as attempts to prevent the proliferation of advanced weaponry to Hezbollah, Militants groups in Syria, and other militant groups, counter Iranian influence in Syria, and maintain its military and geo-political superiority in the Middle East. The Syrian political situation and conflict has created a political power vacuum in the region, and Israel views this situation as a threat in future, also want to utilize this chaotic situation to capture Golan Heights which make her strong in the region, and directly sabotage the Palestine cause of two state solution in the region.

Fall of Assad Advantageous for Israel

By avoiding the emergence of an antagonistic bloc along its northern border and exerting influence in the larger regional context, Israeli actions in Syria might be understood as an effort to shape the post-conflict environment in Syria to its benefit. Regional relations are further complicated by the ongoing conflict in Gaza. Thus, Israeli military actions in the Gaza

Strip might be partially interpreted as an expression of greater security concerns and the country's ongoing attempts to dissuade Hamas and other terrorist groups from carrying out strikes intended to maintain control over Palestinian territory. Next, the drawbacks of a strictly neorealist approach will be highlighted. This makes it impossible to assess how internal political factors—specifically, public opinion or election considerations—influence Israeli decision-making. Furthermore, it ignores how crucial ideology and identity are to Israeli foreign policy, especially in light of the Palestinian problem and the humanitarian fallout from Israeli actions in Syria and Gaza. Utilizing a comparative political analysis, this study will examine the consistent trends and motivations driving Israel's strikes on Syria through a content analysis of official declarations, news reports, and scholarly literature. In order to highlight the strategic and political ramifications of such strikes on the Israeli-Palestinian conflict and the future of the Middle East, the research study examines these acts within a larger regional power-play framework.

Israel dependency over Golan Heights

The Golan Heights, situated in southwestern Syria about 60 kilometers (40 miles) south of Damascus, are bounded by the Yarmouk River to the south and the Sea of Galilee (Lake Tiberias) to the west. Spanning an area of 1,800 square kilometers (700 square miles), this region has been a persistent source of geopolitical dispute. In recent years, Israel has engaged in several actions that violate Syrian sovereignty, including multiple airstrikes. Notably, these vi-

olations have been accompanied by a renewed military presence in the Golan Heights, evidenced by the deployment of tanks and the establishment of illegal settlements.

Alternate version: The Golan Heights, located in the southwestern part of Syria, approximately 60 kilometers (40 miles) south of Damascus, are bordered by the Yarmouk River to the south and the Sea of Galilee (Lake Tiberias) to the west. Encompassing 1,800 square kilometers (700 square miles), the area has long been a subject of territorial dispute. Recent Israeli actions have exacerbated tensions, with frequent violations of Syrian sovereignty, including a series of airstrikes. Additionally, Israel has reinforced its presence in the Golan Heights through the deployment of military tanks and the establishment of unauthorized settlements.

On December 12, 2024, Israeli soldiers, accompanied by the national flag, were seen standing on an armored vehicle after crossing the security fence near the so-called Alpha Line, which marks the boundary between the Israeli-occupied Golan Heights and Syria, in the town of Majdal Shams (AP Photo/Matias Delacroix). The region, a rocky expanse of land that is internationally recognized as part of Syria, has become a focal point for intensifying tensions between Israel and Hezbollah. Israel's Defense Minister has emphasized the nation's objective of establishing a "sterile defense zone" in southern Syria, following Israel's occupation of territory and a series of airstrikes after the ousting of President Bashar al-Assad. Recently, Israeli troops have penetrated the demilitarized zone in Syria, including the strategically critical Mount Hermon, where they seized control of a deserted Syrian military post. Additionally, Israeli airstrikes have targeted various military sites, research facilities, and electronic warfare units in and around Damascus. The United Nations, through a spokesperson for Secretary-General Antonio Guterres, condemned these strikes, asserting the organization's firm opposition to such attacks.

Alternate version: On December 12, 2024, Israeli soldiers, displaying the national flag, were observed standing on an armored vehicle after crossing the security fence near the so-called Alpha Line, which delineates the boundary between the Israeli-occupied Golan Heights and Syria, in the town of Majdal Shams (AP Photo/Matias Delacroix). This rocky terrain, which according to international law remains Syrian, has become a site of growing tensions between Israel and Hezbollah. Israel's Defense Minister declared the country's intent to establish a "sterile defense zone" in southern Syria, a strategy that follows Israeli territorial gains and a series of airstrikes post-President Bashar al-Assad's removal. Recently, Israeli forces have entered Syria's demilitarized

zone, including the Syrian-held Mount Hermon, where they took control of a disused military post. Israeli airstrikes have also targeted various military installations, research centers, and electronic warfare facilities near the capital, Damascus. A representative for UN Secretary-General Antonio Guterres condemned these actions, asserting the UN's opposition to such attacks.

Following the fall of Syria's Bashar al-Assad, Israel has increasingly encroached on Syrian territory. In a related development, Israel's government has approved a plan to expand the number of Israeli settlers in the illegally occupied Golan Heights, just days after seizing additional Syrian land following the ousting of Syria's long-time leader. The Israeli Prime Minister's office announced that the government had "unanimously approved" a plan for the "demographic development" of the occupied Golan Heights, which aims to double the Israeli population in the region. However, this plan does not extend to the area seized by Israel after Assad's removal, which includes Mount Hermon, a strategically significant location overlooking Damascus. The region had previously been demilitarized as part of an agreement following the 1973 war (Jazeera, 14 Dec 2024).

Since Assad's dramatic flight to Russia, Israel has conducted more than 400 airstrikes on Syria and, despite protests from the United Nations, launched a military incursion into the buffer zone that has separated the two countries

Israeli military vehicles cross the fence to the buffer zone with Syria near the Druze village of Majdal Shams in the Israel-annexed Golan Heights on December 10, 2024 [Jalaa Marey] (Serdar, 11 Dec 2024)

since 1974. Israel asserts that its military operations have targeted strategic facilities, including weapon warehouses, ammunition depots, airports, naval bases, and research centers. Additionally, Israel has deployed military units into the buffer zone along the Golan Heights, which separates Syria and Israel (Simon, 11 Dec 2024).

Syria's geostrategic interests in Lebanon are historically significant, with Lebanon once being part of Greater Syria during the Ottoman era. To this day, the Syrian government refuses to officially demarcate the border or establish formal diplomatic relations with Lebanon, maintaining that the two countries share an "organic bond." Following the passage of UN Security Council Resolution 1701, which ended hostilities between Israel and Hezbollah, Syria rejected the deployment of foreign troops along its border with Lebanon, deeming it a "hostile" act. Lebanon has also been a battleground for several proxy conflicts, particularly between Syria and Israel, with Syria often leveraging surrogates like Hezbollah to exert pressure on Israel (Yacoubian, November 2006).

Political and Legal Frameworks

United Nations experts stated on Wednesday that Israel's airstrikes on Syria following the ouster of longtime President Bashar al-Assad violate internation-

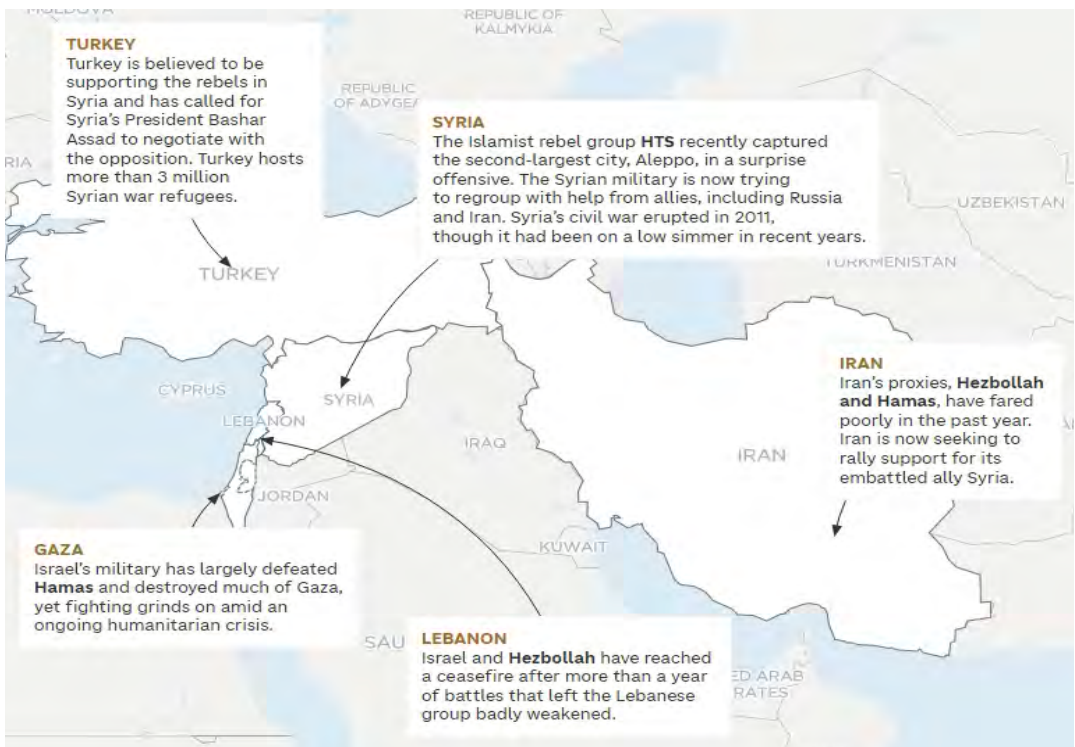
Source: International concern grows over Israel advancing into Syrian territory, Dec-2024.

al law, condemning Israel's actions as "lawless" and labeling its attempts to "preemptively disarm" its adversaries as illegal.

Since Assad's removal, Israel, which shares a border with Syria, has deployed troops into a buffer zone east of the Israeli-annexed Golan Heights, a move that the United Nations has condemned as a breach of the 1974 armistice agreement between the two nations. Furthermore, Israel's military has reported conducting hundreds of strikes on Syrian military targets over the past two days, claiming to have targeted various assets, including chemical weapons storage, air defense systems, and other military installations, with the intent of preventing these from falling into rebel hands (UN, 12 Dec. 2024).

A chain of upheavals in the region

As Syria enters a new era following the fall of Bashar al-Assad, Israel's "temporary" incursion into the Golan Heights' demilitarized zone is generating significant geopolitical uncertainty. From tank battles to fragile ceasefires, and with groups such as Hezbollah and Hayat al-Sham becoming increasingly in-

Credit: Connie Hanzhang Jin and Greg Myre/NPR.

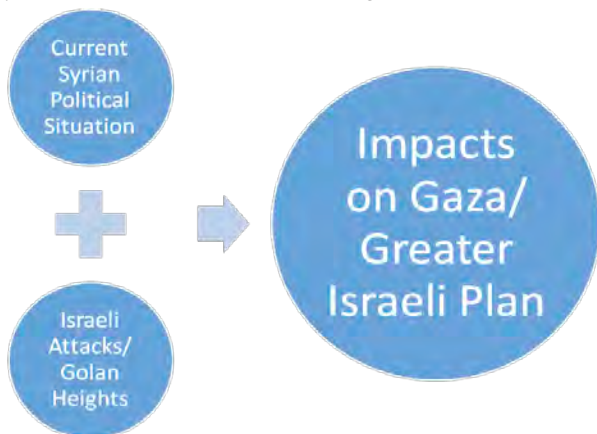
volved, Israel's presence is becoming more entrenched. During a visit to the Syrian side of the buffer zone on December 17, Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu made it clear that Israel intends to stay for an extended period. Speaking from the windswept summit of Mount Hermon, which overlooks Syria, Netanyahu stated that Israel would remain "until another arrangement is found that will ensure Israel's security."

The rapid advance of the rebel group Hayat Tahrir al-Sham (HTS) seemed to emerge unexpectedly. However, the events in Syria are interconnected with a series of broader upheavals in the Middle East over the past year, beginning with the Israel-Hamas war in Gaza. Collectively, these events have destabilized the region, creating an opening for HTS fighters to launch their offensive. Iran, meanwhile, has faced setbacks, as its proxies, Hezbollah and Hamas, have struggled in their conflicts with Israel. Additionally, Israeli strikes on Iran have weakened the country's air defenses, leaving it vulnerable to future Israeli attacks (Myre, December 3, 2024).

While Syria celebrates the overthrow of its longtime dictator, it is also being subjected to new ground incursions and a series of airstrikes from Israel, which has drawn increasing international condemnation. Israel claims that its airstrikes and ground actions are aimed at preventing President Assad's arsenal of rockets and chemical weapons from falling into the hands of extremists who could pose a threat to its borders and people.

Response from the Region

Qatar's Ministry of Foreign Affairs condemned Israel's actions, stating that its "attempts to occupy Syrian lands will lead the region to more violence and tensions," and labeling the move a "flagrant violation of international law." Saudi Arabia echoed these concerns, asserting that Israel's actions "confirm Israel's continued violations of the principles of international law" and called for the international community to uphold Syria's "territorial integrity." Iran also condemned Israel's military ac-

Comparative Political Model on Middle East.

tions, describing them as a breach of the U.N. Charter and urging immediate intervention by the U.N. Security Council. Additionally, Turkey, a NATO ally of the U.S., criticized Israel, accusing it of once again demonstrating an “occupying mentality” and condemning its actions while Syria seeks “peace and stability” (Clayton, Dec. 10, 2024).

The Gaza war has shaken up the Mideast: Now Syria’s war has reignited

Palestinians and Syrians have long seen themselves as part of a shared region, connected by cultural, religious and familial ties formed over centuries. These bonds have served as a deep foundation for resistance to Zionist colonialism on Palestinian lands. Given this context, any regime in Syria, even under former President Hafez al-Assad, has been expected to oppose Israel. The political discourse on Syria often focuses on its membership in the “axis of resistance”, stretching from Iran to Hezbollah in Lebanon. I am not among those who dismiss this alignment outright, but I also recognize that Syria’s role in the resistance bloc was a byproduct of geopolitical constraints.

An Arab democratic order where people get to elect their rulers in a free and fair manner is probably the biggest threat to Israel. Furthermore, Israel is not all-powerful: despite a century of colonization in Palestine, backed by western military and economic support, Israel has failed to crush the Palestinian people, who live in a relatively small geographic area. How, then, could it control the fate of a country as complex as Syria? Of course, Israel, the US, Russia, Turkey and various Arab states have all played - and continue to play - roles in Syria. This is the unfortunate reality of the region’s geopolitical landscape, where all actors pursue their own interests. But despite these interventions, the final say belongs to the Syrian people. In the end, only they can determine Syria’s future, for better or worse - and they still have agency. On the Palestinian cause, the Syrian people are no different from other Arab nations in recognizing its importance.

I do not know what Syria future holds, but I can’t deny the joy I felt upon seeing videos of thousands of prisoners being released from the country’s hellish detention centers. After a year and two months of witnessing genocide in Gaza, seeing children reunited with parents they believed they would never see again brought a rare moment of hope (Shhadeh, 12 December 2024).

Competing for influence

Syria’s future will also be shaped by internal as well as external actors. Turkey, the US and Russia are competing for influence, each with conflicting goals.

Turkey's support for militias and opposition to Kurdish ambitions obstructs cohesion, while Iran's now-reduced role, together with the waning of Russia, creates a vacuum for other powers to fill. This interplay risks further instability, as Syria's trajectory could be dictated by external forces rather than by its own people while on the other side Israel air strikes and bombing also grabbing the influence in the new era of Syria (Mikai, 13 December 2024) Considering that the Syrian regime has long touted itself as the 'beating heart of Arabism' and the chief defender of the Palestinian cause, why then has the regime failed to come out in open support of Hamas? In attempting to understand Syria's silence, three factors appear relevant.

First, the Syrian regime still harbors a great deal of resentment towards Hamas because of its support for the Syrian opposition during the uprising. Having provided a base for Hamas' political bureau after its expulsion from Jordan in 1999, Second, after thirteen years of bitter conflict, the Syrian state is in ruins and in no position to withstand an Israeli onslaught in the event of an all-out regional conflagration. A staggering 90 percent of the Syrian population live below the poverty line; a third of the Syrian territory remains outside the hands of the regime's control; and the regime is still reeling from the aftermath of the devastating 2023 earthquake that left 55,000 dead across Syria and Turkey and tens of thousands displaced.

Third, and perhaps the most important reason for Syria's reticence, is the fact that over the past few years, the Syrian regime has been trying to diversify its alliances, slowly shifting away from the axis of resistance, in order to break out of its international isolation and mitigate the effects of economic sanctions and the Caesar Act, passed by the US Congress in 2019. In 2018, the United Arab Emirates (UAE), which has sought to extricate Syria from the Iranian camp and roll back the extent of Iranian influence in the region, became the first Arab state to re-establish its relations with the Syrian regime, re-opening its embassy in Damascus, and the first in the region to welcome Bashar on a foreign visit (Akhter, October 2024).

Comparative and Contextual Analysis

Israel and Lebanese Hezbollah are intensifying hostilities under the operation designated by Israel as Operation Northern Arrows. In mid-September 2024, Israeli intelligence successfully disrupted and detonated thousands of Hezbollah communication devices, including beepers and walkie-talkies, leading to the deaths of numerous Hezbollah members and injuries to thousands more. On September 27, 2024, an Israeli airstrike targeted and killed

Hezbollah leader Hassan Nasrallah at the group's headquarters in Beirut. Since the 1979 Iranian revolution, Iran's Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) has played a pivotal role in the establishment and support of Hezbollah, providing financial resources, military equipment, training, and strategic direction. The IRGC also deployed up to 1,500 advisers to the Bekaa Valley in Lebanon to establish training camps for Hezbollah militants. Hezbollah significantly influenced Israel's decision to establish a buffer zone along the Lebanese border in 1985 and its full withdrawal from Lebanon in 2000 (Daniel Byman, October 2024).

Alternate version: The conflict between Israel and Lebanese Hezbollah has escalated under Israel's Operation Northern Arrows. In mid-September 2024, Israeli intelligence dismantled and detonated thousands of Hezbollah communication devices, including beepers and walkie-talkies, resulting in the deaths of dozens of Hezbollah members and injuries to thousands. On September 27, 2024, an Israeli airstrike killed Hezbollah leader Hassan Nasrallah at the group's headquarters in Beirut. Following the Iranian revolution of 1979, Iran's Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC) provided substantial support in the creation of Hezbollah, including financial assistance, equipment, training, and strategic advice. The IRGC also deployed up to 1,500 advisers to the Bekaa Valley in Lebanon to establish training camps for Hezbollah fighters. Hezbollah was instrumental in Israel's decision to withdraw to a buffer zone on the Lebanese border in 1985 and its complete withdrawal from Lebanon in 2000 (Daniel Byman, October 2024).

Escalating violence

The escalation of violence in late September 2024 marked a significant intensification in the Israel-Hezbollah conflict, surpassing earlier stages of the confrontation. Following an average of approximately 160 attacks per week over the 11 months after October 7, Israel conducted more than 300 airstrikes against Lebanon in the week of September 15, and over 700 airstrikes during the week of September 22 (Daniel Byman, October 2024). Rather than pursuing a large-scale ground invasion, Israel is likely to pursue a prolonged and extensive air campaign targeting Hezbollah, and potentially Iran and Iran-aligned groups. In this context, both piloted aircraft and drones would focus on striking Hezbollah's rocket and missile launch sites, ammunition depots, command-and-control centers, leadership figures, and intercepting arms shipments from Iran to Hezbollah (Daniel Byman, October 2024).

Alternate version: The surge in violence at the end of September 2024 rep-

resented a marked escalation in the Israel-Hezbollah conflict, surpassing prior periods of hostilities. After averaging around 160 attacks per week in the 11 months following October 7, Israel launched more than 300 airstrikes against Lebanon during the week of September 15, and over 700 strikes in the week of September 22 (Daniel Byman, October 2024). Instead of initiating a large-scale ground invasion, Israel is more likely to engage in a sustained and extensive air campaign aimed at Hezbollah, with the possibility of extending the operations to target Iran and Iran-backed factions. In such an approach, piloted aircraft and drones would target Hezbollah's rocket and missile sites, ammunition stockpiles, command centers, leadership figures, and intercept Iranian arms shipments destined for Hezbollah (Daniel Byman, October 2024).

Options for mitigating a war

Since the onset of the Israel-Hezbollah crisis, the United States has been engaged in continuous diplomatic efforts to broker a ceasefire. While these efforts have largely been unsuccessful, the U.S. played a key role in persuading Israel not to launch a preemptive strike on Hezbollah in the aftermath of the October attack. Furthermore, the United States may have deterred Iran from escalating its involvement and has likely influenced Hezbollah's decision to refrain from escalating the conflict to full-scale war (Daniel Byman, October 2024). Israeli Prime Minister Benjamin Netanyahu stated that Israel will maintain its presence on Mount Hermon, a critical part of the buffer zone in Syria, "until another arrangement is found that will ensure Israel's security" (Daniel Byman, October 2024). Netanyahu further emphasized the strategic importance of Mount Hermon for Israel's security, particularly in light of recent developments in Syria, noting, "I am here at the summit of Mount Hermon... Its importance to Israel's security has only grown stronger in recent years, especially in the last few weeks with the dramatic events unfolding below us in Syria."

Accompanying him were military leaders and Defense Minister Israel Katz, who said the Israel Defense Forces must quickly solidify its position in the area to "fully prepare for a possible prolonged stay," (post W., 2024).

Step Hayat Tahrir al-Sham, (HTS) for Syria

The leader of Hayat Tahrir al-Sham, the Islamist rebel group that spearheaded the ouster of Assad's regime, said Tuesday that Syria's patchwork of rebel factions will be dissolved and all fighters will be brought together under the country's Defense Ministry. Which will give defiantly a tough competition

to Israel as compared to Gaza. It will engage the more power and armed forces then other side.

Why the Israeli attack was essentials after Assad Fall

The Israeli military has made a significant incursion to establish a buffer zone between the Golan Heights and Syrian territory, seizing key strategic terrain along the Syrian border. According to the Israel Defense Forces (IDF), their air strikes have destroyed approximately 80% of the military capabilities of the former Syrian regime under Bashar al-Assad. A primary objective of these actions has been to secure Israel's freedom of operation in Syrian airspace for the foreseeable future, with the initial targets being Syria's air defense systems.

The broader context of this military strategy ties into the regional dynamics influenced by Iran. The U.S. or Israel's potential military actions against Iran would likely activate the Axis of Resistance, a coalition of regional groups that could spark widespread instability across Gaza, Lebanon, Syria, Iraq, and Yemen. While three of these regions have been temporarily deactivated, Iran's setbacks in Gaza, Lebanon, and Syria could lead to an even greater threat. In response to these failures, Iran may consider a more radical and less ambiguous route to deterrence—developing nuclear weapons. This strategic shift could significantly alter the balance of power in the region and present new challenges for Israel and its allies (Why is Israel attacking Syria after the fall of Bashar al-Assad, Dec 2024).

Regional Implications of Gaza war

After October 7, Turkey acknowledged that regional stability could not be achieved without addressing the Palestinian issue comprehensively. As the conflict escalated, both regionally and domestically, Turkey increased its rhetorical stance. President Erdogan strongly condemned Israel and referred to Hamas as a “liberation organization.” Despite this, Turkey is unlikely to take more drastic measures. As part of a broader shift in Turkish foreign policy, the country has supported the actions of Gulf Cooperation Council (GCC) countries in the conflict. Erdogan attended the 44th session of the GCC Supreme Council in December 2023 and participated in the exceptional joint Arab-Islamic meeting in Riyadh in November 2023. In contrast to past practices, there is no contest for leadership on the Palestinian cause.

Implication and role of Middle East

Despite its small size and population, Qatar wields significant influence in

the Middle East. The country has been instrumental in various conflict resolution efforts, such as brokering discussions between the US and the Taliban in 2000, and playing key roles in peace deals in Lebanon (2008), Yemen (2010), Darfur (2011), and Gaza (2012). Qatar has also facilitated diplomatic engagements between the West and the Taliban after the US withdrawal from Afghanistan in 2021. More recently, President Joe Biden has pressured Qatar and Egypt to influence Hamas to negotiate with Israel for the release of hostages, particularly after the killing of aid workers by Israel in April 2024.

In the context of the Gulf Cooperation Council (GCC), the countries find themselves in a complex situation as some have normalized relations with Israel, while others have not. Qatar has been active as a mediator between Hamas and other international actors. After Hamas's October 7 attack on Israel, Saudi Arabia publicly condemned Israel's actions in Gaza, while also refraining from condemning the Hamas operation. Saudi Arabia continued to criticize Israel's escalation and hosted an extraordinary summit to form a committee aimed at ending the Gaza conflict.

Main group of Syrian war, and their reaction to Gaza?

Most of Syria remains under the control of President Bashar al-Assad's government, which is hostile to Israel and aligned with Iran, Hezbollah, and Hamas. Assad also enjoys support from Russia, which has a significant military presence in Syria. While Assad has kept a low profile since the onset of the Gaza conflict, his government has accused Israel of "fascism" and "genocide." In northern Syria, the Turkish-Syrian border is controlled by various factions, including the Islamist group Hayat Tahrir al-Sham in Idlib and other Turkish-backed rebel groups further east. These rebels, along with Turkey, support the Palestinian cause against Israel. The Syrian Democratic Forces (SDF), which controls northeast Syria, is aligned with the United States, and while Syrian Kurdish leaders express sympathy for the Palestinians, their comments are generally more restrained compared to other Syrian factions.

Life of Palestinian refugees

Nearly one-third of the registered Palestinian refugees, over 1.5 million individuals, reside in 58 recognized refugee camps across Jordan, Lebanon, Syria, Gaza, and the West Bank, including East Jerusalem. A Palestinian refugee camp is defined as land allocated by the host government to the UN Relief and Works Agency (UNRWA) to accommodate refugees and provide essential facilities. Areas outside of these designated camps are not considered official

camps, though UNRWA also provides services such as schools, health centers, and distribution centers in areas where refugees are concentrated, such as Yarmouk near Damascus. The remaining two-thirds of registered Palestinian refugees live in urban areas surrounding the camps, both in host countries and in the West Bank and Gaza Strip. While most of UNRWA's services, including education and healthcare, are centered in the camps, they are also extended to refugees living outside the camps.

Commitment to Normalization Efforts

After the onset of the Gaza war, reports indicated that Saudi Arabia had paused discussions on normalization with Israel. Despite the challenges posed by the ongoing conflict, the United States remained committed to maintaining opportunities for normalization. To this end, US officials and Congress members visited Riyadh in the initial weeks of the war to ensure that momentum for normalization remained intact, even amid the tensions surrounding the Gaza conflict (Al-Tarfa Street, May 2024).

Diplomatic Achievement

Saudi Arabia perceives the ongoing Gaza conflict as exacerbating several risks it seeks to mitigate, including the potential for further escalation of hostilities, adverse effects on its economic interests, the emergence of extreme ideologies among young Saudis and Arabs, and challenges in its negotiations with the United States concerning security assurances and a defense treaty. As a result, Saudi Arabia is adopting measures aimed at halting the war and fostering an environment conducive to resolution, with the normalization agreement playing a central role in these efforts (Al-Tarfa Street, May 2024).

Alternate version: Saudi Arabia views the continued Gaza conflict as amplifying multiple risks it aims to avoid, such as the possibility of escalating violence, detrimental effects on its economic interests, the proliferation of extreme ideologies among young Saudis and Arabs, and complications in its ongoing negotiations with the United States for security guarantees and a defense pact. In response, Saudi Arabia is pursuing actions intended to bring an end to the conflict and create conditions conducive to a resolution, with the normalization agreement playing a crucial role in this strategy (Al-Tarfa Street, May 2024).

Conclusion

On 8th of December 2024, Israel invaded the buffer zone between Syria

and the Israeli-occupied Golan Heights, launching an aerial campaign targeting the Syrian Army's military capabilities following the fall of the Assad regime. This marked the first Israeli occupation of Syrian territory in over 50 years. Israel "seized" land in the Syrian-controlled areas of the Golan Heights, warning residents in five villages near the Israeli-occupied section to "stay home." While the Gaza conflict continues to evolve, it also risks undermining Damascus's interests at a time when Assad's regime is attempting to recover from years of brutal civil war. Syria must carefully manage the aftermath of Israel's actions in Gaza while navigating the global focus on the region's ongoing conflict. As the world pushes for a two-state solution, Israel's actions in Gaza could bring pressure for a ceasefire, with potential positive outcomes for Gaza's future peace and stability.

Список литературы / Bibliography

1. Akhter N. Syria and the Gaza War. Centre for Syrian Studies University of St Andrews. October 2024.
2. Al-Tarfa Street W.A. Determinants of Saudi Arabia's Response. Doha: The Arab Center for Research and Policy Studies. May 2024.
3. Beirut A.U. The Gaza War and the Regional Turmoil in the Middle East.". American University OG Beirut. February 2024.
4. Biger G. The Boundaries of Israel-Palestine Past, Present, and Future: A Critical Geographical. Israel Studies. 2008.
5. Clayton F. Israel strikes and advances into Syrian territory after Assad's overthrow, fueling alarm. NBC News. Dec. 10, 2024.
6. Daniel Byman S.G. Escalating to War between Israel. CSis briefs. October 2024.
7. Hanauer L. Israel's Interests and Options in Syria. In Israel's Interests and Options in Syria. RAND Corporation. 2016.
8. Jazeera A. Is Israel trying to entrench its occupation of the Golan Heights? Al Jazeera. 14 Dec. 2024.
9. Jazera A. Is Israel trying to entrench its occupation of the Golan Heights? 8 Dec. 2024.
10. Lund A. What the war in Gaza means for Syria. Swedish Defence Research Agency (FOI) in Stockholm. 7 Dec. 2023.
11. Mikai B. Syria after Assad: Europe must play a constructive role or risk irrelevance. Saint Louis University. 13 December 2024.
12. Myre G. The Gaza war has shaken up the Mideast. Now Syria's war has reignited. NPR. December 3, 2024.
13. Serdar R. Syria's War. Al Jazera. 11 Dec. 2024.
14. Shhadeh A.A. Syria after Assad: As a new era dawns, could there be hope for Palestine? Jaffa-Tel Aviv: Middle East Eye. 12 December 2024.
15. Simon J.S. Why is Israel attacking Syria? Speakman Cordall. 11 Dec. 2024.
16. Teran A.M. Handling Israel-Hamas war mediation: The role of Qatar. Global affairs. 2024.
17. UN. Israeli strikes on Syria against international law. 12 Dec. 2024.
18. UNRW. Palestine refugees. UN. Why is Israel attacking Syria after the fall of Bashar al-Assad. shutterstock. Dec. 2024.
19. Yacoubian M. Syria's Role in Lebanon. United States Institute of p eace. November 2006.
20. Waltz Kenneth N. Theory of International Politics. W.W. Norton & Company. 1979.
21. Mearsheimer John J. The Tragedy of Great Power Politics. W.W. Norton & Company. 2001.
22. Рябова Е.Л., Терновоя Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

Ли Цзинъюань

Аспирант. Географический факультет,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Пэнчэн

Профессор. Факультет педагогического образования
Лишуйского университета, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Исследование культуры крытых мостов в регионах Чжэцзян и Фуцзянь с точки зрения географии человека

Li Jingyuan

Graduate student. Department of Geography, Lomonosov Moscow State University.

Li Pengcheng

Professor. Faculty of Teacher Education, Lishui University, Lishui, Zhejiang, China.

Research on the covered bridge culture in Zhejiang and Fujian Regions from the perspective of human geography

1. Introduction

1.1 Research Background

As an important branch of geography, human geography has made significant progress in cultural studies in recent years. Its core focus is on exploring the interaction between human activities and the geographical environment, particularly emphasizing the spatial distribution, formation mechanisms, and dynamic evolution of cultural phenomena [2]. With the acceleration of globalization and growing attention to cultural diversity, regional cultural studies have become one of the key topics in human geography. In this context, the

corridor bridge culture of the Zhejiang-Fujian region, due to its unique historical value and regional characteristics, has become a significant focus in academic circles. The corridor bridges in the Zhejiang-Fujian region are not only outstanding examples of traditional architectural techniques but also carry rich social and cultural connotations, reflecting the concept of harmony between humans and nature [11]. Therefore, from the perspective of human geography, in-depth research on the formation background, spatial distribution, and relationship with the geographical environment of the corridor bridge culture in the Zhejiang-Fujian region can help reveal the uniqueness of regional culture and provide new theoretical perspectives for the protection and inheritance of cultural heritage.

1.2 Problem Statement

Although existing research has provided a comprehensive exploration of the architectural structure, historical evolution, and folk functions of corridor bridges in the Zhejiang-Fujian region, there are still significant gaps from a human geography perspective. Firstly, studies on the spatial distribution of corridor bridge culture have primarily focused on descriptive analysis, lacking in-depth exploration of the mechanisms behind their distribution patterns. For instance, Chen Xiaoyue and other scholars found through their study of the spatial distribution characteristics of wooden arch corridor bridges in the Min-Zhe region that these bridges exhibit a clear clustering trend, but the combined effects of natural and social-humanistic factors behind this phenomenon have not been fully explained [3]. Secondly, research on the dissemination mechanisms of corridor bridge culture is relatively weak, particularly in analyzing how cultural exchanges, population migrations, and commercial trade influence the spread of culture, which lacks systematic analysis [5]. Additionally, current research pays less attention to the inheritance and development of corridor bridge culture in modern society, especially the challenges and opportunities it faces during urbanization. This paper aims to address these gaps from a human geography perspective, focusing on the spatial distribution patterns, dissemination mechanisms, and integration paths of corridor bridge culture in the Zhejiang-Fujian region with modern society.

1.3 Research Objectives

The core objective of this study is to explore the interrelationship between the corridor bridge culture and the geographical environment in the Zheji-

ang-Fujian region, grounded in the theoretical framework of human geography. Specifically, the study will first use a combination of literature analysis and field research to delve into the cultural significance of corridor bridges, including their architectural style, social functions, and symbolic meanings [1]. Secondly, spatial analysis methods will be employed to examine the spatial distribution characteristics and influencing factors of corridor bridge culture in the Zhejiang-Fujian region, clarifying how natural conditions, water systems, and human activities affect its distribution pattern [15]. Thirdly, by integrating historical documents and field survey data, the study will trace the dissemination path of corridor bridge culture, analyze the cultural variations and integration phenomena across different regions, and reveal the underlying patterns of its spread. Finally, in response to the challenges faced by corridor bridge culture in modern society, targeted strategies for protection and inheritance will be proposed to provide theoretical support and practical guidance for its sustainable development [2].

2. Literature review

2.1 Theories related to human geography

Cultural geography, a discipline that explores the interplay between human activities and the geographical environment, provides a rich theoretical framework for the study of regional culture. It emphasizes the spatial distribution, diffusion, and relationship between culture and the natural environment, which serves as an important analytical tool for exploring the spatial characteristics of corridor bridge culture in Zhejiang and Fujian and its interaction with the geographical environment [11]. Additionally, the theory of human-land relationships focuses on how human activities adapt to and transform the geographical environment. This perspective helps understand how the architectural forms of corridor bridges have developed unique styles and functions under the influence of natural conditions such as terrain and climate. For example, the mountainous terrain and water systems in Zhejiang and Fujian determine the location and structural design of corridor bridges, while the subtropical monsoon climate significantly influences the choice of building materials [3]. These theories not only reveal the natural foundation of corridor bridge culture but also provide a scientific basis for interpreting its social and cultural significance. By integrating cultural geography with the theory of human-land relationships, we can gain a more comprehensive understanding of the mechanisms and dynamic evolution of corridor bridge culture in Zhejiang and Fujian.

2.2 Research status of bridge culture

Scholars both domestically and internationally have made significant progress in the study of corridor bridge culture, focusing on architectural structure, historical culture, and folk culture. In the field of architectural structure, scholars have revealed unique construction techniques and aesthetic craftsmanship through field research on wooden arch corridor bridges in Zhejiang and Fujian regions. For instance, Xue Dan and colleagues analyzed the surface wood construction logic of these bridges from functional characteristics, structural systems, and material systems, highlighting how they ingeniously connect using the friction between pieces of wood, showcasing the technical ingenuity of ancient craftsmen [1]. In terms of historical culture, Lin Zhengyang and Qin Zixiao explored the historical memory and social value embodied in cultural heritage such as corridor bridge inscriptions and bridge stele texts through empirical investigations, emphasizing their crucial role in the history of rural social development [2]. Additionally, research on folk culture shows that corridor bridges are not only transportation hubs but also public activity spaces, serving rich social, entertainment, and ceremonial functions. For example, Que Yueping noted that the construction customs and rituals of corridor bridges reflect the local residents' reverence for nature and their aspirations for a better life [11]. However, current research often focuses on single dimensions and lacks a comprehensive analysis of corridor bridge culture from a human geography perspective, particularly in the areas of cultural spatial distribution and dissemination mechanisms, which remain underexplored.

2.3 Research gaps and innovation points

Despite the progress made in various areas of covered bridge culture, there is still a significant gap in systematic and comprehensive research from a human geography perspective. Firstly, existing literature often focuses on specific aspects such as architectural structure or historical culture, with less attention paid to the complex relationship between covered bridge culture and its geographical environment. For instance, although Chen Xiaoyue et al. used ArcGIS spatial analysis to explore the spatial distribution characteristics of wooden arch covered bridges in Fujian and Zhejiang, their analysis of the underlying social and cultural driving factors was not sufficiently in-depth [3]. Secondly, research on the dissemination paths of covered bridge culture is relatively weak, particularly regarding the roles of cultural exchange, population migration, and commercial trade in this process.

3. Geographical environment characteristics of Zhejiang and Fujian regions

3.1 Topography and geomorphology

The Zhejiang-Fujian region, situated along China's southeastern coast, is predominantly characterized by mountainous and hilly terrain, with significant topographical variations that exhibit typical hilly and mountainous features. This topography poses a significant challenge to the development of the region's transportation network but also provides unique natural conditions for the selection and construction of covered bridges. Due to the dense network of mountain streams and deep, perilous valleys, traditional land transportation often fails to meet the daily travel needs of residents, leading to the emergence of covered bridges as a structure that combines both transportation and protective functions [3]. Research indicates that wooden arch covered bridges in the Zhejiang-Fujian region are often located at the confluence of valleys and streams or in areas with challenging terrain, facilitating connections between settlements on both sides and effectively addressing the complex geological conditions of mountainous regions [5]. Moreover, the diversity of mountainous terrain has led to a variety of construction styles for covered bridges, such as single-arch, double-arch, and multi-arch designs, which reflect the ancient craftsmen's skillful adaptation to the terrain.

From a spatial distribution perspective, the location of covered bridges is closely tied to the topography and geomorphology. Areas such as northern Ningde City and southern Lishui City, with their higher elevations and dense streams, have become high-density regions for covered bridges. The mountainous terrain in these areas not only necessitates the construction of covered bridges but also significantly influences their architectural style. For instance, in areas with steep slopes, covered bridges typically feature longer arch structures to span deep valleys; whereas in relatively gentle hilly areas, shorter arches or flat bridges are more commonly used [3]. This demonstrates that the mountainous and hilly landscapes of Zhejiang and Fujian provinces are not only a crucial foundation for the development of covered bridge culture but also significantly shape its unique architectural forms and spatial layouts.

3.2 Climate conditions

The Zhejiang-Fujian region is located in the subtropical monsoon climate zone, characterized by warm and humid weather, abundant rainfall, and distinct seasons. These climatic conditions significantly influence the selection of building materials and the structural design of covered bridges. Firstly, due

to the high annual precipitation and humidity in this area, wood, a natural building material, is widely chosen for its excellent resistance to corrosion and deformation [13]. Secondly, the rainy and humid climate necessitates that covered bridges have excellent drainage systems to prevent water accumulation from damaging the bridge. Therefore, covered bridges in the Zhejiang-Fujian region typically adopt the design concept of 'building corridors on the bridge,' where a covered walkway is built over the bridge deck. This not only effectively protects the bridge from rain erosion but also provides a sheltered space for pedestrians [3].

Furthermore, the seasonal variations of the subtropical monsoon climate impose unique requirements on the maintenance and restoration of covered bridges. High temperatures and heavy rains in summer can lead to wood decay, while low temperatures in winter may cause structural contraction. These factors must be considered during both design and use. For instance, some covered bridges incorporate special waterproof coatings or ventilation designs to enhance their durability [13]. Additionally, climate conditions also influence the cultural functions of covered bridges. During rainy seasons, covered bridges serve not only as transportation hubs but also as important social venues for local residents, further enriching their cultural significance [5]. In summary, the climate conditions in the Zhejiang and Fujian regions are not only a significant factor in shaping the architectural style of covered bridges.

3.3 Distribution of water system

The region of Zhejiang and Fujian boasts a well-developed water system, with numerous rivers densely distributed, forming a complex network of waterways. This characteristic directly influences the distribution density and orientation of covered bridges, highlighting their crucial role in the waterway transportation network. Research indicates that wooden arch covered bridges in the Zhejiang-Fujian region are predominantly found along major rivers and their tributaries, especially at waterway intersections or near ferry crossings, forming a distinct clustered distribution pattern [3]. For instance, areas such as northern Ningde City and southern Lishui City, with their high density of waterways, have a relatively higher number of covered bridges, clearly demonstrating the decisive influence of the water system on the spatial distribution of these structures [5].

From a functional standpoint, covered bridges are not only vital for crossing rivers but also serve as crucial links in regional economic and cultural exchanges. In traditional societies, water transport was the primary method of

material transportation in the Zhejiang and Fujian regions. Covered bridges, serving as key nodes in the water transport network, played a vital role in connecting settlements on both banks and facilitating the circulation of goods. For instance, covered bridges in Shouning and Qingyuan counties not only supported the daily lives of local residents but also played a significant role in the trade of specialty products like tea and timber [13]. Moreover, the alignment of covered bridges with river flows not only helps to minimize the impact of water currents on the bridge but also maximizes traffic efficiency [3].

It is worth noting that the distribution of water systems has also influenced the spread and development of corridor bridge culture. As the water transport network expanded, the architectural techniques and cultural significance of corridor bridges spread across different regions, forming a shared cultural identity. However, due to the varying water system conditions in different areas, corridor bridges exhibit distinct regional characteristics in both architectural style and function. For instance, the Ningde region predominantly features single-arch structures, while the Lishui region favors double-arch or multi-arch designs, reflecting the profound impact of the water system environment on corridor bridge culture [5]. In summary, the well-developed water systems in Zhejiang and Fujian not only serve as the material foundation for the distribution of corridor bridges but also act as a significant driving force for their cultural dissemination and evolution.

4. Architectural style and structural characteristics

The covered bridges in the Zhejiang and Fujian regions are a gem of traditional Chinese wooden architecture, renowned for their unique architectural style and intricate design. One of the most distinctive features is the wooden arch structure, which uses interlocking beams, compression, and mortise-and-tenon joints to form an arched support system, allowing for large-span spans without the need for metal nails [1]. The construction of these wooden arch covered bridges reflects the ancient craftsmen's profound understanding and skillful application of mechanics. Not only are they exceptionally sturdy, but they also adapt well to the complex terrain of mountainous areas. Additionally, the addition of covered walkways enhances the functional and aesthetic value of the covered bridges. The presence of covered walkways not only provides shelter from the elements for pedestrians but also adds a unique artistic charm to the covered bridges. From a craft aesthetics perspective, the construction techniques of the covered bridges showcase the exceptional technical wisdom of ancient craftsmen. The meticulous design of mortise-and-tenon joints and

the harmonious proportions of the overall structure achieve a high degree of unity between form and function [8]. This unique architectural style is not only a technological achievement but also a product of the integration of culture and aesthetics, reflecting the rich heritage of local architecture in the Zhejiang and Fujian regions.

4.1 Social and cultural functions

As a vital transportation hub in the Zhejiang-Fujian region, covered bridges have played a crucial role in facilitating local residents' travel and the exchange of goods. Given that the terrain in this area is predominantly mountainous and hilly, with streams crisscrossing, the construction of covered bridges has significantly improved transportation for mountain residents, serving as a vital link between different villages and regions [2]. Additionally, covered bridges were important venues for the exchange of goods, especially in traditional agrarian societies, where they often served as marketplaces, promoting the circulation of goods and economic development. This combination of transportation and economic functions has made covered bridges an indispensable part of the local social network.

In addition to its transportation function, the covered bridge also serves a rich array of social and cultural roles. As a public space, it provides a venue for local residents to socialize and enjoy leisure activities. Inside the covered bridge, people can chat, rest, and enjoy the scenery, which helps to strengthen the community's internal connections and cohesion [8]. Moreover, the covered bridge plays a significant role in folk rituals. For example, in some regions, the covered bridge is regarded as a sacred space and is often used for ceremonies such as weddings and sacrifices. These rituals not only enhance the symbolic significance of the covered bridge in local culture but also make it an important medium for preserving regional cultural values.

It is worth noting that the social and cultural functions of covered bridges are also evident in their role as a medium for cultural dissemination. Through these bridges, cultures from different regions can exchange and integrate, thereby promoting the diversity and development of regional cultures. For example, the inscriptions on covered bridges, including ink writings and inscriptions on bridge steles, document local historical events and folk legends, serving as crucial materials for studying the social development history of rural areas [2]. This cultural dissemination function makes covered bridges not just a bridge but also a cultural symbol, carrying rich social memories and cultural connotations.

4.2 Cultural connotation mining

The cultural significance of the Zhejiang-Fujian covered bridges is profound and rich. By studying their legends, stories, and inscriptions on bridge steles, we can uncover the regional cultural values and people's aspirations for a better life. First, the legends of covered bridges often reflect the local residents' reverence for nature and their love for life. For example, many of these legends are tied to myths or historical figures, which not only imbue the covered bridges with a mysterious aura but also convey the idea of harmony between humans and nature [2]. Under this cultural influence, the construction of covered bridges is seen as a way to harmonize with nature, reflecting the ancestors' emphasis on the ecological environment in the Zhejiang-Fujian region.

Secondly, the inscriptions on bridge steles are crucial for uncovering the cultural significance of covered bridges. These inscriptions typically include details such as the construction date, a list of donors, and blessings. They not only document the historical evolution of covered bridges but also reflect the local social structure and cultural values. For instance, some inscriptions express people's aspirations for a peaceful and happy life, reflecting the optimistic and contented lifestyle of residents in the Zhejiang-Fujian region [8]. Moreover, the inscriptions highlight the social importance of covered bridges as public structures, with their construction often accompanied by a series of ceremonial activities, such as selecting an auspicious day for construction and river worship ceremonies. These ceremonies not only carry symbolic meanings but also reinforce the local identity of the covered bridges.

5. The spatial distribution and dissemination of covered bridge culture

5.1 Distribution Characteristics Analysis

The spatial distribution of the covered bridge culture in the Zhejiang-Fujian region shows a significant agglomeration feature, and this distribution pattern is jointly influenced by the natural geographical environment and social humanistic factors. According to relevant research, the wooden arch covered Bridges in the Fujian-Zhejiang region have formed a high-density area centered on the northern part of Ningde in space, and at the same time, multiple secondary high-density areas have been formed in the western part of Ningde City and the southern part of Lishui City [3]. This distribution pattern is closely related to the regional topography and geomorphology, water system network, as well as the population and economic conditions. From the perspective of topography and landforms, the Zhejiang-Fujian region is mainly composed of mountains and hills, with crisscrossing streams, providing necessary condi-

tions for the site selection and construction of covered Bridges. For instance, in mountainous areas, there are numerous rivers with rapid water flow, which prompts local residents to build covered Bridges to meet transportation demands and forms a dense zone of covered Bridges distributed along water systems [5]. In addition, climatic conditions also have a significant impact on the distribution of covered Bridges. The Zhejiang-Fujian region has a subtropical monsoon climate with abundant precipitation and high humidity. This climatic feature determines that the choice of building materials for covered Bridges tends to be corrosion-resistant wood, and it also affects the waterproofing and ventilation functions in the structural design of covered Bridges [3]. From the perspective of social and cultural factors, the distribution of central towns, population density, and historical and cultural traditions also play a crucial role in the spatial distribution of covered Bridges. For instance, Ningde City and Lishui City, as regional cultural centers, have significantly more covered Bridges in their surrounding areas than in other regions, demonstrating the radiating effect of central towns on cultural inheritance [5].

5.2 Exploration of Dissemination Paths

The dissemination path of covered bridge culture among different regions of Zhejiang and Fujian mainly relies on cultural exchanges, population migration and commercial trade activities. From the perspective of historical development, the Tang and Song dynasties were the nascent stage of covered bridge culture, while the Yuan and Ming dynasties gradually formed a relatively mature construction technique and cultural dissemination system [3]. In this process, population migration played a crucial role. For instance, as the immigrants from the Central Plains moved towards the southeast coastal areas, the construction techniques of covered Bridges were brought to the Zhejiang-Fujian regions and combined with the local geographical environment and cultural traditions, gradually evolving into a unique form of wooden arch covered Bridges [11]. In addition, commercial trade is also an important driving force for the dissemination of covered bridge culture. The Zhejiang-Fujian region has been an important commercial hub along the southeast coast of China since ancient times. As a key node in the transportation network, covered Bridges not only promote the exchange of materials but also accelerate the dissemination of cultural information. In the process of commercial trade, the construction techniques and functional designs of covered Bridges have continuously absorbed foreign cultural elements, thus presenting a diverse phenomenon of cultural integration [11]. It is worth noting that the process

of cultural dissemination is also accompanied by cultural variation and integration. For instance, in the architectural styles of covered Bridges in different regions, subtle changes can be observed due to regional cultural differences, such as adjustments to the bridge structure or various forms of decorative art expression [1]. These changes reflect the adaptability and inclusiveness of the covered bridge culture to local culture during its dissemination process.

5.3 Regional Differences and Commonalities

Although there are certain differences in the covered bridge cultures of different regions in Zhejiang and Fujian, their common features are more prominent, reflecting the intrinsic connection and unity of regional cultures. From the perspective of architectural style, the covered Bridges in southern Zhejiang and northern Fujian both adopt wooden arch structures as the core support system, and on this basis, a unique form of building corridors on Bridges has been developed [1]. This architectural style not only embodies the technical wisdom of ancient craftsmen, but also reflects the constraints and influences of similar natural geographical conditions in the Zhejiang-Fujian region on architectural design. However, in terms of specific details, the two covered Bridges still show certain regional differences. For instance, the covered Bridges in the northern part of Fujian Province mostly adopt single-layer structure design, emphasizing practicality and economy. In contrast, the covered Bridges in the southern Zhejiang region tend to be multi-layered structures, emphasizing aesthetic value and symbolic significance [2]. In addition, in terms of folk functions, the covered Bridges in Zhejiang and Fujian both carry rich social and cultural connotations, such as serving as public activity Spaces for festival ceremonies or daily social activities. However, in terms of specific functional emphasis, the covered Bridges in the northern part of Fujian Province are more often used as transportation hubs and for material exchange, while those in the southern part of Zhejiang Province place more emphasis on their spiritual symbolic function as cultural landscapes [2]. Overall, these differences and commonalities jointly constitute the diversity and integrity of the covered bridge culture in the Zhejiang-Fujian region, revealing the dynamic balance of regional culture in inheritance and innovation [1].

6. The integration of covered bridge culture with modern society

6.1 The Impact of Urbanization on Covered Bridge Culture

With the acceleration of urbanization, the traditional covered bridge culture in the Zhejiang-Fujian region is facing an unprecedented impact. Firstly,

the rapid expansion of construction land has significantly squeezed the living space of covered Bridges. During the process of urban and rural development, many covered Bridges have been demolished or rebuilt because they are located in the core areas of urban planning. This phenomenon is particularly prominent in Fujian Province [14]. Secondly, the changes in residents' lifestyles have also had a profound impact on the inheritance of covered bridge culture. In traditional society, covered Bridges were not only transportation hubs but also important venues for public activities, carrying rich social functions. However, in the process of modernization, people's travel methods have undergone a fundamental transformation. Modern means of transportation such as cars have gradually replaced the position of covered Bridges as the main transportation facilities, causing the social function of covered Bridges to gradually weaken. Furthermore, the insufficient understanding of covered bridge culture among the younger generation has further exacerbated the crisis of its inheritance. Therefore, how to balance economic development and cultural heritage protection in the process of urbanization has become a key issue that needs to be urgently addressed. Meanwhile, urbanization has also brought new challenges to the protection of covered bridge culture. For instance, due to environmental changes caused by urbanization, the natural geographical conditions on which covered Bridges rely may change, thereby posing a threat to their structural stability. Reference [14] points out that fire and flood are the main natural risks faced by wooden arch covered Bridges, and under the background of urbanization, the occurrence frequency and damage degree of these risks may further intensify. In addition, urbanization has also led to an increase in population mobility, and the inheritance of traditional construction techniques and bridge-building customs is facing the predicament of having no successors. Therefore, effective measures must be taken from both policy and technical perspectives to ensure the sustainable development of covered bridge culture in the process of urbanization.

6.2 Opportunities and Challenges in Tourism Development

Tourism development offers significant opportunities for the protection and inheritance of covered bridge culture, but it also brings a series of potential problems. On the one hand, tourism development helps enhance the popularity of covered Bridges and creates favorable conditions for the dissemination of their cultural values. By incorporating covered Bridges into tourist routes, more tourists can be attracted to pay attention to this unique cultural heritage, thereby promoting the development of its protection work [10]. In addition, a

portion of the tourism revenue can be used to support the repair and maintenance of covered Bridges, thereby alleviating the problem of capital shortage. On the other hand, excessive commercial development may cause irreversible damage to the culture of covered Bridges. For instance, in order to meet the demands of tourists, some places have carried out inappropriate renovations on covered Bridges, resulting in the destruction of their original architectural style and cultural connotation. This phenomenon not only violates the principle of authenticity in cultural heritage protection, but may also lead to cultural distortion, thereby weakening the cultural appeal of the corridor. It is worth noting that tourism development may also trigger issues of cultural variation and integration. In the process of cross-cultural communication, the culture of covered Bridges is inevitably influenced by foreign cultures. Such influence may manifest as the innovation of cultural elements or lead to the marginalization of traditional culture. Reference [10] emphasizes that the application of digital technology offers new possibilities for the protection and inheritance of covered bridge culture, but at the same time, it is necessary to pay attention to the impact of technical means on cultural authenticity. Therefore, in tourism development, it is necessary to pay attention to balancing the relationship between economic benefits and cultural protection, and avoid sacrificing long-term value for short-term gains.

6.3. Protection and inheritance strategies

To achieve the sustainable development of covered bridge culture, it is necessary to formulate scientific and reasonable protection and inheritance strategies. First of all, efforts should be made to strengthen the construction of laws and regulations to provide institutional guarantees for the protection of covered bridge culture. By introducing relevant regulations and clarifying the protection scope and responsible entities of covered Bridges, the destructive behaviors caused by urbanization can be effectively curbed [15]. Secondly, carrying out cultural education is an important way to enhance public awareness. By introducing the content of covered bridge culture into school education and holding related exhibitions and activities, the sense of identity and belonging of the younger generation towards covered bridge culture can be enhanced. In addition, using digital technology to record and disseminate the culture of covered Bridges is also an effective means of protection. Reference [10] points out that the application of digital technology not only enables the precise preservation of architectural information of covered Bridges but also allows more people to experience the cultural charm of covered Bridges through virtual

reality and other means.

In terms of tourism development, the principle of rational utilization should be adhered to, and the damage caused by excessive commercialization to the culture of covered Bridges should be avoided. Specifically, the pressure on the covered bridge and its surrounding environment can be reduced by setting up cultural protection zones and limiting the number of tourists. At the same time, encouraging community residents to participate in the protection and inheritance of covered bridge culture can not only enhance their cultural pride but also inject new vitality into the covered Bridges [5]. Finally, efforts should be made to enhance the research and inheritance of traditional construction techniques for covered Bridges. By cultivating a new generation of craftsmen, this intangible cultural heritage can be ensured to continue. In conclusion, only through multi-party collaboration and comprehensive measures can the sustainable development of covered bridge culture in modern society be achieved.

Conclusion

From the perspective of human geography, this paper systematically explores the interrelationship between the covered bridge culture and the geographical environment in the Zhejiang-Fujian region, reveals its profound cultural connotation, spatial distribution characteristics and dissemination laws, and proposes targeted protection and inheritance strategies. Firstly, in terms of the relationship between the culture of covered Bridges and the geographical environment, research shows that the terrain and landforms dominated by mountains and hills, the subtropical monsoon climate, and the well-developed water system network in the Zhejiang-Fujian region jointly shape the unique site selection logic and architectural form of covered Bridges. For instance, the abundance of mountain streams has made covered Bridges an important link for transportation, while the rainy and humid climate has promoted the extensive use of corrosion-resistant wood. Secondly, at the cultural connotation level, through the analysis of the architectural style, social functions and legendary stories of the covered bridge, it is found that it not only reflects the outstanding technical wisdom of ancient craftsmen, but also carries rich regional cultural values and people's yearning for a better life. Furthermore, research based on spatial analysis methods indicates that the covered bridge culture in the Zhejiang-Fujian region exhibits a significant agglomeration distribution feature. The high-density areas are mainly concentrated in the northern part of Ningde City and the southern part of

Lishui City. This distribution pattern is comprehensively influenced by both natural environment and social and humanistic factors. Finally, in terms of protection and inheritance strategies, it is proposed that the construction of laws and regulations should be strengthened, cultural education should be carried out, and tourism resources should be rationally utilized to achieve the sustainable development of covered bridge culture.

Список литературы / Bibliography

1. Xue Dan Zhang Kuanguang Zhou Bin Du Dongfeng Pan Yongjie. Research on the Construction Design of Surface Wooden Structures in the Rural Space of Zhejiang-Fujian Covered Bridges [J]. China Residential Facilities, 2024. № 3. P. 16-18.
2. Lin Zhengyang; Qin Zixiao. Research on Covered Bridge Architecture and Folk Cultural Heritage in Southern Zhejiang and Northern Fujian: An Empirical Investigation Based on a Hundred Covered Bridges in Five Counties and Cities of Two Provinces [J] China Ethnic Expo, 2023. № 11. P. 32-34.
3. Chen Xiaoyue; Yao Liyan Chen Jinliao LAN Siren Peng Donghui. Spatio-temporal Layout and Evolution of the Cultural Heritage of Wooden Arch Bridges in Fujian and Zhejiang [J]. Chinese Landscape Architecture, 2021. № 37 (5). P. 139-144.
4. Yao Liyan; Chen Xiaoyue; Peng Hongjun; Han Xiao; Ye Enming; Peng Donghui. Construction of Cultural Information Database of Wooden Arch Bridges in Fujian and Zhejiang [J]. Journal of Southwest Forestry University (Social Sciences), 2021. № 5 (6). P. 82-89.
5. Chen Xiaoyue; Yao Liyan Ma Ying Rowling; Lin Zuodong Chen Jinliao Peng Donghui; LAN Siren. Spatial Distribution Characteristics and Influencing Factors of Wooden Arch Bridges in Fujian and Zhejiang [J]. Journal of Shandong Agricultural University (Natural Science Edition), 2020. № 51 (6). P. 1163-1169.
6. Zhang Keyong. Spatial Environment Memory and Cultural Inheritance and Development of Wooden Arch Corridor Bridges in Fujian and Zhejiang [J]. Art Life, 2022. № 5. P. 68-75.
7. Liang Yan; Why fear? Tang Maolin. Research Progress of Bridge Aesthetics in 2020 [J]. Journal of Civil and Environmental Engineering (Chinese and English), 2021. № 43(S01). P. 234-241.
8. Zhang Keyong. Cultural Characteristics of Wooden Arch Covered Bridge Architecture in Fujian and Zhejiang [J]. Architecture, 2020. № 1. P. 66-69.
9. Lu Xiaomin. The Kingdom of Covered Bridges Hidden among Mountains and Waters in Southern Zhejiang and Northern Fujian [J]. Global Human Geography, 2018. № 10. P. 14-21.
10. Dong Zhihui. Digital Inheritance and Protection of Covered Bridges and Their Culture [J]. Inner Mongolia Science and Technology and Economy, 2020. № 18. P. 11-12.
11. Que Yueping. Constructing a "Human-centered" Shift: Anthropological Reflections and Prospects on the Study of Chinese Wooden Arch Covered Bridges [J] Journal of Wenzhou University (Social Sciences Edition), 2022. № 35 (5). P. 105-116.
12. Zhang Zhi; Yang Jianhua. Spatial Analysis of Covered Bridges Based on Spatial Narrative: A Case Study of Gaoyang Bridge in Xucun, Huangshan City [J]. Architecture and Culture, 2024. № 1. P. 205-207.
13. Chinese Cultural Heritage: Ningde Sen Arch Bridge [J]. Map, 2019. № 3. P. 96-113.
14. Chen Shujie; Liu Yongjian; Masato Akihara Miao Yuan. Fire Prevention Strategies for Wooden Arch Bridges in Fujian and Zhejiang Based on Cultural Heritage Value [J]. Journal of Building Science and Engineering, 2022. № 39 (6). P. 163-174.
15. Yang Changxin; Hu Yuqing Miao Yuan Zhao Hanqing Ye Senyan. Research on the Value Cognition and Dynamic Protection of Wooden Arch Covered Bridges from the Perspective of Cultural Memory [J] Art Life, 2023. № 4. P. 56-69.
16. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

Глебздин А.В.

Аспирант 3-го курса.

Дипломатическая Академия МИД Российской Федерации.

Геополитические аспекты национально-государственной идентичности Украины

Национальная идентичность общества является мировоззренческим феноменом. Любое мировоззрение стремится к целостности и универсальности. Осмысление и переживание гражданами судеб и роли своего государства неизбежно включает в себя геополитический аспект. Представления о геополитических интересах собственной страны занимают в национальном сознании не меньшее место, нежели оценки социальной политики, рейтинги популярности главы государства и программы политических партий во время выборов в парламент.

Значимость геополитического дискурса и производных от него категорий для судеб государств и политических наций в настоящее время является априорным постулатом политологии.

Для уяснения особенностей геополитики Украины необходимо опираться на общетеоретические работы отечественных и зарубежных авторов.

Следует упомянуть работы ряда из российских авторов следует упомянуть Н.Я. Данилевского [7], А.Е. Вандама [6] и И.И. Дусинского [12], А.Г. Дугина [11], М.Б. Смолина [25], В.А. Аверьянова [2]. А.С. Панарина [20]. В числе зарубежных теоретиков геополитики укажем З. Бжезинского [5], Х. Макиндера [18], Н. Спикмена [26].

В новейшей коллективной монографии, посвящённой проблемам идентичности, мы можем прочесть следующее: «На основе обобщения различных точек зрения участников “борьбы за идентичность” и “борьбы идентичностей” можно сделать вывод о том, что геополитическая идентичность представляет собой не только ключевой элемент конструирования социально-политического пространства, но и принципиально важное основание поддержания национального согласия» [13, с. 116]. В современной российской и украинской политологии внимание геополитическим аспектам политической идентичности Украины уделяли, в

частности, Н.В. Бабенко [3], Т. Линник [17], К.П. Курылёв [15], М.А. Парашевин [22], М.В. Масаев [19], С.С. Дембицкий [9; 10] и др.

Согласно геополитическим теориям, Украина смысле является окраинной континентальной зоной Евразии, имеющей выход к внутренним морским бассейнам. Следовательно, контроль над Украиной означает, ни много-ни мало, во-первых, ключ к контролю над Черноморским бассейном с перспективой выхода в Средиземное море и далее в Атлантику; во-вторых, либо морские ворота России, либо замок и угрозу для неё же в том случае, если украинская территория прямо или косвенно контролируется акторами атлантизма.

Из идей Х. Макиндера вытекает высокая значимость Украины как классического «римленда» (береговой зоны Евразийского континента) и, соответственно, детерминанта стремления океанических держав установить над ней собственный контроль. В период Второй Мировой войны, продолжатель идей Макиндера Н. Спикмен без обиняков заявлял об угрозе жизненным интересам США в том случае, если «в регионах евразийского римленда будет доминировать единственная сила» [26, с. 89-90].

На рубеже XXI столетия З. Бжезинский в своих работах заявлял следующее: «Россия может быть либо империей, либо демократией, но не тем и другим одновременно... Без Украины Россия перестает быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически превращается в империю... Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Если Москва вернет себе контроль над Украиной, то Россия автоматически вновь получит средства превратиться в мощное имперское государство, раскинувшееся в Европе и в Азии» [5].

После распада СССР возникла возможность выбора геополитической идентичности Украины как одной из граней её национально-государственной идентичности. Первый вариант означает попадание Украинского государства в орбиту влияния США и Великобритании. Вторым вариантом логически приводил бы Украину к стратегическому партнёрству с Россией. Бифуркационную модель геополитического будущего Украины в 2007 г. констатировал в своей статье В.Н. Бабенко: «После распада СССР бывшие союзные республики, ставшие независимыми государствами, начали поиск наиболее оптимальных путей своего развития... Данные государства должны пройти этап национальной и государственной идентификации... Перед современной Украиной стоят такие же задачи. Их необходимо решить в условиях внутриполитического противостояния... Разработать основные направления геополитической стратегии

в такой сложной обстановке без учета политических, экономических и историко-культурных факторов, включая и географическое положение Украины, наличие природных ресурсов, климатические условия и т.п., представляется невозможным» [3, с. 164].

Многолетние действия политических и бизнес-элит Украины, за многими исключениями, последовательно вели Украину именно по первому пути, что имело своим неизбежным следствием усиление антирусских тенденций во внутренней и внешней политике.

Как орудие американского глобализма рассматривает А.С. Панарин агрессивный постсоветский национализм (под это подпадает и Украина): «В своём стремлении демонтировать крупные национальные государства в качестве носителей устаревшего принципа национального суверенитета американские глобалисты всячески поощряют племенной сепаратизм и экстремизм... Как только старая система сдержек и противовесов, связанная с биполярным устройством, рухнула, так сразу же держава, претендующая на роль мирового демократического авангарда, стала демонстрировать пещерный принцип силы, ...назвала зоной своих национальных интересов всё постсоветское пространство, включая Украину и Кавказ» [21, с. 95-96]. Иными словами, уход от евразийской геополитической ориентации угрожает жизненным интересам не только России, но и самой Украины.

Виталий Аверьянов расценивает геополитическое западничество на постсоветском пространстве как смертельно опасную болезнь, ведущее в перспективе к цивилизационному самоубийству Украины и всех тех постсоветских политий, которые решат ей последовать: «Итак, мир представляет собой двойственную картину чистого Востока как предельного символического истока, аналога божественного источника творения и Востока, больного западничеством, то есть одержимого самоотрицанием, саморазрушительным духом. Смыслом западничества оказывается деструкция Востока, размывание Традиции, раскалывание ее цивилизационного средоточия» [2, с. 17].

Опубликованная в 2011 году статья М.В. Масаева представляет собой попытку прогноза геополитического будущего Украины в свете классической дуальной парадигмы геополитики «талассократия-теллурократия». Столкновение моря и суши, континента и мирового острова преподносится как фундаментальное и универсальное в мировой истории. Следование Украины по пути интеграции в талассократическую цивилизацию рассматривается как путь к политическому и историческому небытию,

тогда как «теллурократическая интеграция» Украины с Россией трактуется как путь к выживанию, к сохранению своей не только политической, но и исторической идентичности в длительной перспективе [19].

К.П. Курылёв на основе обращения к работам Х. Макиндера, Н. Спикмена делает вывод о том, что Украина рассматривается в англо-саксонской геополитической мысли в качестве государства-лимитрофа, основная функция которого – сдерживание и дробление геополитической мощи континентальной России. То есть Украине присвоен статус геополитического объекта, орудия, лишённого исторической, цивилизационной и геополитической субъектности. Тогда как подлинную геополитическую субъектность и, следовательно, политическую идентичность, Украина способна обрести только на путях геополитической интеграции с Россией [15].

М.А. Парашевин увязал в единый комплекс геополитику, конфессиональную и политическую идентичность Украинского государства и общества [22]. Принцип сочетания конфессионального выбора с выбором внешнеполитического курса Украины, её буферного существования между Россией и Западной цивилизацией представляется перспективным. Как следует из авторских рассуждений, наиболее чётко выражена корреляция конфессиональной и геополитической комплементарности у приверженцев униатской (греко-католической) церкви – в сторону однозначно западного выбора развития и цивилизационной принадлежности Украинского государства. Тогда как приверженцы Православия (будь то раскольническая ПЦУ или каноническая УПЦ МП) проявляют рыхлость и нечёткость своих внешнеполитических предпочтений.

Непосредственное отношение к теме настоящей статьи имеет работа Н. Работяжева и Э. Соловьёва, непосредственно связывающая политику идентичности и геополитическую ориентацию Украины как политического субъекта [20]. Разногласия по поводу геополитического и цивилизационного выбора Украины показаны авторами как основополагающий момент в конструировании украинской идентичности в постсоветское время. То есть эта идентичность обречена на позиционирование за счёт внешней подпитки: будь вхождение в ЕС и/или НАТО, интеграция либо конфронтация и антагонизм в отношениях с Россией [20]. В практическом плане авторы предлагают сохранять ту модель, которая существовала на Украине на протяжении большей части постсоветского периода и постепенно дрейфовала в сторону необандеровского режима, приводя к делящейся политической и геополитической катастрофе страны и народа.

Безусловный интерес представляют научные работы украинских учёных как отражение взглядов и подходов аутентичного наблюдателя. Одной ближайших по времени и тематике являются статьи С.С. Дембицкого, посвящённые исследованию геополитических ориентаций населения Украины в 2018-2020 гг. на материалах социологических опросов, опубликованные в 2019 и 2021 гг. Констатация раскола геополитических симпатий и антипатий украинского общества сочетается с такой подборкой социологических данных, которые призваны убедить читателей в том, что явное большинство населения на Украине склоняется к евроатлантическому выбору и склонно к отторжению конструктивного взаимодействия с Россией, которая воспринимается, по преимуществу, как угроза и нежелательный вариант внешнеполитического партнёрства [9; 10].

Интерес представляет и статья П.И. Пашковского, посвящённая феномену «рубежности» геополитического положения Украины и его осмыслению в украинском научном дискурсе [20]. Исходным пунктом выступает утверждение об уникальности Украины как цивилизационного пространства, с чем связан концепт геополитической амбивалентности, расколотости Украины в плане её геополитических симпатий и антипатий, вариантов выбора стратегических союзников. Дихотомия «евроатлантизм vs евразийство» является жёстко детерминированной и постоянно порождающей внутренние и внешние конфликты. Следовательно, политическая идентичность Украины также оказывается конфликтогенной и привязанной к её геополитическому и цивилизационному выбору.

Вносит свой вклад в дискуссию украинская социолого-политологическая мысль в виде присвоения статуса субъекта геополитического выбора украинскому обществу, реализующему через этот выбор собственную политическую идентичность [11].

Если Украинскому государству и обществу *необходимо* сделать свой геополитический выбор, от чего зависит и их национальная идентичность, то сама эта способность и возможность кажутся подтверждением их статуса как субъектов; но сам факт необходимости такого выбора подспудно намекает, что без него идентичность Украины реализоваться не в состоянии. Ни один из крупных игроков геополитики и международных отношений (Россия, Китай, США+Великобритания &) в такой предписанной предопределённости не нуждаются.

Государственные документы, публичные выступления украинских политиков и факты политического развития Украины предоставля-

ют достаточно материала для понимания взаимосвязи национальной идентичности и геополитических ориентаций в течение постсоветского периода. Наиболее ранними документами являются Декларация о государственном суверенитете Украины от 1991 года и Конституция Украины 1996 г. Первый из этих двух документов был принят Верховным Советом Украинской ССР 16 июля 1991 года, то есть в период номинального пребывания Украины в составе СССР. Тем не менее, провозглашался полный государственный суверенитет без значимых оговорок, из чего вытекали принципы полного контроля Украины над собственной территорией, её неделимость, распоряжение недрами и природными ресурсами с одновременным провозглашением курса на нейтральный статус Украины как свободной от ядерного оружия страны [8]. Нейтральность предполагает внеблоковость, уклонение от вступления в военно-политические альянсы.

Конституция независимой Украины [14], в целом, придерживалась в геополитическом плане тех принципов, которые были заявлены пятью годами ранее в Декларации с некоторой их детализацией. К числу детализованных моментов относились констатация незыблемости существующих границ, целостный, неделимый и унитарный характер государства (ст. 2, 132) с последовательным перечислением составных частей (ст. 133). Концепция национальной безопасности Украины подразумевала мирное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами (ст. 18).

Как политическая территория Украина позиционировалась в качестве нейтральной и внеблоковой, свободной от ядерного оружия, но с полнотой международного суверенитета и провозглашением приоритета норм международного права над национальным (ст. 9). Однако после государственного переворота на Украине в 2013-2014 гг. в Конституцию Украины была внесена многозначительная поправка, как провозвестие грядущих перемен геополитического статуса государства. А именно, в Разделе IV (Верховная Рада Украины) в ст. 85 к вопросам, подлежащим ведению украинского парламента, отнесены «5) определение основ внутренней и внешней политики, реализации стратегического курса государства на приобретение полноправного членства Украины в Европейском Союзе и в Организации Североатлантического договора» [14]. Очевидное противоречие в основном законе страны не смутило украинских законодателей. Гораздо важнее, что появилась формально-правовая основа для изменения геополитического статуса Украины, своего рода символ и свидетельство окончания четвертьвекового периода геополитической

неопределённости страны. Хотя симптомы этого на уровне практических политических шагов и отдельных международных договорённостей проявлялись значительно раньше, с рубежа XX-XXI вв.

В частности, уже в 1992 году Украина, фактически пренебрегая провозглашённым в Декларации о суверенитете принципом внешнеполитического нейтралитета, присоединилась к Совету Североатлантического сотрудничества, а двумя годами позднее, в 1994 году – к программе НАТО «Партнёрство во имя мира». Начался постепенный дрейф Украины в сторону евроатлантизма. На языке классической геополитики это означало оформление вектора отхода от континентального/евразийского партнёрства, даже враждебность к континенту – в пользу превращения в форпост атлантизма, согласия на оформление контроля «мирового острова» над высокочисленным участком «римленда». Если рассматривать геополитику как глобальное измерение международных отношений, то данный дрейф означал начало превращения Украины в военно-политического вассала США и, что закономерно, в их форпост против Российской Федерации. В последующие годы Вооружённые Силы Украины стали регулярным участником разнообразных войсковых и командно-штабных учений со странами НАТО, включая военно-морские учения в акватории Чёрного моря. Что не могло быть воспринято Россией иначе, как потенциальную угрозу всем своим южным регионам.

Как известно, планы по вступлению Украины в НАТО на правах постоянного члена принимались, откладывались, смещались во времени на протяжении 1994-2024 гг., т.е. в течение всех последних 30 лет. Получается, что государствообразующие документы Украины декларировали одно, тогда как практика международных отношений показывала совершенно иной геополитический вектор Украины, который лишь незначительно замедлялся в силу противодействия России и опасений НАТО по конфронтации с ней. В настоящее время лишь устав НАТО о невозможности принятия новых членов с неурегулированными пограничными спорами и в состоянии военного конфликта является сдерживающим фактором, хотя на деле, как известно, масштабы военного сотрудничества Украины и НАТО после начала СВО беспрецедентны. Атлантистский выбор Украины стал инвариантным. О чём говорит в своей статье Е.А. Абашева: «30-летняя история отношений Альянса с украинским государством, сопровождающаяся растущей интеграцией и укреплением между ними политических связей, свидетельствует о том, что евроатлантический курс, избранный Украиной, на сегодняшний день

и при существующей власти – необратим» [1, с. 241].

Атлантистская геополитическая ориентация превращается в доминирующий вектор внешней политики Украины. Весьма симптоматичной в своё время стала претендующая на научность публицистическая книга Леонида Кучмы «Украина – не Россия!» Первая же глава которой есть, по сути дела, обширный экскурс в историческую и политическую географию Украины при постоянном сравнении её с Россией и подчёркиванием их фундаментальных различий, подразумевающих цивилизационную несовместимость. Кучма однозначно рассматривает Украину как органичную часть Европы – не только в географическом, но также в политическом и культурном отношении. Украина провозглашается наследницей не только Византийской империи, Российской империи и СССР, но также Австро-Венгрии (через Карпатский регион, Львов и т.н. «Угорскую Русь»). Оттенить эти утверждения призваны постоянные экскурсии в географию, историю и культуру России, которая преподносится как своеобразный антипод Украины [16, с. 33-60]. Именно в период пребывания Кучмы на посту Президента Украины активно развивается военно-политическое сотрудничество Украины с НАТО, а подразделения украинских военных принимают символическое, но вполне реальное для них самих участие в миссиях и учениях Северо-Атлантического альянса.

В украинском обществе происходит формирование прослойки людей, рассматривающих атлантизм в качестве важного и естественного маркера политической идентичности Украины. В периоды президентства Виктора Ющенко, «постмайданных» Петра Порошенко и Владимира Зеленского украинские лидеры неоднократно делали характерные публичные заявления, в которых можно усмотреть однозначную кристаллизацию атлантистского, прозападного и антирусского, антиконтинентального геополитического выбора Украины – как долгосрочного способа национально-государственного строительства и бытия в истории. Именно Ющенко наиболее активно из всех «домайданных» президентов стремился добиться вхождения Украины в НАТО, о чём свидетельствуют его неоднократные заявления: «Присоединение Украины к НАТО будет решаться самым демократическим способом – через всеукраинский референдум. Решение Украины по этому вопросу является независимым и суверенным, поскольку это решение полностью отвечает нашей независимости и территориальной целостности. Оно имеет только национальную окраску: мы хотим видеть Украину свободной, политически независимой, а ее территорию – целостной» [29].

В 2019 г. П. Порошенко, подписывая закон о внесении изменений в Конституцию Украины, заявил перед парламентом следующее: «Изменения в конституцию никак не лишние. Моя стратегическая миссия – необратимость европейской и трансатлантической интеграции» [23]. Неоднократно говорил о необходимости и готовности вступления Украины в состав НАТО В. Зеленский: «Политика открытых дверей НАТО не должна напоминать старые турникеты киевского метро: они открыты, а когда подходишь, то турникеты закрываются, пока не заплатишь. Разве Украина еще мало заплатила? Разве наш вклад в защиту и Европы и всей цивилизации до сих пор недостаточен?.. Ни большинство украинцев, ни большинство европейцев, ни большинство жителей всего пространства НАТО не поймут лидеров альянса, если на саммите в Вильнюсе не прозвучит заслуженное политическое приглашение для Украины в альянс. Украина все сделала для того, чтобы наша заявка была удовлетворена. Сложно даже сказать, чей вклад больше в европейскую евроатлантическую безопасность, чем наших воинов» [28].

Украинские президенты отражают в своих словах и делах консолидированную волю как элитариев, так и значительной части украинского социума. Склонность к атлантизму и «коллективному Западу» стала преобладающей тенденцией политического мышления украинской элиты и части украинского общества, превратившись в доминирующие «modus vivendi & modus operandi» целого государства.

Атлантистский вектор украинской геополитики кристаллизовался постепенно, под убаюкивающие заявления о «нейтралитете» и «внеблоковом и безъядерном статусе». Не обошлось в этом процессе и без внешнего воздействия, насилия и террора [4, с. 455-458]. В настоящее время Украина официально признана «стратегическим партнёром» США [27]. В реалиях геополитики и внешнеполитического курса отчётливо проявляется сервильный англо-американский выбор. Что, в перспективе, вообще ставит под угрозу политический суверенитет Украины как субъекта международных отношений и самостоятельного во внутренних вопросах государства.

Проведённый анализ теоретических и практических граней геополитической репрезентации Украины подводит нас к важному вопросу:

- Что первично в проблеме геополитического статуса Украины как неотъемлемой части её геополитической идентичности? Украинская национально-государственная идентичность определила геополитические устремления? Или же внешнеполитические и геополитические реалии

задавали вектор и содержание украинской идентичности?

С одной стороны, фундаментальная дихотомия «Суша-Море» задана самой природой. Равно как украинские степи и чернозёмы, речные пути и карпатские перевалы. Всё это оказывает неизбежное и постоянно воздействие на ментальность населения, формируя его мировосприятие, воздействуя на политическое сознание. С другой стороны, стереотипы восприятия России в украинском обществе, априорные ценностные установки украинской элиты, представителей националистического «бомонда», русофобская по сути политика памяти и языковая политика формируют детерминанты интерпретаций геополитического положения и внешнеполитического курса Украинского государства. Геополитика и внешнеполитические расклады воздействуют на идентичность. Украинская идентичность влияет на восприятие геополитических реалий. Всё сказанное подводит нас к следующим выводам:

1) Геополитика является неотъемлемой частью политического сознания правящей элиты Украины и украинского общества в целом;

2) Национально-государственная идентичность Украины не мыслится без геополитических категорий;

3) Прослеживается дуализм геополитических ориентиров населения Украины, с конфликтами: «Континент-Океан», «Россия-Запад»;

4) Констатируется геополитически рубежное двойственно-неопределённое и колеблющееся в геополитическом плане положение Украины;

5) Что, в свою очередь, подчёркивает её геополитическую вторичность, отсутствие исходной, автономной от других субъектов геополитической субстанциональности и субъектности;

6) Доминирующим вектором политического сознания на Украине стал евроатлантизм, превратившийся в маркер национальной идентичности «настоящего украинца». Украина не выдержала «искушения глобализмом», поддавшись его соблазнам и посулам;

7) Предыдущий пункт объясняет закономерность русофобии как важнейшей доминанты политической идентичности Украинского государства. Геополитика и внутренняя политика смыкаются в национальной идентичности украинского общества;

8) Российское академическое и политическое сообщества должны реалистично воспринимать моменты пп.6-7, избегая впадать в иллюзии и трагические ошибки предшествующего периода.

Список литературы:

1. Абашева Е.А. Украина – НАТО: основные этапы и особенности развития сотрудничества в 1992 – 2023 гг. // Современная научная мысль. 2023. № 6. С. 237-242.
2. Аверьянов В.А. Природа русской экспансии. – М.: Лепта, 2003. 512 с.
3. Бабенко Н.В. Проблема геополитического выбора Украина: взгляды украинских государственных деятелей, политиков и исследователей // Восточная Европа в современной геополитике. – М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 164-193.
4. Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Архимандрит Сильвестр (Лукашенко). Хаос как стратегия глобализма. – М.: Отчий дом, 2023. 688 с.
5. Бжезинский З. Великая Шахматная доска // URL: <https://mo.tnu.tj/wp-content/uploads/2021/03/velikaja-shahmatnaja-doska.pdf> (Дата обращения: 09.12.2024)
6. Вандам А.Е. Наше положение // Неуслышанные пророки грядущих войн. – М.: Астрель, 2004. 357 с.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. 574 с.
8. Декларация о государственном суверенитете Украины // URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/deklaraciya_ussr_1990.pdf (Дата обращения: 08.12.2024)
9. Дембицкий С.С. Геополитические ориентации населения Украины в 2018-2020 годах: динамика изменений и современное состояние // Социология: теория, методы, маркетинг. 2021. № 2. С. 5-21.
10. Дембицкий С.С. Геополитические ориентации населения Украины в фокусе социологии: концептуальные и прикладные аспекты // Вестник НГУУ: Политология. Социология. Право. 2019. № 3. С. 40-58.
11. Дугин А.Г. Великая война континентов // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Д/дугин-aleksandr/konspirologiya/7> (Дата обращения: 10.12.2024)
12. Дусинский И.И. Геополитика России. – М.: Издательство журнала «Москва», 2003. 320 с.
13. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля // ред. И.С. Семенов. – М.: Издательство «Весь Мир», 2023. 512 с.
14. Конституция Украины // URL: <https://konstitutsiayaua.ru> (Дата обращения: 08.12.2024)
15. Курылёв К.П. Украина в западных геополитических концепциях // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2013. № 7. С. 20-31.
16. Кучма Л. Украина – не Россия. – М.: Время, 2003. 560 с.
17. Линник Т. Украина и глобальная геополитика // Постсоветский материк. 2017. № 2. С. 14-27.
18. Макиндрер Х. Географическая ось истории. – М.: АСТ, 2024. 352 с.
19. Масаев М.В. Геополитическое будущее Украины. Выбор Украины в цивилизационных координатах «талассократия-теллурократия» // Учёные записки Таврического университета им. В.И. Вернадского. Серия «География». 2011. Т. 23 (63). № 2. Ч. 1. С. 90-104.
20. Пашковский П.И. Геополитическая «рубужность» как фактор позиционирования Украины в международных отношениях: опыт украинского дискурса начала XXI века // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10 (2). С. 173-184.
21. Панарин А.С. Искушение глобализмом. – М.: Алгоритм, 2003. 416 с.
22. Паращевин М.А. Конфессиональные особенности геополитических ориентаций населения Украины // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 5. С. 111-126.
23. Порошенко подписал закон о закреплении в конституции курса Украины в НАТО и ЕС // ТАСС. 19.02.2019 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6134048> (Дата обращения: 09.12.2024)
24. Работяжев Н., Соловьёв Э. Украинский кризис: между политикой идентичности и геополитикой // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3. С. 9-28.
25. Смолин М.Б. Тайны Русской империи. – М.: Вече, 2003. 432 с.
26. Спикмэн Н., Шмитт К. «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море. – М.: Родина, 2022. 224 с.
27. Хартия о стратегическом партнёрстве между США и Украиной // URL: <https://ru.usembassy.gov/pr3-11-15-21-ru/> (Дата обращения: 09.12.2024)
28. Что говорил Зеленский о перспективах вступления Украины в НАТО // 11.07.2023 // URL: <https://tass.ru/info/18242013> (Дата обращения: 09.12.2024)
29. Ющенко подтвердил намерение привести Украину в НАТО // Интерфакс. 16.06.2008 // URL: <https://www.interfax.ru/russia/17541> (Дата обращения: 09.12.2024)
30. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

Bibliography

1. Abasheva E.A. Ukraine - NATO: the main stages and features of the development of cooperation in 1992 - 2023 //

Modern scientific thought. 2023. № 6. P. 237-242.

2. Averyanov V.A. The nature of Russian expansion. – M.: Lepta, 2003. 512 p.

3. Babenko N.V. The problem of geopolitical choice Ukraine: views of Ukrainian statesmen, politicians and researchers // Eastern Europe in modern geopolitics. – M.: INION RAS, 2008. P. 164-193.

4. Baghdasaryan V.E., Ierusalimsky Yu.Yu., Archimandrite Sylvester (Lukashenko). Chaos as a strategy of globalism. – M.: Otchiy dom, 2023. 688 p.

5. Brzezinski Z. The Grand Chessboard // URL: <https://mo.tnu.tj/wp-content/uploads/2021/03/velikaja-shahmatnaja-doska.pdf> (09.12.2024)

6. Vandam A.E. Our Situation // Unheard Prophets of Future Wars. – M.: Astrel, 2004. 357 p.

7. Danilevsky N.Ya. Russia and Europe. – M.: Kniga, 1991. 574 p.

8. Declaration of State Sovereignty of Ukraine // URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/deklaraciya_ussr_1990.pdf (08.12.2024)

9. Dembitsky S.S. Geopolitical orientations of the population of Ukraine in 2018-2020: dynamics of changes and current state // Sociology: theory, methods, marketing. 2021. № 2. P. 5-21.

10. Dembitsky S.S. Geopolitical orientations of the population of Ukraine in the focus of sociology: conceptual and applied aspects // Bulletin of NTUU: Political Science. Sociology. Law. 2019. № 3. P. 40-58.

11. Dugin A.G. The Great War of the Continents // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/D/dugin-aleksandr/konspirologiya/7> (12.10.2024)

12. Dusinsky I.I. Geopolitics of Russia. – M.: Publishing house of the magazine "Moscow", 2003. 320 p.

13. Identity: personality, society, politics. New contours of the research field // ed. I.S. Semenenko. – M.: Publishing house "Ves Mir", 2023. 512 p.

14. Constitution of Ukraine // URL: <https://konstitutsiyaua.ru> (08.12.2024)

15. Kurylev K.P. Ukraine in Western geopolitical concepts // Bulletin of RUDN. Series "International Relations". 2013. № 7. P. 20-31.

16. Kuchma L. Ukraine is not Russia. – M.: Vremya, 2003. 560 p.

17. Linnik T. Ukraine and global geopolitics // Post-Soviet continent. 2017. № 2. P. 14-27.

18. Mackinder H. The Geographical Axis of History. – M.: AST, 2024. 352 p.

19. Masayev M.V. The Geopolitical Future of Ukraine. Ukraine's Choice in the Civilizational Coordinates of "Thalassocracy-Tellurocracy" // Scientific Notes of the Vernadsky Tauride University. Series «Geography». 2011. Vol. 23 (63). № 2. Part 1. P. 90-104.

20. Pashkovsky P.I. Geopolitical "Borderliness" as a Factor in Ukraine's Positioning in International Relations: The Experience of Ukrainian Discourse at the Beginning of the 21st Century // Problems of the Post-Soviet Space. 2023. № 10 (2). P. 173-184.

21. Panarin A.S. Temptation of globalism. – M.: Algorithm, 2003. 416 p.

22. Parashchevin M.A. Confessional features of geopolitical orientations of the population of Ukraine // Monitoring of public opinion. 2016. № 5. P. 111-126.

23. Poroshenko signed a law enshrining in the constitution Ukraine's course towards NATO and the EU // TASS. 19.02. 2019 // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6134048> (09.12.2024)

24. Rabotyazhev N., Solovyov E. Ukrainian crisis: between identity politics and geopolitics // Russia and the new states of Eurasia. 2017. № 3. P. 9-28.

25. Smolin M.B. Secrets of the Russian Empire. – M.: Veche, 2003. 432 p.

26. Speakman N., Schmitt K. "New Atlantis". Geopolitics of the West on Land and at Sea. – M.: Rodina, 2022. 224 p.

27. Charter on Strategic Partnership between the United States and Ukraine // URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/pr3-11-15-21-ru/> (09.12.2024)

28. What Zelensky said about the prospects of Ukraine's accession to NATO // 11.07.2023 // URL: <https://tass.ru/info/18242013> (09.12.2024)

29. Yushchenko confirmed his intention to bring Ukraine to NATO // Interfax. 16.06.2008 // URL: <https://www.interfax.ru/russia/17541> (09.12.2024)

30. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional Values of the Peoples of Greater Eurasia and the Modern World // Culture of the World. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.

Языковая политика Казахстана после обретения независимости

I. Предпосылки для реализации

Проблема оттока населения. В начале независимости Казахстана нерациональная лингво-этническая политика привела к оттоку большого числа недоминирующих этнических групп (см. табл. 1). Опрос, проведенный в 1990-е годы исследователем Института этнологии и антропологии РАН (ИЭА РАН) Лебедевой [5], показал, что по поводу мотивации миграции русских из Казахстана (см. табл. 2) 27,4% респондентов выбрали “незнание языка доминирующей этнической группы и связанные с этим трудности”.

Таблица 1. Изменение численности населения Казахстана по этническим группам 1989-1999 гг.

Этнические группы	1989	1999	Темпы роста	Доля (1999)
Казахский	6534616	7985039	22,19%	53,40%
Русский	6227549	4479618	-28,07%	29,95%
Украинский	896240	547052	-38,97%	3,65%
Узбекский	332017	370663	11,63%	2,47%
Германский	957518	353441	-63,09%	2,36%
Татарский	327982	248952	-24,10%	1,66%
Уйгурский	185301	210339	13,51%	1,40%
Белорусский	182601	111926	-38,71%	0,74%
Корейский	103315	99657	-3,75%	0,66%
Азербайджанский	90083	78295	-13,09%	0,52%
Польский	59956	47297	-21,12%	0,31%
Токанский	30165	36945	22,47%	0,24%

Курдский	25425	32764	28,86%	0,21%
Чеченский	49507	31799	-35,77%	0,21%
Таджикский	25514	25657	0,56%	0,17%

Источник: Landau J. & M.B. Kellner-Heinkele. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity and the Soviet Legacy [M]. London New York: I.B. Tauris, 2012.

Таблица 2. Мотивация миграции русских из Казахстана.

Мотивы миграции русских	Доля респондентов, занимающих позицию (%)
Беспокойство о своей личной безопасности или безопасности близких	22,6
Незнание языка доминирующего народа и связанные с этим трудности	27,4
Экономические трудности	36,3
Ухудшение экологической обстановки	10,5
Невозможность оставаться русским в данной среде	20,2
Отсутствие будущего у детей	63,7
Изменение статуса русских	34,7
Желание жить в национальной среде	25,8
Миграция родственников и знакомых	15,3

Источник: Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья [J]. Вестник Российской академии наук. 1998. Том 68. № 4. С. 296-306.

Фрагментация национального сознания. Дискриминационная языковая политика привела также к усилению этнического русского национализма, причем по ряду острых вопросов межнациональных отношений у казахов имеются явные разногласия, что противоречит задаче построения единой национальной общности. В 1994-1995 гг. при поддержке Фонда К. и Дж. Мака Артурова российский ученый Лебедева провела опрос (см. табл. 3 и 4) постсоветского пространства Казахстана. После распада Советского Союза статус русских, проживающих в Казахстане резко упал, однако чувство “национального превосходства” у них

сохранилось. По данным опроса, 57% русских считают свою этническую принадлежность предметом гордости, а 56% - источником уверенности в себе [5]. В конце 1990-х годов 22,4% русских, проживающих на территории Казахстана, считали своей Родиной Россию [2].

Таблица 3. Представление русских о своей национальной принадлежности.

Национальная принадлежность	Центральная Азия	Балтия	Закавказье
Гордость	57	55	46
Уверенность	56	53	44
Сожаление	12	20	10
Стыдность	3	7	5
Обидность	3	2	2
Быть изгнанным	10	25	19

Источник: Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья [J]. Вестник Российской академии наук. 1998. Том 68. № 4. С. 296-306.

В связи с этим были созданы различные русские националистические группы, такие как Общественное объединение “Исток”, Русская община Казахстана, Славянский культурный центр и т.д. [3] Среди них наиболее влиятельной националистической организацией является Республиканское славянское движение Лад, основанное в 1992 году. Основными целями организации являются сохранение языкового и культурного своеобразия славянских народов, развитие и укрепление демократии, защита политических, социальных и культурных прав и интересов славянских общин Казахстана [3]. Лад был политическим движением культурного характера, но поскольку в Казахстане был авторитарный режим, деятельность Лад была более сдержанной [1].

Угроза территориальной целостности Республики. В 1990-е годы в Казахстане наблюдался рост русского националистического экстремизма, мотивированного в основном стремлением к политической независимости и интеграции в состав России от Казахстана, примером которого является казачество. Казаки действовали на российских границах начиная с XIV века [8]. Казачьи силы и в Казахстане были разделены на

четыре основные ветви: Семиречинское казачество, Оренбургское казачество, Уральское казачество и Сибирское казачество. Казачьи организации в Казахстане тесно связаны с группами на территории России и имеют ярко выраженные сепаратистские тенденции [3]. В ноябре 1995 года Гунькин организовал нелегальные митинги в Алма-Ате и Тардикоргане, а весной 1996 года братья Юрий и Виктор Антошко из Сибирского казачества планировали восстание в Кокчетавской области с целью создания независимого государства по образцу Приднестровья и Абхазии.

Таблица 4. Воспринимаемая угроза для русской общины (%).

Взгляды	Уровень одобрения русских	Уровень одобрения доминирующей этнической группы
Угроза русским - воображение этнических русских и российских политиков.	11,5	56,1
Русские слишком чувствительны, никто не подвергает их остракизму, но они поднимают много шума.	7,3	57
Русские помогли республикам развиваться, но они не получают заслуженной благодарности.	92	55
Новые независимые государства должны выплачивать компенсацию русским при переезде.	85,5	42.4
Россия бросит русских, и власти страны, в которой они проживают, могут делать с ними все, что захочет.	36	11,5

Источник: Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья [J]. Вестник Российской академии наук. 1998. Том 68. № 4. С. 296-306.

II. Содержание реализации

С принятием Конституции 1995 года произошел переход от казахизации к казахстанизации национальной идентичности Казахстана, а также смена способа конструирования национальности от коренного этноса к политико-культурной гражданской идентичности. В Конституции 1995 года отменено понятие субъектного и бессубъектного народов, указано, что “русский язык используется наравне с казахским язы-

ком в государственных ведомствах и органах местного самоуправления”. 11 июля 1997 года была принята новая редакция Закона о языках, в которой в статье 8 “Использование языков” говорится, что “Государственным языком в государственных ведомствах и органах местного самоуправления Казахстана является русский язык, который с казахским языком равно используется на официальном уровне [6]”. В статье 6 Закона о языках от 1997 года отмечено, что “Каждый гражданин Казахстана имеет право на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, образования и творчества, а государство заинтересовано в создании условий для изучения и развития народом Казахстана всех языков”.

Национальная политика Казахстана также отражает ослабление этнического самосознания и акцент на национальную идентичность, о чём свидетельствует Закон о культуре от 4 декабря 1996 года, предусматривающий возрождение, сохранение и развитие культуры казахов и других этносов. В 1995 году по инициативе Н. Назарбаева была создана Ассамблея народов Казахстана. Хотя Ассамблея являлась консультативно-совещательным органом, не имеющим права принимать решения, основной ее функцией была защита прав и интересов этносов, их языков и культур, поддержание межнационального согласия, поэтому само ее создание имело большое значение, и в 2007 году она была переименована в Ассамблею народа Казахстана, что в большей степени отразило смещение этнической идентичности правящих элит в национальную сторону. Кроме того, в Казахстане запрещено создание политических партий на основе этнических признаков.

Однако следует отметить, что, несмотря на признание в официальных документах принципа равенства всех этнических групп, искусственное повышение статуса исторической культуры и национального языка Казахстана остается приоритетным. Так, в Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы, принятой в 2001 году, предусматривается, что к 2020 году доля казахскоязычного контента в государственных СМИ должна достигать 70%.

III. Результат реализации

Языковая политика Казахстана имеет определенное отставание в регулировании миграции населения. Хотя с 1995 года Казахстан отказался от лингво-этнической политики казахизации, на практике недоминирующие этнические группы, представленные русскими, не сразу почувство-

вали улучшение своего положения, и дискриминация в реальной жизни продолжает существовать.

Русская сепаратистская тенденция в некоторой степени ослаблялась благодаря казахизации языковой политики, которая пошла на пользу славянским народам, в том числе русским. Опрос, проведенный в 1994 году показал, что 25% русских на севере Казахстана хотели бы, чтобы регион отделился от Казахстана и вошел в состав Российской Федерации, а 14% - чтобы регион стал независимым [4]. Русская сепаратистская тенденция в некоторой степени ослаблялась благодаря казахизации языковой политики, которая пошла на пользу славянским народам, в том числе русским. Опрос, проведенный в 1994 году показал, что 25% русских на севере Казахстана хотели бы, чтобы регион отделился от Казахстана и вошел в состав Российской Федерации, а 14% - чтобы регион стал независимым. В 2009 году, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в ответ на вопрос “В какой стране комфортнее жить” 21% русских выбрали Казахстан, 23% - Россию, а 39% считают, что условия жизни одинаковы и в России, и в Казахстане.

В 2012 году Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан провел опрос общественного мнения в Казахстане, результаты которого свидетельствовали об ослаблении исконной русской идентичности и усилении казахстанской идентичности. Хотя доля русских в Астане относительно невелика, 70% русских не считают свою этническую принадлежность проблемой для себя. Это значит, что русские демонстрируют интеграцию в направление межэтнического сообщения. Стоит упомянуть, что в ходе опроса также было отмечено отношение казахских к русским в отличие от предыдущих опросов, фокусирующихся только на русской этнической идентификации. По данным опроса, число представителей других этнических групп, не желающих общаться с русскими, относительно невелико: в Петропавловске составляет 8%, а в Астане - 17%. Большинство русских респондентов по-прежнему имеют супругов из числа этнических русских, однако большинство русских терпимо относятся к этнической принадлежности будущих супругов своих детей. В Петропавловске только 6% категорически против браков своих детей с представителями других национальностей, а в Чимкенте и Астане - 16% и 24% соответственно.

По данным опроса 2014 года, 72,2% русских положительно относятся к казахам, 25,4% - нейтрально, 78,7% российских положительно относятся к казахстанским [7], а более 90% респондентов считают себя

казахами (гражданами) [7]. На фоне украинского кризиса этнические отношения в Казахстане еще больше гармонизировались, что было достигнуто с большим трудом.

Заключение

Хотя языковая политика постепенно привела к постепенному ослаблению русского сепаратизма, до сих пор умеренный русский национализм в Казахстане не растворился. С 1990-х годов по 2014 год количество организаций, представляющих интересы русского и русскоязычного населения,росло, а число организаций, занимающихся сохранением славянской культуры и казачьих традиций, увеличилось до 38. Таким образом, Казахстану еще предстоит пройти долгий путь, чтобы полностью реализовать конструкцию единой государственности.

Список литературы:

1. Landau J. & Kellner-Heinkele M.B. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity and the Soviet Legacy [M]. London New York: I.B. Tauris, 2012.
2. Lowell, W.B. The Motherland Is Calling: Views of Homeland among Russians in the Near Abroad [J]. World Politics, 2003. № 55 (2). P. 290-313.
3. Ziegler C. The Russian Diaspora in Central Asia: Russian Compatriots and Moscow's Foreign Policy [J]. The Journal of Post-Soviet Democratization, 2006. № 14 (1). P. 103-126.
4. Кузнецова С.И. Русские в Центральной Азии [М]. Москва: издательство Гуманитарий, 2002.
5. Лебедева Н.М. Русские в странах ближнего зарубежья [J]. Вестник Российской академии наук. 1998. Том 68. № 4. С. 296-306.
6. Султан Д.С., Сабирова Д.Р. Современная языковая политика в Республике Казахстан [J]. Казанский вестник молодых учёных, 2018. Том. 2. № 5 (8). С. 60-62.
7. Телебаева Г.Т. Языковая политика в Республике Казахстан [М]. Астана: Елорда, 2014.
8. Чэнь Жуйюнь. Исторический словарь университетов [К]. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 1988.
9. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

Bibliography

1. Landau J. & Kellner-Heinkele M.B. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic Identity and the Soviet Legacy [M]. London New York: I.B. Tauris, 2012.
2. Lowell, W.B. The Motherland Is Calling: Views of Homeland among Russians in the Near Abroad [J]. World Politics, 2003. № 55 (2). P. 290-313.
3. Ziegler C. The Russian Diaspora in Central Asia: Russian Compatriots and Moscow's Foreign Policy [J]. The Journal of Post-Soviet Democratization, 2006. № 14 (1). P. 103-126.
4. Kuznetsova S.I. Russians in Central Asia [M]. Moscow: Gumanitariy Publishing House, 2002.
5. Lebedeva N.M. Russians in the neighboring countries [J]. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 1998. Vol. 68. № 4. P. 296-306.
6. Sultan D.S., Sabirova D.R. Modern language policy in the Republic of Kazakhstan [J]. Kazan Bulletin of Young Scientists, 2018. Vol. 2. № 5 (8). P. 60-62.
7. Telebaeva G.T. Language policy in the Republic of Kazakhstan [M]. Astana: Elorda, 2014.
8. Chen Ruiyun. Historical dictionary of universities [K]. Harbin: Heilongjiang People's Publishing House, 1988.
9. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional values of the peoples of Greater Eurasia and the modern world // Culture of the world. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.

Цуй Цзяньпин

Доктор истории, доцент, кафедра «Международная политика»,
Институт государственного управления
Хэйлуньцзянского университета, Китай, г. Харбин.

О причинах урегулирования пограничного вопроса между Китаем и Россией

Работа выполнена по гранту крупного проекта важнейших исследовательских баз гуманитарных и социальных наук при Министерстве образования КНР: проект № 22JJD770066 «Обработка и исследование классического труда в области синологических фундаментальных источников В.М. Алексеева».

Пограничный вопрос затрагивает суверенитет и территориальную целостность государств, а также их коренные интересы. Нынешняя российско-китайская граница формировалась постепенно в ходе более чем 300-летнего взаимодействия двух стран. История доказала, что пограничные споры являются лишь следствием ухудшения отношений между государствами, и что после улучшения отношений между государствами пограничные споры, как правило, не становятся препятствием и легче разрешаются. Именно на фоне улучшения отношений российская и китайская стороны на основе договоров о границе между двумя странами и в соответствии с общепризнанными нормами международного права, в духе равноправных консультаций, взаимопонимания и согласия, решили пограничный вопрос раз и навсегда.

I. Улучшение китайско-советских отношений как необходимое условие для урегулирования пограничного вопроса

За 42 года, прошедшие с момента установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом после образования Китайской Народной Республики в конце 1949 года до распада Советского Союза в конце 1991 года, китайско-советские отношения пережили очень сложный и извилистый процесс. В соответствии с разделением истории международных отношений, эволюцию дипломатии между Китаем и Со-

ветским Союзом, рассматриваемую на примере Советского Союза, можно условно разделить на четыре этапа, а именно: сталинский период всесторонней дружбы и сотрудничества, хрущевский период, который варьировался от внутренних разногласий до открытого разделения, брежневский период тотальной конфронтации и горбачевский период, который постепенно перешел от относительной разрядки к нормализации. На четвертом этапе, после длительного периода антагонизма и неупорядоченности, Китай и Советский Союз наконец-то приветствовали разрядку в своих отношениях. Именно в этой атмосфере начались третьи китайско-советские пограничные переговоры (февраль 1987 - май 1991 гг.), и пограничный вопрос был в основном решен с нормализацией отношений между двумя странами.

1.1 Международная стратегия Дэн Сяопина «мир и развитие» оказала глубокое влияние на китайско-советские отношения

В период с начала 1980-х до начала 1990-х годов основные коррективы в политике Китая в отношении Советского Союза проявились в четырех основных направлениях: во-первых, Китай в основном прекратил идеологические дискуссии с Советским Союзом. Во-вторых, Китай выступал за развитие отношений с Советским Союзом на основе пяти принципов мирного сосуществования. В-третьих, Китай в одностороннем порядке сократил свое военное присутствие на китайско-советской границе. В-четвертых, Китай укрепил свои контакты с советской стороной. Китай приложил собственные усилия и внес свой вклад в улучшение отношений с Советским Союзом, заложив тем самым прочную основу для урегулирования вопроса о китайско-советской границе.

1.2 «Новое мышление» М.С. Горбачева в области внешней политики способствовало улучшению китайско-советских отношений

Положительные эффекты «нового мышления» неоспоримы, поскольку оно выступает за отказ от гонки вооружений, за мирное сосуществование стран с разными социальными системами и, прежде всего, за деидеологизацию международных отношений. Дипломатия Советского Союза в отношениях с Китаем под руководством «нового мышления» достигла значительного прорыва.

28 июля 1986 года М.С. Горбачев выступил во Владивостоке с речью о ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе и азиатско-тихоокеанской политике Советского Союза. Горбачев объявил, что СССР и КНР

заявили о неприменении первыми ядерного оружия. Он выразил готовность встретиться с представителями Китайской Народной Республики на любом уровне. Он отметил: «официальная граница может пройти по главному фарвату рек» [1]. Кроме того, Горбачев объявил, что Советский Союз выведет часть своих войск из Монголии и Афганистана. Заявление Горбачева свидетельствует о том, что с советской стороны наметились признаки расслабления в решении вопроса о «трех препятствиях».

1.3 Улучшение китайско-советских отношений ускорило процесс решения пограничного вопроса

Вскоре после этого китайская сторона выразила согласие возобновить переговоры по пограничному вопросу.

18 мая в Пекине стороны публично опубликовали Совместное китайско-советское коммюнике, где, в частности, подчеркивается: Стороны выступают за справедливое и разумное урегулирование пограничного вопроса на основе действующих договоров о китайско-советской границе и в соответствии с общепризнанными нормами международного права, а также в духе равноправных консультаций, взаимопонимания и согласия [2]. После этого отношения между двумя странами в области политики, экономики, торговли, науки и техники, культуры и образования вскоре были восстановлены и получили всестороннее развитие, одновременно ускорив темпы урегулирования пограничного вопроса.

16 мая 1991 года во время визита в Советский Союз Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя Китай и Советский Союз подписали Соглашение о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части, где предусмотрено, что государственная граница проходит по середине фарватера судоходной реки или по главному тальвегу несудоходной реки. В соответствии с соглашением суда различного типа могут беспрепятственно осуществлять плавание из реки Уссури в реку Амур мимо города Хабаровска и обратно, а также китайские суда (под флагом КНР) могут осуществлять плавание по реке Туманная с выходом в море и обратно.

Подписание Соглашения является крупным достижением правительств и руководителей Китая и Советского Союза после долгих усилий и в значительной степени способствует здоровому развитию отношений между двумя странами. Подписание Соглашения представляет собой прорыв в пограничных переговорах между Китаем и Советским Союзом и открывает перспективу определения самой протяженной сухопутной

границы в мире между соседними странами.

II. Стабильное развитие российско-китайских отношений является прочной основой для урегулирования пограничных вопросов

Именно на фоне непрерывного развития двусторонних отношений Китай и Россия завершили демаркацию восточного участка границы, решили вопрос о западном участке границы, подписали Дополнительное соглашение о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части, и завершили демаркацию границы.

2.1 Три последовательных шага вверх в китайско-российских отношениях и принципиальное урегулирование вопроса о китайско-российской границе

Вскоре после роспуска Советского Союза высшие законодательные органы Китая и России ратифицировали Соглашение.

17 декабря 1992 гг. состоялся визит президента России Бориса Ельцина в Китай, ставший первой встречей высших руководителей Китая и России. Во время визита Ельцина в Китай между двумя странами была подписана Совместная декларация об основах взаимных отношений между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Визит Ельцина в Китай в это время, несомненно, придал положительный импульс уже начавшейся работе по демаркации границы между двумя странами.

После распада Советского Союза в конце 1991 года бывшая китайско-советская граница на ее западной части стала границей между Китаем и четырьмя странами - Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном соответственно. Китай и четыре страны сформировали совместную делегацию для продолжения пограничных переговоров в новом двухстороннем формате с участием пяти государств. С 2 по 6 сентября 1994 года состоялся официальный визит Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя в Россию. Стороны также подписали Соглашение о российско-китайской государственной границе на ее Западной части, которое определяет прохождение границы на расстоянии около 55 километров. Вскоре Соглашение было ратифицировано законодательными органами двух стран.

В декабре 1999 года китайская и российская стороны подписали в Пекине Протокол - описание линии российско - китайской государственной границы на ее Восточной части, Протокол - описание линии российско - китайской государственной границы на ее Западной части.

Результаты демаркации китайско-российской границы показывают, что общая протяженность восточного участка границы, составляет 4 195,44 километра (4 195,22 километра по данным российской стороны), что составляет 98 процентов восточного участка границы [3].

Таким образом, подтверждено 98% восточного участка российско-китайской границы, за исключением островов Большого, Большого Уссурийского и Тарабарова; западный участок границы полностью разделен.

2.2 Подписание Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Россией и полное урегулирование пограничного вопроса между Китаем и Россией

Подписание Договора о добрососедских отношениях, дружбе и сотрудничестве между Китаем и Российской Федерацией в Москве 16 июля 2001 года стало стратегическим шагом в истории отношений между двумя странами. Статья 6 договора гласит: «Договаривающиеся Стороны, с удовлетворением отмечая отсутствие взаимных территориальных претензий, преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы, передаваемой из поколения в поколение»; «Договаривающиеся Стороны в соответствии с Соглашением о советско-китайской государственной границе на ее Восточной части от 16 мая 1991 года продолжают переговоры для разрешения вопросов о прохождении линии российско-китайской границы на еще не согласованных ее участках» [4]. Подписание Договора заложило международно-правовую основу для решения пограничных вопросов, оставшихся от истории. Китай и Россия - важные партнеры по стратегическому взаимодействию, их отношения являются наиболее зрелыми и конструктивными среди двусторонних отношений с другими крупными державами. Активное содействие со стороны правительств двух стран оказало незаменимую дипломатическую поддержку окончательному урегулированию пограничного вопроса.

14 октября 2004 года во время визита Президента России Владимира Путина в Китай китайская и российская стороны подписали Дополнительное Соглашение о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части и достигли соглашения о принадлежности островов Большого, Большого Уссурийского и Тарабарова.

Подписание Дополнительного соглашения является дипломатическим достижением двух стран после более чем 40 лет переговоров, в ходе которых обе стороны пошли на уступки, ознаменовав собой полное уре-

гулирование всех пограничных вопросов между двумя странами. Общая граница между Китаем и Россией протяженностью 4300 километров отныне должна стать связующим звеном мира, дружбы, сотрудничества и развития между двумя народами. Мирное урегулирование китайско-российского пограничного вопроса имеет огромное значение для двух стран с точки зрения добрососедства, стратегического сотрудничества и поддержания мира и стабильности в регионе и во всем мире.

Вскоре после этого российская и китайская стороны начали совместную демаркацию. После почти трех лет совместных усилий, в конце 2008 года, две страны завершили работы по демаркации. По ее итогам Китай и Россия примерно пополам распределили спорные острова.

14 октября российская и китайская стороны провели церемонию открытия пограничных знаков на острове Большого Уссурийска, пограничники двух стран приступили к выполнению своих обязанностей по охране государственной линии, проведенной обеими сторонами.

III. Необходимость создания благоприятных условий безопасности для Китая и России является внешним стимулом для урегулирования пограничного вопроса

Среда безопасности определяется геополитическим положением страны, поскольку в международной политике безопасность упоминается в смысле других международных акторов или международной системы. Анализ отношений безопасности Китая и России с внешним миром показывает, что обе страны сталкиваются с проблемами безопасности.

3.1 Неблагоприятные факторы в сфере безопасности вокруг Китая

В силу исторических и географических причин Китай имеет территориальные споры с некоторыми странами. Среди них серьезными проблемами являются территориальный спор с Индией, Японией и спор о суверенитете над южнокитайским морем. В этих странах до сих пор сохраняется менталитет холодной войны - подозрительность и напряженность по отношению к Китаю. Кроме того, Соединенные Штаты создали «стратегическое окружение» вокруг Китая. Они с помощью своей мощной национальной силы, выстроили свои силы непосредственно вокруг Китая, сформировав вокруг него невидимое окружение.

3.2 Неблагоприятные факторы в сфере безопасности вокруг России

Россия имеет территориальные споры с большинством своих соседей.

Кроме того, Западное вытеснение сократило стратегическое пространство России [5]. Распад СССР нанес тяжелый удар по геополитическому положению России, границы страны резко изменились, значительно ухудшилась способность России к самообороне. США рассматривают восстановление могущества России как вызов своей гегемонии. З. Бжезинский откровенно говорил: «Свободно конфедеративная Россия, состоящая из Европейской России, Сибирской республики и Дальневосточной республики, также будет иметь больше шансов установить более тесные экономические отношения с Европой, новыми государствами Центральной Азии и Востоком, а также ускорить собственное развитие России» [6].

3.3 Среда безопасности перед Китаем и Россией привела их к расширению сотрудничества в решении пограничных вопросов

После распада Советского Союза резкое падение национальной мощи и потеря глубины обороны заставили Россию принять стратегию сохранения статус-кво. «Атрибуты сохранения политики статус-кво еще более очевидны в пограничной политике России» [7]. Будучи основными факторами, влияющими на условия развития друг друга, и Китай, и Россия считают фундаментальной стратегической задачей сосредоточиться на развитии своей всеобъемлющей мощи и мирном подъеме своих стран, для чего необходимо создать мирную и стабильную международную обстановку, особенно периферийную. Таким образом, существует важная точка соприкосновения между политикой Китая в отношении России и политикой России в отношении Китая, т. е. укрепление доверия в сфере безопасности между двумя странами, расширение сотрудничества в сфере безопасности и обеспечение долгосрочного мира и стабильности в приграничных районах. Будучи двумя крупнейшими соседями, Китай и Россия стремятся к созданию стабильного периферийного окружения, и долгосрочная стабильность их отношений неизбежно станет важной частью долгосрочной стабильности периферийного окружения. С этой целью и Китай, и Россия проводят политику дипломатии добрососедства, укрепляя добрососедские отношения и прагматичное сотрудничество с соседними странами. И Китай, и Россия имеют территориальные споры с некоторыми из своих соседей, и способ их разрешения, а также результаты урегулирования будут оказывать непосредственное влияние на обстановку безопасности в соседних странах. Поэтому обе страны сделали рациональный выбор в отношении пограничного вопроса, решив

его разумно и обоснованно на основе дружеских консультаций, продемонстрировав соседним странам свою искренность и добрую волю и предложив идеи, которые могут быть использованы двумя странами для смягчения или разрешения пограничных споров или споров о территориальном суверенитете с соседними странами.

IV. Правильный подход Китая и России к отношениям истории и реальности - ключ к решению пограничного вопроса

Китайско-российский пограничный вопрос - это наследие истории, и для его решения необходимо разобраться с соотношением истории и реальности; в противном случае, заикливание на исторических вопросах не поможет решить проблему, а наоборот, создаст многочисленные препятствия на пути к ее решению.

4.1. Размежевание границы в соответствии с общепринятыми нормами международного права

В международной практике для делимитации границ обычно принимаются следующие принципы: на судоходных реках границы устанавливаются по середине главного фарватера или тальвегу реки; на несудоходных реках, ручьях - по их середине или по середине главного рукава реки. В Пятой статье пограничного договора от 1991 года о принципе провода границ устанавливает аналогичное положение.

В отношении вышеупомянутых норм обычного международного пограничного права в России существуют различные мнения. Например, в отношении речных границ они считают, что, помимо середины главного фарватера, граница некоторых государств проводит от берегов двух государств, граница некоторых - от берегов одного государства, а граница некоторых - от тальвега реки, то есть самой глубокой части реки, которая не является серединой главного рукава реки, как в случае Швейцарии, Ирана, Ирака и других государств. Этой точки зрения придерживается авторитетный учебник по международному праву, изданный в России [8].

Российско-китайский исторический договор содержит лишь общее описание этого, что является одной из причин пограничного спора между двумя странами. Поэтому, «принимая во внимание международную практику и опыт России в размеживании границы на пограничных реках, в 1964 году и в ходе последующих переговоров стороны согласились, что для размеживания границы по судоходным рекам Амур и Уссури наибо-

лее целесообразно использовать середину главного рукава реки» [9]. Озеро Ханкай, российско-китайское пограничное озеро, было размежевано в соответствии с соглашением двух сторон, и китайская сторона не потребовала, чтобы граница была размежевана на основе срединной линии, тем самым фактически сделав большую уступку.

4.2. Урегулирование пограничных вопросов путем взаимных уступок и равных консультаций

Возьмем остров Большой Уссурийский как пример. В Пекинском договоре от 1860 года между Россией и Китаем было четко указано, что граничная линия идет по рекам Амур и Уссури, остров Большой Уссурийский, расположенный к югу от середины главного рукава реки, принадлежит Китаю. 15 октября 1860 года участники переговоров двух сторон, князь Гун и Игнатьев, подписали и скрепили печатями два китайских и два русских текста договора и обменялись ими. Цинский представитель отказался подписать карты с красной линией, «мотивируя это тем, что он не понимает карт и что очертания карты отличаются от китайских» [10]. Однако 28 июня 1861 года был подписан Ханкайский протокол о размене картами и описаниями государственной границы между Российской и Китайской империями «от реки Уссури до моря». Цинские представители не подписали карты (1960 г.), то есть не согласились с проведенном российской стороной размежевании границы на китайской стороне. Однако позже (1861 г.) цинские представители подписали и обменялись с Ханкайским протоколом, составленным российской стороной, фактически признав карты российских представителей, на которых линия границы проходила по китайской стороне, тем самым заложив основу для будущих споров между двумя сторонами. По итогам демаркации границ в 2008 году китайская сторона вернула себе только половину острова Хэйсяцзы, что стало большим шагом назад по сравнению с ее первоначальной позицией.

Тот факт, что Китай и Россия смогли решить пограничный вопрос, на самом деле объясняется тем, что обе стороны приуменьшили значение истории, сосредоточились на реальности и смотрели в будущее. Преуменьшать историю - это не значит игнорировать ее, а значит осмысливать прошлое, извлечь урок из потери своей территории. Ориентация на реальность - необходимое условие для решения проблем на основе принципов и норм международного права, при полном учете практических возможностей, взаимопонимания и приспособления, поиска точек

соприкосновения при сохранении различий. Заглядывая в будущее, мы должны рассматривать общую ситуацию будущего развития отношений между двумя странами и использовать сильные стороны друг друга, чтобы найти взаимовыгодную ситуацию.

Список литературы:

1. Галенович Ю.М. Россия и Китай в X веке: граница. – М.: Изограф, 200. С. 44-45.
2. Китайско-советское совместное коммюнике. (Пекин, 18 мая 1989 г.) // Бюллетень Государственного совета Китайской Народной Республики. 1989. № 9.
3. Ма Яоу. Исторический процесс и далеко идущее значение решения китайско-российской пограничной проблемы на ее Восточной части / Сб. Статей «Китайско-российские пограничные проблемы и окружающая среда для мирного подъема Китая». Март 2 005г. Пекин.
4. Договор между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 16 июля 2001 года // Бюллетень Государственного совета Китайской Народной Республики. 2001. № 25.
5. Абурахманов М.И., Баришполец В.А., Манилов В.Л., Пирумов В.С. Основы национальной безопасности России. – М.: Друза, 1998. С. 41.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска: главенство Америки и её геостратегические императивы. / Пер. с англ. Института по международным вопросам Китая. Шанхай: Шанхайское народное издательство, 2007. С. 165.
7. Не Хуни, Ли Винь. Варианты политики Китая в территориальных спорах // Международная политическая наука. 2008. № 4.
8. Каламкарян Р.А., Мигачев Ю.И. Международное право. – М.: Эксмо, 2006. С. 521.
9. Киреев Г.В. 4200 километров границы с Китаем// Международная жизнь. 1999. № 2.
10. Прохоров А. К вопросу о советско-китайской границе. – М.: Международные отношения, 1975. С. 123.
11. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

Bibliography

1. Galenovich Yu.M. Russia and China in the 10th Century: Border. – Moscow: Izograf, 200. P. 44-45.
2. Sino-Soviet Joint Communiqué. (Beijing, May 18, 1989) // Bulletin of the State Council of the People's Republic of China. 1989. № 9.
3. Ma Yaowu. Historical Process and Far-Reaching Significance of Resolving the Sino-Russian Border Problem in Its Eastern Part / Collection of Articles "Sino-Russian Border Problems and the Environment for China's Peaceful Rise". March 2005. Beijing.
4. Treaty between the People's Republic of China and the Russian Federation on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation Treaty on Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China. July 16, 2001 // Bulletin of the State Council of the People's Republic of China. 2001. № 25.
5. Aburakhmanov M.I., Barishpolets V.A., Manilov V.L., Pirumov V.S. Fundamentals of Russia's National Security. – M.: Druza, 1998. P. 41.
6. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: America's Primacy and Its Geostrategic Imperatives. / Translated from English by the Institute of International Affairs of China. Shanghai: Shanghai People's Publishing House, 2007. P. 165.
7. Ne Hongy, Li Vin. China's Policy Options in Territorial Disputes // International Political Science. 2008. № 4.
8. Kalamkaryan R.A., Migachev Yu.I. International Law. – M.: Eksmo, 2006. P. 521.
9. Kireev G.V. 4200 kilometers of the border with China// International Affairs. 1999. № 2.
10. Prokhorov A. On the issue of the Soviet-Chinese border. – M.: International Relations, 1975. P. 123.
11. Ryabova E.L., Ternovaya L.O. Traditional values of the peoples of Greater Eurasia and the modern world // Culture of the world. 2024. Volume 12. Issue 4. (№ 39). P. 120-128.

Шахид Ян Африди

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
факультет гуманитарных и социальных наук
и Университет Абдула Вали Хана Мардан.*

Лапенко М.В.

*Доцент кафедры гуманитарных и социальных наук,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.*

Кайсар Али

*Аспирант, кафедра политологии.
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Университет Абдул Вали Хана Мардан.*

**Анализ региональной взаимосвязанности
государств в рамках ШОС:
на примере пакистано-российских отношений**

Shahid Jan Afridi

*Peoples' Friendship University of Russia, Department of Humanities
and Social Sciences & Abdul Wali Khan University Mardan.*

Lapenko M.V.

*Associate Professor. Peoples' Friendship University of Russia,
Department of Humanities and Social Sciences.*

Qaisar Ali

*Postgraduate Student, Department of Political Science.
Peoples' Friendship University of Russia, Abdul Wali Khan University Mardan.*

**Analysis of regional interconnectedness
of states within the SCO:
on the example of Pakistani-Russian relations**

Introduction

The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is a major regional organization in Eurasia. Two major world powers, Russia and China, are members, along with several Central and South Asian countries. Russia was a founding member of the SCO, while Pakistan was admitted in 2015 and officially joined in 2017. The SCO's scope encompasses diverse objectives, including security cooperation and promoting economic engagement among its members. While substantial research exists on the various dimensions and progress of the SCO, analyses of how the organization shapes relations among member states are limited. Studies examining the dynamics of Pakistan-Russia relations within the SCO framework are particularly scarce.

This article fills this gap by analyzing the relationship between Pakistan and Russia in the context of their joint membership in the SCO. It draws on academic literature to explore the opportunities and challenges of Pakistan-Russia relations, using regionalism and the “theory of complex interdependence” as analytical frameworks. The study focuses on developments between 2017 and 2024.

The article is structured into three main sections, followed by an analysis and conclusion. The first section examines the historical context of Pakistan-Russia relations, the role of the SCO, and Pakistan's membership in the organization. The second section assesses the prospects for Pakistan-Russia relations within the SCO framework, focusing on recent developments. The third section examines the challenges that hinder or disrupt the development of these relations. Finally, the conclusion summarizes the discussion and presents the study's findings.

Theoretical Framework

Regional integration is not a new phenomenon for an organization, as most states are linked at their core. This research article applies complex interdependence theory to the analysis of Pakistan-Russia relations within the SCO framework. This theory was presented by Nye and Keohane in their October 1998 article “Power and Interdependence in the Information Age.” It has been refined to make it more sophisticated and adaptable to the modern information age. Its central assumption is that interstate relations are increasingly complex in the contemporary era, rendering traditional methods of analyzing bilateral relations insufficient. Complex interdependence theory provides an appropriate framework for analyzing the changing dynamics of Pakistan-Russia relations within the SCO context. First, the SCO itself serves as a multilateral platform, in line with the “multiple channels” concept described by Keohane

and Nye. Second, the agendas of this relationship are highly fluid, influenced by constantly evolving global events, such as the Taliban's capture of Kabul and the ongoing Special Military Operation in Ukraine. Finally, both Pakistan and Russia have demonstrated a willingness to move away from coercive tactics in their bilateral relations, prioritizing collaboration and mutual benefit. Thus, the existence of complex interdependence within the region underscores the relevance of this theory for understanding the opportunities and challenges shaping Pakistan-Russia relations within the SCO framework.

Relationship of Pakistan and Russia through the platform of SCO

This section examines two main themes: the historical context of Pakistan-Russia relations and the role of the SCO in their contemporary significance. Understanding the historical evolution of these relations is essential to grasping their current dynamics.

Bilateral relations between Pakistan and the Soviet Union began to develop shortly after Pakistan's independence. In 1949, the Soviet Union renewed its friendship by inviting Pakistani Prime Minister Liaquat Ali Khan for an official visit. Although Liaquat Ali Khan initially planned to visit the Soviet Union, he ultimately chose to travel to the United States¹. This decision marked a turning point. During the Cold War, Pakistan's subsequent alignment with the United States, as part of a defense partnership in the 1950s, hindered the development of closer ties between Pakistan and the Soviet Union². Nevertheless, diplomatic relations between the two states continued to endure. Economic cooperation between Pakistan and the Soviet Union began in the 1960s. The signing of an oil trade agreement marked a significant milestone during this period. Furthermore, the Soviet Union played an important role during the Indo-Pakistani War, strengthening bilateral relations. The 1970s saw a marked improvement in these ties. In 1971, the two countries signed a historic agreement in which the Soviet Union committed to providing technical and financial assistance for the establishment of a steel mill in Karachi. This agreement marked a major turning point in Pakistan's foreign policy. Subsequently, in 1972, Pakistani Prime Minister Zulfikar Ali Bhutto visited the Soviet Union to strengthen bilateral relations. The Bhutto administration marked a strategic shift in Pakistan's traditionally pro-Western foreign policy towards greater engagement with the Eastern Bloc³. Several factors influenced this shift in foreign

1 Khan H.U.R. Pakistan's Relations with the USSR. *Pakistan Horizon*, 1961. № 14 (1). P. 33-55.

2 Iqbal A. Pakistan-Russia Relations: Future Prospects. *Spotlight on Regional Affairs*, 2021. 39 p.

3 Sattar A. Pakistan's Foreign Policy 1947-2009: A Concise History. Oxford University Press. 2010 // URL: <https://invent.ilmkidunya.com/images/Section/foreign-policy-of-pakistan-current-affairs-book.pdf>

policy under Bhutto. These included Pakistan's aspirations to strengthen its foreign policy independence and reduce US influence. Another key factor was the desire to counterbalance India's growing military capabilities, bolstered by Soviet support⁴. While Pakistan maintained close ties with the United States under Bhutto, her government pursued a diversified foreign policy aimed at balancing these ties by fostering relations with the Soviet Union⁵.

Despite these advances, these relations faced significant challenges. The Soviet Union's close ties with India during the Cold War posed a major obstacle, particularly given the ongoing conflict in Kashmir. Pakistan perceived Moscow's military and economic aid to India as biased and detrimental to its interests in the region. This perception strained bilateral relations. Moreover, the United States perceived Pakistan's growing involvement with the Soviet Union as a potential threat, interpreting it as a break with the capitalist bloc and an alignment with the Eastern Bloc. Relations between Pakistan and the Soviet Union remained hostile from 1979 to 1988, coinciding with the Soviet invasion and the subsequent war in Afghanistan. In 1979, the Soviet Union intervened militarily in Afghanistan to support the communist government. This action significantly strained relations, with Pakistan, under the leadership of General Zia-ul-Haq, actively opposing the Soviet invasion. Pakistan became a key US ally in the region and provided frontline support to the mujahideen fighting Soviet forces⁶. Following the disintegration of the Soviet Union in 1991, a new phase in Pakistan-Russia relations began to emerge, characterized by a shift in dynamics and the creation of opportunities for renewed relations⁷. The post-Cold War period saw a steady growth in economic ties between the two countries. In this context, Sardar Asif Ahmad Ali, then Pakistani Foreign Minister, visited Russia, followed by Prime Minister Nawaz Sharif. These meetings focused on exploring prospects for economic cooperation. Positive developments continued after 9/11. In 2003, President Pervez Musharraf visited Russia, paving the way for the establishment of joint working groups aimed at combating terrorism, managing strategic instability, and fostering cultural cooperation. Other milestones in bilateral relations include Russian Prime Minister Mikhail Fradkov's visit to Pakistan in 2007, the first visit by a Russian prime minister. This was followed by a visit to Moscow by President Asif Ali Zardari in 2011, highlighting the progress in bilateral relations.

4 *Haqqani H.* Pakistan: Between Mosque and Military. Carnegie Endowment for International Peace. 2005 // URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wpjrx>

5 *Amin M.* Foreign Policy of Pakistan: "Zulfiqar Ali Bhutto's Era". Research Mosaic, 2021. № 1 (1). P. 36-49.

6 *Hilali A.Z.* US-Pakistan Relationship: Soviet Invasion of Afghanistan. Taylor & Francis, 2017.

7 *Iqbal A.* Pakistan-Russia Relations: Future Prospects. Spotlight on Regional Affairs, 2021. 39 p.

In 2012, President Vladimir Putin planned to visit Pakistan to attend a quadrilateral summit of Pakistan, Russia, Tajikistan, and Afghanistan to discuss the situation in Afghanistan. However, the visit was canceled, with the official explanation citing technical issues related to the summit. Some analysts, however, attributed the cancellation to pressure from then-Indian Prime Minister Manmohan Singh⁸. This event reflects two persistent themes in Pakistani-Russian relations: shared regional interests, particularly regarding Afghanistan and Central Asia, and the influence of Indian hostility as a limiting factor. Beyond bilateral relations, Pakistan and Russia have cooperated within international organizations. Pakistan has supported Russia's observer status at the United Nations. Russia has reciprocally facilitated Pakistan's granting of observer status in the SCO⁹.

Russia has also expressed interest in regional energy projects, such as the Turkmenistan-Afghanistan-Pakistan-India (TAPI) and Iran-Pakistan-India (IPI) gas pipelines. Pakistan's formal admission as a full member of the SCO in 2017 marked a significant milestone in their relations, making it the only regional organization in which both Pakistan and Russia are permanent members. However, potential obstacles remain that could hinder the advancement of their relations. Both countries harbor grievances that hinder the deepening of their cooperation. This research aims to identify the driving forces behind the foreign policies of these states, examining the conditions under which their relations improve or deteriorate. The role of global powers, particularly the United States, is crucial, as Pakistan-Russia relations have implications for US strategic interests¹⁰. Similarly, the roles of India and Afghanistan have always been influential and deserve further exploration. Moreover, the ongoing conflict between Russia and Ukraine presents another major challenge, with Western countries pressuring South Asian states, including Pakistan, to limit their engagement with Russia¹¹.

Pakistan's membership in the SCO nevertheless marks a significant milestone in its relations with Russia. China, a close ally of Pakistan, is also a member of the SCO, positioning the organization as a platform for regional cooperation and connectivity. For Russia, the SCO underscores Pakistan's strategic importance as a regional partner, particularly given Moscow's interests in the

⁸ Hanif M. Pakistan-Russia Relations: Progress, prospects, and constraints. *IPRI Journal*, 2013. № 13 (2). P. 63-86.

⁹ Razil G. Russia and the Islamic World: Youth Cooperation. *Russia and the Moslem world*, 2022. № 4 (318). P. 124-134.

¹⁰ Ahmad M., Hashmi R.S. Pakistan Foreign Policy Choices in Post 9/11 Period: Options and Challenges. *Journal of the Research Society of Pakistan*, 2021. № 58 (3). 126 p.

¹¹ Shah S.N.A., Majeed G., Ali R.A., Hussain T. Russia-Ukraine crisis and its impact on South Asia. *Review of Applied Management and Social Sciences*, 2022. № 5 (2). P. 141-148.

Central Asian Republics (CARs) and regional integration¹².

Although a wealth of academic work exists on the SCO, few studies have specifically examined bilateral relations from the perspective of joint membership in this multilateral organization. Although the SCO represents the only regional platform shared by Pakistan and Russia, research examining the opportunities and challenges of their relationship within this institution remains limited. This study aims to fill this gap by analyzing the evolution of Pakistani-Russian relations in the context of their joint membership in the SCO, highlighting both the potential and the challenges that this dynamic presents.

Establishment of the Shanghai Cooperation Organization (SCO)

The SCO is currently the world's largest and most populous regional co-operation organization, comprising countries representing over 40% of the world's population and over 20% of global GDP. The SCO emerged from the shared aspiration of the former Soviet states and China to establish a platform for regional collaboration, which initially led to the formation of the "Shanghai Five" in 1996¹³. Although the group initially focused on resolving border disputes, its mandate expanded significantly with the inclusion of Uzbekistan, eventually becoming the SCO in 2001¹⁴. The 2002 SCO Charter defines its objectives, including promoting regional cooperation in areas such as security, economy, and culture, while adhering to the principles of the "Shanghai Spirit," a framework emphasizing mutual trust, mutual benefit, equality, consultation, and respect for cultural diversity¹⁵.

Although Russia has been a founding member of the SCO since its inception, Pakistan's membership was formally approved in 2015. The SCO is the only regional international organization in which both Pakistan and Russia are permanent members, underscoring its importance to bilateral relations. Russia's approval of Pakistan's membership in the SCO marks a significant turning point in their relations, highlighting shared interests and the potential for enhanced cooperation in various fields. These factors, among others, will be discussed in the following sections.

12 Skalamera M. Russia's Lasting Influence in Central Asia. *Survival*. 2023. № 59 (6). P. 123-142.

13 Bailes A.J., Dunay P., Guang P., Troitskiy M. *The Shanghai Cooperation Organization*, 17. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute. 2007.

14 Jia Q.G. The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multi-lateral Leadership. In I. Akihiro (Ed.), *Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern Edge*, 2007. P. 113-123.

15 Xue Y., Makenko B.M. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. *Open Journal of Social Sciences*, 2021. № 9 (10). P. 184-200.

Prospects and scenarios of Pakistan-Russia relations in the framework of the SCO

First favorable prospect of Pakistan and Russia's joint membership in the SCO lies in cultural exchanges. Historically, no precedent or aspect of Russian culture precludes the possibility of cultural exchange programs with South Asian states. Russia has a long tradition of successful cultural exchange programs with India¹⁶. While such programs have flourished in India, the potential for similar initiatives is significant in Pakistan. Russia's large Muslim population, comprised of immigrants and native citizens, presents another opportunity for cultural exchange. Muslim communities in Russia maintain strong cultural and religious practices, including the establishment of mosques and observance of traditional customs such as the hijama, as well as the organization of religious institutions¹⁷. With over 13 million Muslims in Russia sharing cultural and religious affinities with Pakistan, the potential for collaboration in the cultural, religious, and societal spheres is considerable¹⁸.

The SCO provides a platform to discuss the specifics of these programs and facilitate their implementation. Potential initiatives include tourism development, academic exchanges, and scholarship programs. A concrete step in this direction was taken when the Russian Ambassador to Pakistan and the Pakistani Federal Minister of National Heritage and Culture agreed to launch cultural exchange programs and foster cooperation on cultural heritage¹⁹.

The historical precedents of cultural cooperation between Pakistan and Russia further strengthen this prospect. For example, the Soviet magazine *Tulu*, published in Karachi until 1982, and the large influx of Soviet tourists to Pakistani cities like Karachi before the 1980s attest to earlier people-to-people engagement. Although the dynamics of the Cold War disrupted these exchanges, there is now potential for revival. The presence of Pakistani students at more than a dozen Russian universities and the establishment of an Urdu faculty at Moscow State University mark steps in the right direction²⁰.

16 *Chaliha F.Y.* Russia's Interest in Pakistan and its Implications on India. *The Journal of Contemporary Issues in Business and Government*, 2021. № 27(1). P. 3292-3300.

17 *Turaeva R.* Muslim Orders in Russia: Trade Networks and Hijama Healing. *Nationalities Papers*, 2020. № 48 (4). P. 661-674.

18 *Hunter S.* Islam in Russia: The Politics of Identity and Security: The Politics of Identity and Security. Routledge, 2016.

19 Associated Press of Pakistan. Pakistan & Russia agree to strengthen cultural ties. 2023. // URL: <https://www.app.com.pk/domestic/pakistan-russia-agree-to-strengthen-cultural-ties>

20 *Hussain N., Fatima Q.* Pak-Russian Relations: Historical Legacies and New Beginnings. *Central Asia*, 2015. № 72 (6).

Security and defence collaboration within the SCO context

One of the main objectives of the SCO is to foster security cooperation, and historical examples of Pakistan-Russia defense collaboration provide the foundation for future development. The US withdrawal from Afghanistan, particularly following the NATO withdrawal in 2014, coincided with a new agreement between Pakistan and Russia to strengthen their defense ties. This led to the signing of a Defense Cooperation Agreement (DCA) in 2014²¹. Subsequent regional realities, including the complete US withdrawal and instability in Afghanistan, have raised mutual concerns for Pakistan and Russia, providing new opportunities for defense cooperation. High-level exchanges between Pakistan and Russia reached a significant milestone in 2018, with the visit to Russia of the Pakistani Chief of Army Staff, the Vice Chief of Naval Staff, and the Chairman of the Joint Chiefs of Staff Committee. That same year, the establishment of the Pakistani-Russian Joint Military Consultative Committee (JMC) marked a significant institutional milestone. Chaired by the Russian Deputy Minister of Defense and the Pakistani Secretary of Defense, the JMC has since held multiple direct meetings²².

The most notable example of military cooperation between Pakistan and Russia is the joint Druzhba or “Friendship” military exercise, conducted annually since 2016. Despite objections from India and pressure on Russia to withdraw from these exercises due to Pakistan’s alleged involvement in Indian security affairs, collaboration has persisted, with six exercises held through 2021. Moreover, in 2022, Pakistan agreed, along with other SCO member states, to take concrete steps against terrorism originating from Afghanistan, underscoring their mutual concerns regarding regional security threats²³.

The SCO also provides institutional opportunities for defense cooperation through its annual Defense Ministers’ Meeting. Pakistan’s decision to participate virtually in the 2023 session, hosted by India, rather than withdrawing entirely, underscores the importance of these meetings. These encounters have allowed Pakistani and Russian defense ministers to engage in dialogue on the sidelines and explore avenues for future cooperation. There is also a Regional Anti-Terrorism Structure (RATS) within the SCO, which is essential for both Pakistan and Russia and raises common concerns, within the SCO framework, there is an opportunity to advance Pakistani-Russian security and defense

21 Qazi R.R.K., Bashir S. Strategic Engagement as Means of Conflict Prevention: Pakistan’s Defence Diplomacy towards Russia. *Central Asia*, 90 (Summer), 2022. P. 1-18.

22 Sadiqa G., İspir A.Y. Comparative analysis of counter-terrorism efforts of NATO and the Shanghai Cooperation Organization. *Information & Security*, 2021. № 48. P. 1-20.

23 Rauf S., Tariq M. The Bilateral Engagement of India and Pakistan at Shanghai Cooperation Organization: Prospects and Challenges. *NUST Journal of International Peace & Stability*, 2023. № 7 (1). P. 20-33.

ties, which have remained underdeveloped due to the Indo-Russian strategic relationship and Indo-Pakistani hostility²⁴. The SCO could also significantly contribute to developing Pakistan's counterterrorism capabilities, primarily through its Regional Anti-Terrorism Structure (RATS). Although Pakistan has signed bilateral counterterrorism cooperation agreements with some SCO member states, the RATS could help institutionalize this cooperation comprehensively and on a larger scale. Security cooperation between Pakistan and Russia is therefore possible. It is important to note that some political analysts have compared the SCO to the Warsaw Pact and predict that it would become a counterweight to the North Atlantic Treaty Organization (NATO)²⁵.

Although the SCO is a multilateral platform, opportunities exist to strengthen bilateral ties. Heads of state of member states frequently hold and attend SCO sessions. Opportunities for individual meetings and discussions on bilateral relations are offered on the sidelines of these sessions. Similar opportunities also exist at multilateral meetings at other levels. For example, the SCO hosts an annual meeting of defense ministers, during which the defense ministers of the two countries can meet on the sidelines during this event, Pakistan and Russia took advantage of multilateral forums to improve their bilateral relations, notably during the meeting between the Pakistani Prime Minister and the Russian President on the sidelines of the SCO session in 2022. Scholars agree that Pakistan's membership in the SCO has enabled the two countries to engage in high-level dialogue, thus fostering the improvement of their bilateral relations²⁶. Furthermore, researchers are keen to emphasize Pakistan's importance to Russia and its regional and global ambitions. One of Russia's regional objectives is to become a major and stable power in the greater Eurasian region. Furthermore, China's proximity to Pakistan is not lost on Russia and is a key factor in Russia's current interest in Pakistan²⁷.

Pakistan is a developing country, the sixth most populous in the world. Due to a lack of capacity and growing needs, it is desperately seeking partners for energy projects. One of the key features of the billion-dollar China-Pakistan Economic Corridor is its energy production offerings to Pakistan²⁸. Russia has

24 Zeb R. Pakistan and the Shanghai Cooperation Organization. In *China and Eurasia Forum Quarterly*, 2006. № 4 (4). P. 51-60.

25 De Haas M., van der Putten F.P. Towards a Full-Grown Security Alliance. The Shanghai Cooperation Organisation. 2007. // URL: https://www.academia.edu/download/35347742/The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Towards_a_full-grown_security_alliance.pdf

26 Dedov A. Y. Russia's Stabilizing Role in South Asia. *Pakistan Horizon*, 2019. № 72 (1). P. 1-9.

27 Efremenko D. V. Transformation of the Role of the Shanghai Cooperation Organization in Central Eurasia and South Asia. *Pakistan Horizon*, 2019. № 72 (3). P. 11-23.

28 McCartney M. *The Dragon from the Mountains: The China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) from Kashgar to Gwadar*. Cambridge University Press. 2022.

abundant natural resources that can help bridge the gap between Pakistan's energy production and its needs. With the Special Military Operation, sanctions, and Western states' disinterest in relations with Russia, Pakistan and Russia still have room to grow in their energy cooperation, as Pakistan could obtain more favorable prices from Russia, while Russia has fewer options to negotiate with it. One of the flagship projects of Pakistan-Russia energy cooperation is the Pak Stream Natural Gas Pipeline (PSGP), a 1,100-kilometer liquefied natural gas (LNG) pipeline from Karachi and Gwadar to Lahore. The initial agreement for this project was reached in 2015, the same year Pakistan officially joined the SCO, while the details of the current agreement were finalized in 2021. Despite logistical, technical, and international challenges delaying its implementation, Pakistan's urgent energy needs and European concerns about its overreliance on Russian gas create a favorable environment for the initiative to move forward. Although the project is not a direct result of the SCO, the organization's platform could help overcome obstacles hindering its implementation. It is worth noting that the project's conception and progress coincide with Pakistan's accession to the SCO, highlighting its significance as the most significant energy cooperation agreement between Pakistan and Russia since the Soviet Union's involvement in the 1970s²⁹.

Pak-Russia Common Interest in Central Asia

Pakistan and Russia also share common interests in Central Asia, which are of strategic and economic importance. Russian policy towards the Central Asian Republics (CARs) systematically aims to maintain close ties with these states, which are geographically close to Pakistan. Previously, only the 20-kilometer-wide Wakhan Corridor in Afghanistan separated Pakistan from direct access to these republics. Central Asia is rich in energy resources, and Pakistan's growing engagement with these states could benefit from Russian facilitation³⁰.

Russia's interest in strengthening ties between Pakistan and the CARs is driven by a dual objective: maintaining regional stability and promoting its ambitions for Eurasian integration. These republics represent vital opportunities for Pakistan to establish energy and trade partnerships. Moreover, Pakistan can provide the CARs have access to the Indian Ocean, providing a vital trade route through their infrastructure projects, notably the China-Pakistan Economic

29 Chia C., Haiqi Z. Russia-Pakistan Economic Relations: Energy partnership and the China factor. *Journal of Eurasian Studies*, 2021. № 4 (4). P. 20-36.

30 Galimov R. The Pakistan Factor in South Asia and Central Asia Relations. *The American Journal of Political Science Law and Criminology*, 2024. № 6 (2). P. 20-24.

Corridor (CPEC). As a potential CPEC partner, Russia could play a crucial role in facilitating Pakistan's integration into Central Asia via the SCO platform³¹.

Russia's aspirations to remain a major player in a multipolar world order and its objective of maintaining its influence in Central Asia position Pakistan as an important regional partner. By aligning its strategic ambitions with Pakistan's geographical and infrastructural advantages, Russia strengthens its prospects for regional integration and stability³².

Since its inception, Pakistan has maintained cordial ties with China, a relationship that persisted even during the Sino-Soviet split during the Cold War. In recent years, Pakistan's alignment with China has strengthened, particularly in the context of the US withdrawal from Afghanistan and the strengthening of the US-India strategic partnership. This rapprochement is part of China's broader objective of regional integration, exemplified by its ambitious "One Belt, One Road" (OBOR) program. OBOR aims to connect Europe to Asia through vast infrastructure projects, trade routes, and economic zones inspired by the historic Silk Road. OBOR's flagship project, the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC), envisions billions of dollars of infrastructure investment in Pakistan, culminating in the establishment of special economic zones (SEZs). Many analysts view CPEC as a transformative project for Pakistan's economy and infrastructure development.

Russia shares interests with Pakistan and move toward Global South with Geopolitical context

Faced with growing criticism and resistance from the North regarding its actions in Ukraine, Russia is increasingly seeking to expand its diplomatic influence in the South. At the same time, Pakistan faces numerous crises, including energy shortages and food insecurity, which limit its ability to explore emerging global opportunities³³. However, Pakistan's strategic importance is not the only factor motivating Russia to strengthen its ties. In 2016, Russian President Vladimir Putin announced the Greater Eurasian Partnership, a plan to integrate the Eurasian Economic Union (EAEU) with countries such as Pakistan, India, Iran, China, and the Commonwealth states³⁴.

31 Fayyaz S. Pakistan, the Shanghai Cooperation Organization, and Central Asia: Prospects for Peace and Stability. *Pakistan Horizon*, 2023. № 76 (2). P. 17-38.

32 Federov Y. Russia: 'New' Inconsistent Nuclear Thinking and Policy. In Alagappa, M. (Ed.). *The Long Shadow: Nuclear Weapons and Security in 21st-Century Asia*. Oxford University Press, New Delhi. 2009.

33 Konwer S. Russia-Pakistan Relations and the 'China Factor' – Implications for India. *Strategic Analysis*, 2023. № 47 (4). P. 349-362. // URL: <https://doi.org/10.1080/09700161.2023.2288980>

34 Chia C., Haiqi Z. Russia-Pakistan Economic Relations: Energy partnership and the China factor. *Journal of Eurasian Studies*, 2021. № 4 (4). P. 20-36.

Scholars argue that Russia is considering a future merger of the EAEU with China's OBOR initiative, reflecting its alignment with China's vision of regional economic integration. As a member of OBOR, Russia has demonstrated its support for the initiative and recognizes its potential to improve connectivity and economic cooperation³⁵.

General tensions between Russia and China, as well as with the US-led Western bloc, underscore the need for closer cooperation in the broader geopolitical landscape. Their close collaboration within the SCO further strengthens this alliance. Given Pakistan's strategic partnership with China, Russia has shown increasing interest in developing positive relations with Islamabad. Pakistan's historical role in the US's opening to China in the 1970s demonstrates its potential as a bridge between Russia and China in the Eurasian region. Pakistan's joint membership in the SCO with China and Russia, as well as its ability to link the BRI to Russia through CPEC, further solidifies its central role in fostering this trilateral partnership. By leveraging its geographical and strategic position, Pakistan enjoys significant economic and geopolitical advantages while contributing to broader Eurasian integration and cooperation³⁶.

SCO and Obstacles to Pakistani-Russian Relations

The two South Asian members of the SCO Pakistan and India remain mired in deep sociopolitical animosity. This hostility has already hampered the progress and effectiveness of the South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC). Despite their membership in the SCO, the SCO does not offer direct solutions to bilateral disputes; its action remains multilateral. On the contrary, the persistent hostility between India and Pakistan undermines Pakistan's progress within the SCO and complicates the improvement of Pakistani-Russian relations. For example, both countries initially attempted to block each other's accession to the SCO³⁷.

The Role of the United States

Pakistan-Russia relations pose one of the challenges. Historically, Pakistan has been a key ally of the United States, joining military alliances during the Cold War and participating in the War on Terror. However, US-Pakistan re-

35 Lesmana N., Dharmaputra R. Analysis of Russian Policy on China's One Belt, One Road (OBOR) through National Identity. 2022. // URL: <https://www.scitepress.org/Papers/2018/102801/102801.pdf>

36 Khan J., Sultana R. Sino-Russia Strategic Partnership: The Case Study of Shanghai Cooperation Organization (SCO). FWU Journal of Social Sciences, 2021. № 15 (2). P. 1-19.

37 Mughal F.A. Pakistan's Membership in Shanghai Cooperation Organisation: Opportunities and Challenges. Journal of the Research Society of Pakistan, 2021. № 58 (2). 16 p.

lations are largely transactional, marked by oscillating patterns of cooperation and estrangement³⁸. At the same time, the United States is a traditional rival of Russia, and recent advances in Pakistan-Russia relations coincide with the US withdrawal from Afghanistan and a decline in US-Pakistan relations³⁹. Scholars have identified trends in Pakistan's foreign policy, suggesting that its relations with Russia often improve during times of tension with the United States. For example, Pakistan moved closer to Russia in the mid-1960s after being disappointed by American support during the 1965 war, only to return to the United States with renewed aid commitments in the late 1960s. Russia is aware of this development and remains cautious about Pakistan's ability to maintain an independent foreign policy. Confidence-building measures will be essential for Pakistan to assure Russia of its commitment to constructive dialogue within the SCO framework, regardless of US opposition⁴⁰.

The ongoing Special Military Operation in Ukraine has further strained US-Russian relations, with the United States likely pressuring Pakistan to limit its relations with Russia. A widely discussed case occurred in 2022, former Pakistani Prime Minister Imran Khan claimed that the United States opposed his administration's efforts to improve relations with Russia, thus contributing to his removal from office. Whether these allegations are true or not, they highlight the geopolitical complexity of Pakistan's balancing act between Russia and the United States⁴¹.

Indo-Pakistan Rivalry and Its Implications for Russo-Pakistan Relations

As major South Asian countries, India and Pakistan in particular face numerous challenges due to their strained bilateral relations. As a result, terrorism, cross-border clashes, socio-political discord, territorial disputes, human rights violations, and instability are commonplace in South Asia. Due to the deep antagonism between the two nations, the cumulative human cost of the military conflict has become very high over the years. After the partition of the subcontinent, Indo-Pakistani influence remained predominant in the regional and national political context. The main causes of the deterioration in bilateral relations are, first, the conflicting philosophies of the

38 Kasuri K.M. *Neither a Hawk nor a Dove: An Insider's Account of Pakistan's Foreign Policy*. Penguin, UK. 2015.

39 Akhtar R. *Pakistan-US Relations: Is Past the Prologue?* In *Pakistan's Foreign Policy*, 159-180. Routledge. 2022.

40 Smith P.J. *The China-Pakistan-United States Strategic Triangle: From Cold War to the "War on Terrorism"*. *Asian Affairs: An American Review*, 2011. № 38 (4). P. 197-220.

41 Malik M.A. *The Russian-Ukraine War Reverberating Across World Regions*. *Graduate Journal of Pakistan Review (GJPR)*, 2024. № 4 (1). P. 35-46.

majority populations of the two nations; second, the division of the sub-continent against the will of the Hindu people, which generated political and religious conflict between two newly formed republics. Finally, the unresolved territorial issue of Kashmir is the most essential and fundamental source of friction between the two nations. Scholars argue that Pakistan's growing influence within the SCO, combined with its strategic partnership with China, poses a challenge to Indian interests. Therefore, India will likely resort to diplomatic and strategic measures to counter Pakistan's influence within the organization⁴².

The most significant manifestation of Indian hostility lies in its potential impact on Russia-Pakistan relations. Given its long-standing strategic partnership with Russia, India has in the past sought to undermine the improvement of Russia-Pakistan relations. A notable example occurred in the aftermath of the 2019 Pulwama attacks, when India unsuccessfully pressured Russia to withdraw from joint military exercises with Pakistan⁴³. Recently India also has the problem to the membership of Pakistan into the BRICS. Therefore, improving Russia-Pakistan relations will require careful management of Indian efforts to disrupt progress.

Internal security challenges and regional instabilities in a broader geopolitical context

Pakistan's domestic security situation poses another challenge to its relations with Russia and its progress within the SCO. The SCO's Regional Anti-Terrorism Structure (RATS) defines terrorism, separatism, and religious extremism as major threats⁴⁴. The upsurge in terrorist activities in Pakistan following the Taliban's return to power in Afghanistan, combined with attacks on Chinese nationals and infrastructure projects in Pakistan, could deter Russia from engaging in large-scale collaborations. These security concerns are delaying Chinese projects such as the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) and risk undermining Pakistan's credibility as a reliable partner within the SCO. Furthermore, Pakistan's reputation has suffered from allegations of harboring terrorist networks, exacerbated by India's efforts to portray Pakistan as a state sponsor of terrorism. Pakistan risks creating a trust deficit with potential partners such as Russia if it does not address

42 Abbasi S.N., Hayat U., Nasir S. The Rising Troika of China, Russia, and Pakistan: Challenges for India. *International Review of Social Sciences*, 2020. № 8 (12). P. 288-296.

43 Ahmed A., Rasool G. Pakistan-Russia Military Cooperation: Challenges and Opportunities. *International Journal of Contemporary Issues in Social Sciences*, 2023. № 2 (4). P. 70-80.

44 Sadi G., İspir A.Y. Comparative analysis of counter-terrorism efforts of NATO and the Shanghai Cooperation Organization. *Information & Security*, 2021. № 48. P. 1-20.

these arguments and improve its internal security situation⁴⁵.

Regional instability, particularly in Afghanistan, further complicates Pakistani-Russian relations. Afghanistan's neighbors, with the exception of Turkmenistan, are members of the SCO, making regional stability a shared priority. Scholars argue that the SCO can potentially play a constructive role in resolving the Afghan crisis. However, Pakistan faces the challenge of reconciling its historical ties with the Taliban regime and regional apprehensions about terrorism emanating from Afghanistan. Failure to manage this balance could jeopardize Pakistan's position within the SCO and its relations with Russia. The ongoing Special Military Operation in Ukraine also poses significant challenges. While the Special Military Operation remains stalemated, Western sanctions have severely impacted Russia's economic capabilities. These sanctions call into question Russia's ability to realize its regional integration ambitions, including its participation in projects requiring substantial financial investments, such as the CPEC. Moreover, Pakistan is under intense Western pressure to limit its engagement with Russia and align itself with the US-led bloc. These factors threaten recent progress in Pakistani-Russian relations and underscore the need for strategic diplomacy to maintain momentum within the SCO⁴⁶.

Conclusion

This research examines the evolution of Pakistan-Russia relations since Pakistan's accession to the SCO in 2017. It highlights areas in which Pakistan and Russia have directly improved their bilateral relations through the SCO, as well as areas with untapped potential for improvement. Furthermore, the study explores the various obstacles and challenges that have hindered, or could hinder, any significant progress in Pakistan-Russia relations within the SCO. It concludes that, despite the existing difficulties, the opportunities and potential for strengthening Pakistan-Russia relations following Pakistan's accession to the SCO far outweigh these obstacles. Moreover, the challenges are not insurmountable but can be mitigated through prudent strategies and diplomatic acumen. For example, the Indian factor, which poses a significant challenge to Pakistan-Russia relations, can be addressed in several ways. History shows that Russia has demonstrated its willingness to improve relations with Pakistan despite Indian pressure, as evidenced by the ongo-

45 Nadeem M.A., Mustafa G., Kakar A. Fifth Generation Warfare and its Challenges to Pakistan. *Pakistan Journal of International Affairs*, 2021. № 4 (1).

46 Akhtar M.N., Javai F. The Role of the Shanghai Cooperation Organization in the Afghan Crisis. *Dealing with Regional Conflicts of Global Importance*, 2024. P. 44-62.

ing joint Russian-Pakistani military exercises. These positive developments have highlighted the current tensions between India and Pakistan. The determining factors for a lasting regional partnership between Pakistan and Russia will likely include Russia's ability to balance its relations with India and Pakistan's ability to maintain an independent foreign policy toward Russia, despite external pressure from the United States. A shared commitment to collaboration and strategically effective platforms like the SCO, Pakistan, and Russia can overcome these challenges and forge a stronger, more cooperative regional partnership.

Список литературы / Bibliography

1. Khan H.U.R. Pakistan's Relations with the USSR. Pakistan Horizon, 1961. № 14 (1). P. 33-55.
2. Iqbal A. Pakistan-Russia Relations: Future Prospects. Spotlight on Regional Affairs, 2021. 39 p.
3. Sattar A. Pakistan's Foreign Policy 1947-2009: A Concise History. Oxford University Press. 2010 // URL: <https://invent.ilmkidunya.com/images/Section/foreign-policy-of-pakistan-current-affairs-book.pdf>
4. Haqqani H. Pakistan: Between Mosque and Military. Carnegie Endowment for International Peace. 2005 // URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctt6wpjrx>
5. Amin M. Foreign Policy of Pakistan: "Zulfiqar Ali Bhutto's Era". Research Mosaic, 2021. № 1 (1). P. 36-49.
6. Hilali A.Z. US-Pakistan Relationship: Soviet Invasion of Afghanistan. Taylor & Francis, 2017.
7. Iqbal A. Pakistan-Russia Relations: Future Prospects. Spotlight on Regional Affairs, 2021. 39 p.
8. Hanif M. Pakistan-Russia Relations: Progress, prospects, and constraints. IPRI Journal, 2013. № 13 (2). P. 63-86.
9. Razil G. Russia and the Islamic World: Youth Cooperation. Russia and the Moslem world, 2022. № 4 (318). P. 124-134.
10. Ahmad M., Hashmi R.S. Pakistan Foreign Policy Choices in Post 9/11 Period: Options and Challenges. Journal of the Research Society of Pakistan, 2021. № 58 (3). 126 p.
11. Shah S.N.A., Majeed G., Ali R.A., Hussain T. Russia-Ukraine crisis and its impact on South Asia. Review of Applied Management and Social Sciences, 2022. № 5 (2). P. 141-148.
12. Skalamera M. Russia's Lasting Influence in Central Asia. Survival. 2023. № 59 (6). P. 123-142.
13. Bailes A.J., Dunay P., Guang P., Troitskiy M. The Shanghai Cooperation Organization, 17. Stockholm: Stockholm International Peace Research Institute. 2007.
14. Jia Q.G. The Shanghai Cooperation Organization: China's Experiment in Multi-lateral Leadership. In I. Akihiro (Ed.), Eager Eyes Fixed on Eurasia: Russia and Its Eastern Edge, 2007. P. 113-123.
15. Xue Y., Makengo B.M. Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects. Open Journal of Social Sciences, 2021. № 9 (10). P. 184-200.
16. Chaliha F.Y. Russia's Interest in Pakistan and its Implications on India. The Journal of Contemporary Issues in Business and Government, 2021. № 27(1). P. 3292-3300.
17. Turaeva R. Muslim Orders in Russia: Trade Networks and Hijama Healing. Nationalities Papers, 2020. № 48 (4). P. 661-674.
18. Hunter S. Islam in Russia: The Politics of Identity and Security: The Politics of Identity and Security. Routledge. 2016.
19. Associated Press of Pakistan. Pakistan & Russia agree to strengthen cultural ties. 2023. // URL: <https://www.app.com.pk/domestic/pakistan-russia-agree-to-strengthen-cultural-ties>
20. Hussain N., Fatima Q. Pak-Russian Relations: Historical Legacies and New Beginnings. Central Asia, 2015. № 72 (6).
21. Qazi R.R.K., Bashir S. Strategic Engagement as Means of Conflict Prevention: Pakistan's Defence Diplomacy towards Russia. Central Asia, 90 (Summer), 2022. P. 1-18.
22. Sadiqa G., Ispir A.Y. Comparative analysis of counter-terrorism efforts of NATO and the Shanghai Cooperation Organization. Information & Security, 2021. № 48. P. 1-20.
23. Rauf S., Tariq M. The Bilateral Engagement of India and Pakistan at Shanghai Cooperation Organization: Prospects and Challenges. NUST Journal of International Peace & Stability, 2023. № 7 (1). P. 20-33.
24. Zeb R. (2006). Pakistan and the Shanghai Cooperation Organization. In China and Eurasia Forum Quarterly, № 4 (4). P. 51-60.
25. De Haas M., van der Putten F.P. Towards a Full-Grown Security Alliance. The Shanghai Cooperation Organisa-

- tion. 2007. // URL: https://www.academia.edu/download/35347742/The_Shanghai_Cooperation_Organisation_Towards_a_full-grown_security_alliance.pdf
26. Dedov A.Y. Russia's Stabilizing Role in South Asia. *Pakistan Horizon*, 2019. № 72 (1). P. 1-9.
27. Efremenko D.V. Transformation of the Role of the Shanghai Cooperation Organization in Central Eurasia and South Asia. *Pakistan Horizon*, 2019. № 72 (3). P. 11-23.
28. McCartney M. *The Dragon from the Mountains: The China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) from Kashgar to Gwadar*. Cambridge University Press. 2022.
29. Chia C., Haiqi Z. Russia-Pakistan Economic Relations: Energy partnership and the China factor. *Journal of Eurasian Studies*, 2021. № 4 (4). P. 20-36.
30. Galimov R. The Pakistan Factor in South Asia and Central Asia Relations. *The American Journal of Political Science Law and Criminology*, 2024. № 6 (2). P. 20-24.
31. Fayyaz S. Pakistan, the Shanghai Cooperation Organization, and Central Asia: Prospects for Peace and Stability. *Pakistan Horizon*, 2023. № 76 (2). P. 17-38.
32. Federov Y. Russia: 'New' Inconsistent Nuclear Thinking and Policy. In Alagappa, M. (Ed.). *The Long Shadow: Nuclear Weapons and Security in 21st-Century Asia*. Oxford University Press, New Delhi. 2009.
33. Konwer S. Russia-Pakistan Relations and the 'China Factor' – Implications for India. *Strategic Analysis*, 2023. № 47 (4). P. 349-362. // URL: <https://doi.org/10.1080/09700161.2023.2288980>
34. Chia C., Haiqi Z. Russia-Pakistan Economic Relations: Energy partnership and the China factor. *Journal of Eurasian Studies*, 2021. № 4 (4). P. 20-36.
35. Lesmana N., Dharmaputra R. Analysis of Russian Policy on China's One Belt, One Road (OBOR) through National Identity. 2022. // URL: <https://www.scitepress.org/Papers/2018/102801/102801.pdf>
36. Khan J., Sultana R. Sino-Russia Strategic Partnership: The Case Study of Shanghai Cooperation Organization (SCO). *FWU Journal of Social Sciences*, 2021. № 15 (2). P. 1-19.
37. Mughal F.A. Pakistan's Membership in Shanghai Cooperation Organisation: Opportunities and Challenges. *Journal of the Research Society of Pakistan*, 2021. № 58 (2). 16 p.
38. Kasuri K.M. *Neither a Hawk nor a Dove: An Insider's Account of Pakistan's Foreign Policy*. Penguin, UK. 2015.
39. Akhtar R. Pakistan-US Relations: Is Past the Prologue? In *Pakistan's Foreign Policy*, 159-180. Routledge. 2022.
40. Smith P.J. The China-Pakistan-United States Strategic Triangle: From Cold War to the "War on Terrorism". *Asian Affairs: An American Review*, 2011. № 38 (4). P. 197-220.
41. Malik M.A. The Russian-Ukraine War Reverberating Across World Regions. *Graduate Journal of Pakistan Review (GJPR)*, 2024. № 4 (1). P. 35-46.
42. Abbasi S.N., Hayat U., Nasir S. The Rising Troika of China, Russia, and Pakistan: Challenges for India. *International Review of Social Sciences*, 2020. № 8 (12). P. 288-296.
43. Ahmed A., Rasool G. Pakistan-Russia Military Cooperation: Challenges and Opportunities. *International Journal of Contemporary Issues in Social Sciences*, 2023. № 2 (4). P. 70-80.
44. Sadı G., İspir A.Y. Comparative analysis of counter-terrorism efforts of NATO and the Shanghai Cooperation Organization. *Information & Security*, 2021. № 48. P. 1-20.
45. Nadeem M.A., Mustafa G., Kakar A. Fifth Generation Warfare and its Challenges to Pakistan. *Pakistan Journal of International Affairs*, 2021. № 4 (1).
46. Akhtar M.N., Javai F. The Role of the Shanghai Cooperation Organization in the Afghan Crisis. *Dealing with Regional Conflicts of Global Importance*, 2024. P. 44-62.
47. Рябова Е.Л., Терновая Л.О. Традиционные ценности народов Большой Евразии и современный мир // *Культура мира*. 2024. Том 12. Выпуск 4. (№ 39). С. 120-128.

Герасимов В.М.

Доктор психологических наук.

Стельмак Е.В.

*Магистр. Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Философия геополитики: конкурирующие нарративы треугольника Китай – Тайвань – США

Начало становления философского дискурса геополитических знаний, фиксируемое в древних письменных источниках, находится в глубине тысячелетней истории политической деятельности государств и мировых цивилизаций. По аналогии с логикой Х. Уайта, резюмировавшего проблему соотношения истории и философии истории, можно утверждать, что не может быть геополитики, которая не была бы в то же время философией геополитики [32].

Философская рефлексия как основа геополитических знаний в парадигме конкурирующих нарративов с древнейших времен связана с потребностью в объективном познании сущности геополитической власти, законов мира геополитики, взаимосвязи геополитического пространства и времени, диалектики геополитических процессов. В философии геополитики закон отрицания отрицания находит свое выражение в рождении и гибели цивилизаций, закон единства и борьбы противоположностей — в конкурирующих нарративах, рациональной и иррациональной оценке геополитических мотивах, событий и процессов [15].

Иррациональный лейтмотив философии геополитики первой четверти XXI века, зафиксированный в нарративах предрекаемого С. Хантингтоном столкновения двух мировых цивилизаций, «войны и распада мирового порядка» [44], а также апокалипсиса ядерной зимы К. Сагана (США), В. Александрова (СССР) и создателя водородной бомбы Эдварда Теллера [30], в том числе экстраполируется на треугольник Китай – Тайвань – США. В нарративах Тайваньской дилеммы сталкиваются противоположные по своей сути мировоззрения: западной, или атлантической (Северная Америка и Западная Европа) и конфуцианской (китайской)

цивилизаций, фактически равных по силе и экономической мощи, но с разными ценностями, праксиологией, культурой, национальным самосознанием, исторической памятью и, соответственно, геополитическими императивами.

Философская рефлексия геополитических процессов

XXI век сделал философию геополитики важнейшей областью философского знания. Без нее установление закономерностей прошлых, современных и будущих геополитических процессов, их смыслов не фальсифицируемо. Философия геополитики XXI века — это критическое переосмысление старых и новых вызовов, возникающих в эпоху уходящей однополярности, смены старых геополитических моделей на новые с опорой на технологии big data и искусственного интеллекта.

Философия геополитики решает задачи совершенствования познания, понимания, интерпретации, объяснения и прогнозирования трендов геополитических процессов. Синтез философии науки и геополитики рождает алгоритмы научного познания, опирающиеся на рефлексивный многовековой теоретико-эмпирический материал анализа геополитических процессов с учетом диалектики эволюции и инертности [18, 7]. Опираясь на определение философии (от греч. φιλεῖν – любить, σοφία – мудрость), данное В.С. Степиным, философию геополитики можно определить как «особую форму общественного сознания и познания внешней политики, вырабатывающую систему знаний об основаниях и фундаментальных принципах геополитики, о наиболее общих сущностных характеристиках геополитических процессов и их смыслах» [29].

Философия геополитики выражает «интегральную форму научных знаний об обществе, культуре, истории и человеке» [8], находящих свое выражение в геополитических процессах и отношениях, обусловленных геоинтересами и геоценностями. Современная философия геополитики XXI века, помимо классических исследований [33], обращает внимание на осмысление «природы виртуального геопространства» [14]. Особым предметом философии геополитики является экзистенциальный анализ информационных войн за географическое и виртуальное пространство, «манипуляция общественным сознанием в целях навязывания программируемого информационного образа мира» [36].

В основе философии геополитики лежит императив вторичности политики по отношению к власти, первичному источнику геополитических процессов. Из концептуального нарратива, предложенного М.

Фуко следует, что «власть — это соотношение сил» [41]. Она «автономна и повсеместна» [10].

Особенностью философско-геополитического познания, с одной стороны, является то, что оно «всегда социально детерминировано» [29]. С другой стороны, как отмечает К. Ясперс, ее сущностью и обязанностью являются «поиски истины, а не обладание истиной. Философствовать – значить быть в пути» [41]. И, в-третьих, «философское содержание проблематики geopolitics превышает функциональный уровень конкретики политических реалий» [27].

Философия geopolitics как продукт кроссдисциплинарного синтеза

Философия geopolitics есть результат интеграции (синтеза) концептуальных идей, накопленных за тысячелетия человечеством в разных отраслях знаний. Своим рождением она обязана диалектическому отрицанию многовекового аналитического расчленения целостного исходного предмета кроссдисциплинарным синтезом. Благодаря ему осуществляется философский поиск, нахождение и создание нового внутреннего единства объекта познания geopolitics [26]. Место философии geopolitics в структуре философского знания «может варьироваться от ее рассмотрения в качестве квинтэссенции философии до включения в проблематику других философских дисциплин» [25].

Как особый раздел социальной философии философия geopolitics основана на синтезировании идей философии науки, философии политики, философии международного права, философии социальной психологии, философии истории, философии религии, философии жизни, философии пространства и времени и др.

Из философии науки философия geopolitics черпает методологию и алгоритмы научного подхода. Философия политики задает исследовательский вектор на выявление политических интересов и ценностей как движущих сил geopolitics процессов. Она обращает внимание на причинно-следственные связи, «соотношение объективного и субъективного, случайного и закономерного, сущего и должного, рационального и иррационального» [22], а также на общее и особенное в философских основаниях geopolitics на Востоке и Западе. Философия международного права привносит в философию geopolitics потребность учета «совокупности международно-правовых идей, ценностей и концептуальных принципов. Оценку роли международных организаций в международ-

ном общении, решении глобальных проблем современности» [40].

Философия геополитики нацелена на нахождение ответов на следующие вопросы: Остается ли неизбежным вывод Фукидида (в V в. до н.э.) о том, что «независимые государства могут сохраниться, когда они сильны» [35]? Является ли наиболее значимой в международных отношениях та сила, которая «дисциплинирует акторов, детерминирует только те действия, которые толерантны повестке дня» [39]? Теряется ли общий смысл понимания геополитики в случае рассмотрения ее как набора обособленных конкурирующих нарративов (К. Поппер, К. Ясперс) [23]? Может ли философия геополитики опираться в своих исследованиях на эвристический, аналитический, экзистенциальный и нарративный методы познания и др.

Философия геополитики дискурс поиска смыслов конкурирующих нарративов

Философия геополитики выступает метанаучной методологией научного поиска с помощью нарративов «синтеза различных контекстов опыта» [39]. Философский смысл конкурирующих нарративов заключается в том, что понимание геополитики рождается только в пространстве между конкурирующими интерпретациями нарратива о прошлом, настоящем и будущем.

Из философских идей М. Фуко следует, что, находясь внутри той или иной эпохи, невозможно осознать глобальный смысл геополитики, поскольку он находится вне этой эпохи [36]. В основу нарративной философии геополитики, как и нарративной философии истории, положен принцип отрицания «идеи прямого доступа к реальности прошлого, поскольку историческая реальность может быть дана только уже в проинтерпретированной форме» [2].

Нарративная философия геополитики служит поиску неочевидных связей в случаях, когда пространственная и временная связь между причиной и следствием недоступна включенному наблюдению поколения. При этом, для нарративной философии геополитики, как и для нарративной философии истории, характерен следующий императив: в случае отсутствия объединяющей идеи «ни одна из конкурирующих концепций не может быть признана истинной» [2].

В поисках смысла конкурирующих нарративов в качестве алгоритмов познания философии геополитики может использоваться способ, предложенный немецким логиком и философом Г. Фреге. Согласно его кон-

цепту, «каждое собственное имя имеет значение и смысл. Значение имени – это предмет (номинант), носящий данное имя, а **смысл** имени – это **сведения (информация)**, которые содержатся в имени. Два выражения могут иметь одно и то же значение, но разный смысл, если эти выражения различаются по своему строению (ср. «5» и «3+2»)» [34]. Иллюстрацией данной концепции из области философии могут послужить следующие утверждения: *Нельзя дважды войти в одну и ту же речку* (Гераклит Эфесский 544 – 483 до н.э.) — *Воздвигнуть статую(,) золотую(,) пику держащую* (Квинтилиан 1 в. н.э.). Примерами амфиболий (двусмысленности) являются выражения А.С. Пушкина: «Дубровский убил медведя, и Троекуров приказал снять с него шкуру»; «Брега Арагвы и Куры / Узрели русские шатры».

В поисках смысла конкурирующих нарративов понятно стремление С.Ф. Хайтингтона (1927-2008) «найти “легко классифицируемые детерминанты современного квазихаотического международного поведения и тем самым обрести ключ к международному калейдоскопу”» [16]. Белорусский исследователь Н.В. Карпилен, у нарративов философии геополитики таким ключом обозначает формулу «ДОБРА и МИРА, диаметрально противоположную западным концепциям господства и доминирования» [12].

По мнению ряда исследователей, общий алгоритм создания первичных нарративов проходит по формуле «событие — анализ — синтез — нарратив/создание нового/коррекция старого описания» [9]. Соответственно, на данный алгоритм опирается ставшая кредо современной нарративной философии геополитики XXI века конкурирующая интерпретация однополярной и многополярной геополитических стратегий [12].

Бифуркация конкурирующих нарративов треугольника Китай — Тайвань — США

Противоборство нарративов западной и китайской цивилизаций как источник и внутреннее содержание их развития (закон единства и борьбы противоположностей) длятся уже более пятисот лет. Их столкновение на поле альтернативной интерпретации прошлого, настоящего и будущего приводит, по мнению исследователей, к мнемическому конфликту [6]. Его суть, с точки зрения философии геополитики, отражает закон перехода количественных изменений (роста неразрешаемых противоречий) в качественные (формирование противоречий нового уровня). Данные геополитические процессы зачастую недоступны традиционным мето-

дам познания. Скрытые истинные императивы, смыслы, цели, а также содержание и методы геополитической борьбы становятся осознаваемыми посредством инструментальных средств философии [20].

Конкурирующие нарративы треугольника Китай – Тайвань – Запад в национальной памяти его субъектов начали формироваться с захвата и оккупации в 1624 году южного **Тайваня** голландскими колонизаторами, а в 1626 году его северной части — испанскими. С момента начала торговых отношений США с Китаем (1784 г.), с появлением треугольника Китай — Тайвань — США (1844 г.) и до сегодняшнего дня идет активное развитие мнемических конфликтов, диалектика которых отражается в четырех исторических этапах бифуркации глобального геополитического процесса.

Универсальными признаками всех четырех этапов бифуркации геополитических процессов треугольника Китай – Тайвань – США могут служить строчка из стихотворения Ф. Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется» [31], а также нарратив Сунь Ятсена о том, что «янки были не настолько глупы, чтобы своими руками совершить коммерческое самоубийство, помогая Китаю обрести собственную индустриальную мощь **и стать независимым государством**» [17].

Характерными чертами всех этапов бифуркации конкурирующих нарративов данного геополитического треугольника является «использование неравновесных аргументов, вариативность смыслов и ценностей, проигрывание аргументов, подкрепленных архивными документами фантазиям, выдающим желаемое за реальность» [20].

Первый этап начался с бифуркации, породившей спираль геополитической борьбы с 1844 по 1943 год. Причиной геополитического противостояния, возникновения конкурирующих нарративов стали условия Ваньсякского договора (1844 года) и последовавших за ним межгосударственных соглашений между Китаем и США, актуализировавших и тайваньскую проблематику. Динамику смысловых и ценностный ориентиров нарративов США определяла эффективность создания Американской геоторговой империи, в то время как Китай стремился к геоторговой изоляции в целях защиты от поставок опиума западными государствами, включая США.

Ультимативное письмо десятого президента США Дж. Тайлора (4.04.1841-4.03.1845) в защиту торговых интересов американского бизнеса, содержавшее «недвусмысленные угрозы нарушения мира» [18], а также отправка к китайским берегам американской военно-морской

эскадры commodора Керни (1842 г.) принудили императора Китая Даогу-ана (1820-1850) заключить диаметрально противоположно оцениваемый Ваньсяский договор (1844 г.). Данный договор стал первой геополитической точкой бифуркации между Китаем и США, источником возникновения конкурирующих геополитических нарративов в треугольнике Китай — Тайвань — США. Привилегии США затрагивали политические, экономические, моральные, религиозные (буддизм и др.) ценности Китая, несли угрозу ценностям конфуцианства и даосизма [38].

В исследовании А.П. Косова зафиксировано проявление закона единства и борьбы противоположностей в конкурирующих нарративах. Значительное число исследователей, видных представителей американской и китайской науки **оправдывают политику США** в отношении Китая и Тайваня утверждая, что она учитывала их национальные интересы, способствовала сохранению независимости от посягательств Великобритании, Франции, и Японии в XIX – XX столетиях; 2) **заслуга США** заключается в устранении тормозящей экономическое развитие Поднебесной политики изоляционизма, проводимой ею в 1757-1784 гг.

Критической оценкой политики Вашингтона характеризуются работы большинства китайских исследователей, а также некоторых американских исследователей. Так, например, американский востоковед Оуэн Латти Мора оценивает договор 1844 года и дальнейшую политику США относительно Китая как «нацеленную на захват территорий и получение от Китая преимуществ для Америки» [5, 42]. Советский ученый-востоковед В.Я. Аварин, поддерживая оценку ряда китайских и американских коллег, характеризует Ваньсякский договор как «первое осуществление принципа американской политики в Китае: не прибегая к вооруженной силе, получать от Китая те же уступки, какие получали другие государства в результате войны» [1].

Система неравноправных договоров, начатых с заключения Ваньсякского и последующих договоров, расширяла и укрепляла права экстерриториальности (в т.ч. независимой иностранной правовой, судебной, полицейской и налоговой систем). Все это ждало своего часа, чтобы породить новую бифуркацию.

Решающим фактором, определившим смысл второй бифуркации, стала война Китая и США с Японией. Генератором нового вектора спирали геополитических процессов стала потребность США в Китае как суперсоюзнике в борьбе за победу над Японией (1945), а также послевоенном устройстве мира.

В основу новой бифуркации легло отрицание прежней колониальной геополитики, переход к политике признания Китая, согласно нарративу американского правительства, квалифицировавшего договор 11 января 1943 года как один из «важных шагов, демонстрирующих желание США рассматривать Китай как равный среди главных держав» [5]. Смысловым событийным ядром второй бифуркации стали геоустремления президента США Ф. Рузвельта (1933-1945).

Желание позволить Китаю «играть надлежащую роль в поддержании мира и процветания» во всем мире Рузвельт связывал с видением послевоенного устройства мира, в котором предполагал «единоличное доминирование Америки» [28]. Китай под руководством Чан Канши был важен как государство, укрепляющее позиции США во вновь создаваемых международных организациях. Китайская Республика стала одним из учредителей ООН (1945), первой страной, подписавшей Устав ООН.

Отрицанием данной модели геополитического взаимодействия и, соответственно, ее нарративов стала победа коммунистического Китая, возглавляемого Мао Цзэдуном, а также начало корейской войны (1950-1953 гг.), в которой Мао Цзэдун выступил против США. Бифуркация как следствие поворота американской политики на 180 градусов породила новый класс конкурирующих нарративов, начиная с 1949 года, когда Чан Канши, потерпев поражение в гражданской войне, вынужден был эвакуироваться под защиту США на остров Тайвань. В то же время формальной датой завершения периода движения по данной спирали геополитического процесса касательно Китайской Республики (о. Тайвань) следует считать 15 ноября 1971 года. Китайская Республика перестала быть не-членом ООН. С 1949 года спираль конкурирующих нарративов треугольника Китай — Тайвань — США характеризовал казус «двух Китаев», а также особая геостратегическая важность острова для США в геополитических интересах защиты и проецирования американского влияния в Индо-Тихоокеанском регионе.

Конкурентом нарративу «**исторических прав**» Китая на обладание Тайванем, вытекающих из содержания Атлантической хартии (август 1941 г.), Каирской декларации (1943 г.) и Потсдамской декларацией (1945 г.), выступил нарратив К. Хьюза. Согласно его точке зрения, «претензии правительства КНР, выдвигаемые им на основании “исторических прав” Китая на обладание Тайванем, являются анахронизмом, т. к. в Китае до начала XX в. вообще не существовало национальной идеи в европейском понимании этого термина» [37].

В исследованиях ученых отмечается, что действия администраций Г. Трумэна, Р. Никсона и Дж. Картера по поддержке Тайваня мотивировало «стремление приобрести дополнительные стратегические преимущества в противостоянии с СССР» [37].

Третьей предпосылкой бифуркации, породившей новую спираль конкурирующих нарративов треугольника Китай — Тайвань — США, стала вторая — последовавшая за первой неудачной попыткой Мао Цзэдуна (1943-1949 гг) — попытка КНР наладить отношения с США в прагматических целях. Аналогичные нарративы специфической «дружбы» фигурируют и у США. С китайской стороны инициаторами «дружбы» выступили Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай [11]. В дальнейшем активную роль стал играть Дэн Сяопин. С американской стороны выступали президент Р. Никсон (1969-1974) и его советник по национальной безопасности Г. Киссенджер (1969-1975).

Результатом совершенного в июле 1971 году Г. Киссинджером тайного визита в Китай, его встреч с премьер-министром КНР Чжоу Эньлаем и руководителем КНР Мао Цзэдуном стала третья бифуркация геополитического процесса и, соответственно, конкурирующих нарративов. Нарративами официального визита президента США Р. Никсона в Китай (февраль 1972 г.), согласно его мемуарам, стали: «грандиозный стратегический успех США», «одна эпоха закончилась и началась другая», «неделя, которая изменит мир» [43]. Таким образом, произошел еще один виток отрицания отрицания прежней философии геополитики в треугольнике Китай — Тайвань — США. Ставка президента Рузвельта на Китай Чан Кайши, а Трумэна на Тайвань Чан Канши и отторжения коммунистического Китая Мао сменилась ставкой президента Никсона на маоистский Китай и дэнсяопиновский Китай Дж. Картера, при сохранении и поддержки независимости Тайваня [4]. Нарратив Дэн Сяопина «одно государство – два строя» стал своеобразной интерпретацией синтеза закона единства и борьбы противоположностей, закона отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные.

Визит Дэн Сяопина в США в 1979 году и встреча с Дж. Картером обеспечили договоренности по многим ключевым направлениям сотрудничества. Событийным ядром нарратива треугольника последней трети XX века – начала XXI века стал переход от модели изоляции США и их союзников от КНР к «открытости Китая внешнему миру». Череда подобных бифуркаций по спирали по закону отрицания отрицания, начатых Америкой в XIX веке, породила высокую вероятность следу-

ющего этапа — возвращения закрытости США для Китая, связанной с военно-техническим соперничеством и торговым дисбалансом.

Предвестником новой модели конкуренции нарративов стали разночтения в понимании сформулированных Дэн Сяопином в начале 1990-х годов (формула из 28 иероглифов) важнейших принципов внешней политики. В Китае и США сложилось разное их понимание. В США «Китаю инкриминировалось наличие у него некоей скрытой повестки дня, вынашивание планов военной и материальной подготовки для «отмщения» в подходящий момент западному миру за все прошлые унижения и обиды» [24].

Четвертый этап бифуркации. Философское содержание конкурирующих нарративов треугольника Китай — Тайвань — США определяет противоречие геополитических смыслов: 1) вызовом для США является бурный рост китайской экономики, а также стремительное развитие военного потенциала Китая (Дж. Миршаймер, Дж. Най-мл., Э. Экономидес, К. Редден) и 2) США имеет потенциальную выгоду от стремительного возвышения КНР (Г. Киссинджер, З. Бжезинский, Ф. Закария) [21].

Лейтмотивом нарративов новой эпохи с избранием 45, а затем 47 президентом США Д. Трампа (2017-2021, 2025-2029 гг.) стал лозунг «Вернем Америке былое величие». Администрация президента США встала на путь запугивания оппонентов введением и отменой санкций, заключением и параллельным нарушением договоренностей, шантажа и угроз.

Ультимативные заявления 45 президента США Д. Трампа (2017-2021) в отношении Китая находятся в русле философии геополитики, исповедующей нарративную модель силы, ультимативного давления, использованную 10-м президентом США Дж. Тайлером (1841-1845) и приведшую к более чем 100-летнему нарушению суверенитета Поднебесной и ее закабалению.

Список литературы:

1. Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. – М. Государственное издательство политической литературы. 1952.
2. Агафонов В.В. Эпистемология нарративной философии истории // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2010.
3. Американо-китайский договор 1844 года, 3 июля. Дипломатический словарь. Гл. ред. А.Я. Вышинский и С.А. Лозовский. – М.: 1948.
4. Бояркина А.В. Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости (конец 1970-х – 1990-е гг.) // Вестник РГГУ. 2023. № 1. С. 94-107.
5. Богущ К.Ю. Из истории политики США в Китае в годы второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1959. № 5. С. 3-23.
6. Брагиров Г.Б., Вялых В.В., Пахомов А.В. Мнемический авторитаризм как практика манипулирования исторической памятью в современном социокультурном и политическом дискурсах // Universum: общественные науки: электр. научн. Журн. 2024. № 4 (107).
7. Бряник Н.В. Критерии научности и их эволюция как проблема философии науки // Интеллект, Инновации,

Инвестиции. 2023. № 6. С. 126-133.

8. Бучило Н.Ф., Исаев И.А. История и философия науки: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2009. С. 242.

9. Герасимов С.В. Роль нарративов в конструировании социальной реальности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 1А. С. 34-40.

10. Димитрова С.В., Хаценко А.Н. Философия власти – смена парадигм // Logos et Praxis. 2017.

11. Душин О. Как Мао подружился с Америкой. Эмиссар Киссинджера и интересы Китая // Друг Истории. 25 июля 2023. № 191.

12. Карпиленя Н.В. Философия геополитики как теория противодействия организуемому западом гибридным войнам: взгляд из союзного государства и большого востока // Архонт. 2023. № 6 (39).

13. Касавин И.Т. Познание. Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. III / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместитель предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001. С. 259.

14. Кефели И.Ф. Философия геополитики. – СПб: Издательский дом «Петрополис», 2007. С. 196 (208 с.)

15. Коваленко В.И., Соболев В.А. «Закон политики – создавая новое, следует опираться на достигнутое, не ломать старого» к 100 - летию А.М. Ковалева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия политология. 2023. Т.25. № 2. С. 330-347.

16. Комар Ю.И. Столкновение цивилизаций. Перспективы мировой политики (концепция С. Хантингтона и ее критики // Афро-азиатский мир: проблемы цивилизационного анализа. 2004. 7 с.

17. Косов А.П. Политика США в отношении революционного Китая (1911-1927) // «Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки», 2016. № 3. С. 25-34.

18. Косов А.П. Политика США в отношении Китая в XIX - начале XX века // Историческо-археологический сборник. 2015. Вып. 30. С. 125-130.

19. Лебедев С.А. Современная философия науки: объект, предмет, структура. Гуманитарный вестник, 2022. Вып. 3. // URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-3-780>.

20. Логунова Л.Ю., Рычков В.А. Поле памяти: конструирование и борьба нарративов // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4. Ч. 1. С. 191-213.

21. Маматханов Р.С. Современная политика США в отношении Китая: от сотрудничества к соперничеству. Дис. на соиск. уч. ст. к.пол.н. 5.5.4. СПбГУ. – Санкт-Петербург 2024.

22. Панарин А.С. Философия политики // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. IV / Ин-т философии РАН, Нац.общ.-научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместитель предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001. С.226.

23. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. – М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. 528 с.

24. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной Республики в XXI столетии: монография / В.Я. Портяков. – М.: ИДВ РАН, 2015 280 с.

25. Просветов С.Ю. История философии как дисциплина философского знания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. 2011.

26. Саттарова Ф.Ф. Категориальный аспект проблемы синтеза научного знания // Актуальные вопросы современной науки. 2010.

27. Светличный С.А. Философско-методологический анализ становления глобальной геополитики: российский вектор развития. Дис. на соиск уч. ст. к.ф.н. социальная философия. Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова. – Санкт-Петербург 2014. 167 с., С. 66.

28. Служба внешней разведки Российской Федерации. 100 лет: документы и свидетельства. Издательство: Москва, «Комсомольская правда», 2021. 439 с.

29. Степин В.С. Философия // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. IV / Ин-т философии РАН, Нац. общ.- научн. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместитель предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001. С. 198.

30. Тарко А.М., Пархоменко В.П. Ядерная Зима: история вопроса и прогнозы // Биосфера, 2011.

31. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем в шести томах. – М.: Изд. Центр «Классика», 2003. Т. 2. С. 197.

32. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX веке. Из-во «Кабинетный ученый». – М.: 2023. 528 с.

33. Философия XXI века: современные тенденции и проблемы / Под ред. И.В. Иванова. – М.: Наука. 2022; Философия и современность: академический сборник. – М.: Наука, 2023.

34. Фреге. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Второе исправленное и дополненное издание. Издательство «Наука». Москва, 1976. С. 553.

35. Фукидид. История: В 2 т. / Пер. Ф.Г. Мищенко. – СПб., 1999. Т. 1. С. 22. Т. 2. С. 48.

36. Фуко М. Мысль извне // Международный журнал исследований культуры. 2012.

37. Цветков И.А. Политика США по отношению к тайваньской проблеме 1949-1999 гг. Дис. ...канд. истор.

наук: 07.00.15. – М.: РГБ, 2005. С. 24.

38. Ценности как философская проблема: научная дискуссия с участием членов РАН А.А. Гусейнова, В.А. Лекорского и А.С. Запесоцкого, 29 марта 2025 года. – Санкт-Петербург: СПГУП, 2025. 92 с.

39. Шаповалова А.И. Концепция силы в международных отношениях: интерпретация с точки зрения социального конструктивизма // Дискурс – Пи. 2014.

40. Шугуров М.В. К вопросу о содержании понятия «Философия международного права» // Философия права. 2010.

41. Яки Андрес Мартинес Роблес Мишель Фуко. Экзистенциальная философия для психотерапевтов... и других любопытных. И. Институт Общегуманитарных Исследований. 2019. С. 275.

42. Lattimore O. «The Situation in Asia»: Boston: Little, Brown and Company, 1949. 15 p.

43. Margaret MacMillan "Nixon and Mao: The Week That Changed the World" – New-York: Random House, 2007.

44. Huntington S.P. The clash of civilizations? // Foreign affairs. – N.Y., 1993. Vol. 72. № 3. P. 22-49.

45. Huntington S.P. If not civilization, what? Paradigms of the post-cold war world. Response // Foreign affairs. – N.Y., 1993. Vol. 72. № 5. P. 186-194.

46. Weeks A.L. Do civilization hold? // Foreign affairs. – N.Y.: 1993. Vol. 72. № 4. P. 24-25.

47. Рябова Е.Л., Чапкин Н.С. Роль некоммерческих организаций в укреплении здравоохранения и обеспечении доступности медицинской помощи // Культура мира. 2024. Том 12. Выпуск 2. (№ 37). С. 12-21.

48. Рябова Е.Л. К вопросу о единстве образования и воспитания: институциональный дискурс // Альманах «Казачество». 2023. № 66. С. 11-18.

Bibliography

1. Avarin V.Ya. The Struggle for the Pacific Ocean. - M. State Publishing House of Political Literature. 1952.

2. Agafonov V.V. Epistemology of Narrative Philosophy of History // Bulletin of KRAUNC. Humanities. 2010.

3. The American-Chinese Treaty of 1844, July 3. Diplomatic Dictionary. Ed. -in-chief A. Ya. Vyshinsky and S.A. Lozovsky. – M.: 1948.

4. Boyarkina A. V. Foreign Policy Strategy of Deng Xiaoping in the Period of Economic Reforms and Openness (Late 1970s - 1990s) // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. 2023. № 1. P. 94-107.

5. Bogush K. Yu. From the History of US Policy in China During the Second World War // New and Contemporary History. 1959. № 5. P. 3-23.

6. Bragirov GB, Vyalykh VV, Pakhomov AV Mnemonic Authoritarianism as a Practice of Manipulating Historical Memory in Modern Sociocultural and Political Discourses // Universum: Social Sciences: Electronic Scientific Journal. 2024. № 4 (107).

7. Bryanik NV Criteria of Scientificity and Their Evolution as a Problem of the Philosophy of Science // Intelligence, Innovation, Investment. 2023. № 6. P. 126-133.

8. Buchilo NF, Isaev IA History and Philosophy of Science: Textbook. manual. – M.: Prospect, 2009. P. 242.

9. Gerasimov S.V. The Role of Narratives in the Construction of Social Reality // Context and Reflection: Philosophy of the World and Man. 2020. Vol. 9. № 1A. P. 34-40.

10. Dimitrova S.V., Khatsenko A.N. Philosophy of Power – a Shift in Paradigms // Logos et Praxis. 2017.

11. Dushin O. How Mao Became Friends with America. Kissinger's Emissary and China's Interests // Friend of History. July 25, 2023. № 191.

12. Karpilenya N.V. Philosophy of Geopolitics as a Theory of Counteracting Hybrid Wars Organized by the West: A View from the Union State and the Greater East // Arkhon. 2023. № 6 (39).

13. Kasavin I.T. Cognition. New philosophical encyclopedia: in 4 volumes. Vol.III / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National General Scientific Fund; Scientific Editorial Board: Chairman V.S. Stepin, Deputy Chairman: A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin, Academic Secretary A.P. Ogurtsov. – M.: Mysl, 2001. P. 259.

14. Kefeli I.F. Philosophy of Geopolitics. - St. Petersburg: Publishing House "Petropolis, 2007. P. 196 (208 p.)

15. Kovalenko V.I., Sobolev V.A. "The law of politics - when creating something new, one should rely on what has been achieved, not break the old" to the 100th anniversary of A.M. Kovalev // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Political Science Series. 2023. Vol. 25. № 2. P. 330-347.

16. Komar Yu.I. Clash of civilizations. Prospects for World Politics (S. Huntington's Concept and Its Critics // The Afro-Asian World: Problems of Civilization Analysis. 2004. 7 p.

17. Kosov A.P. US Policy towards Revolutionary China (1911-1927) // "Bulletin of Pskov State University. Series. Social and Humanitarian Sciences", 2016. № 3. P. 25-34.

18. Kosov A.P. US Policy towards China in the 19th - early 20th centuries // Historical and Archaeological Collection. 2015. Issue 30. P. 125-130.

19. Lebedev S.A. Modern Philosophy of Science: Object, Subject, Structure. Humanitarian Bulletin, 2022. Issue 3. // URL: <http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2022-3-780>.

20. Logunova L.Yu., Rychkov V.A. Field of Memory: Construction and Struggle of Narratives // Ideas and Ideals. 2020.

Vol. 12. № 4. Part 1. P. 191-213.

21. Mamatkhanov R.S. Modern US Policy Towards China: From Cooperation to Rivalry. Dis. for PhD in Political Science 5.5.4. St. Petersburg State University. – St. Petersburg 2024.
22. Panarin A.S. Philosophy of Politics // New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols. Vol. IV / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Scientific Foundation; Scientific Ed. Council: Chairman V.S. Stepin, Deputy Chairman: A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin, Academic Secretary A.P. Ogurtsov. – M.: Mysl, 2001. Page 226.
23. Popper K.R. Open Society and Its Enemies. – M.: Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative", 1992. Vol. 2: Time of False Prophets: Hegel, Marx and Other Oracles. 528 p.
24. Portyakov V.Ya. Foreign Policy of the People's Republic of China in the 21st Century: Monograph / V.Ya. – M.: IFES RAS, 2015 280 p.
25. Prosvetov S.Yu. History of Philosophy as a Discipline of Philosophical Knowledge // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Philosophy Series. 2011.
26. Sattarova F.F. Categorical aspect of the problem of synthesis of scientific knowledge // Actual issues of modern science. 2010.
27. Svetlichny S.A. Philosophical and methodological analysis of the formation of global geopolitics: the Russian vector of development. Dis. for the award of an academic position, candidate of philosophical sciences. Social philosophy. Baltic State Technical University "Voenmeh" named after D.F. Ustinov. – St. Petersburg 2014. 167 p., P. 66.
28. Foreign Intelligence Service of the Russian Federation. 100 years: documents and evidence. Publisher: Moscow, "Komsomolskaya Pravda", 2021. 439 p.
29. Stepin V.S. Philosophy // New Philosophical Encyclopedia: in 4 volumes. Vol. IV / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, National Society of Science Foundation; Scientific Editorial Board: Chairman V.S. Stepin, Deputy Chairman: A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin, academic secretary A.P. Ogurtsov. – M.: Mysl, 2001. P. 198.
30. Tarko A.M., Parkhomenko V.P. Nuclear Winter: history of the issue and forecasts // Biosphere, 2011.
31. Tyutchev F.I. Complete Works and Letters in Six Volumes. – M.: Publishing Center "Classics", 2003. Vol. 2. P. 197.
32. White H. Metahistory: Historical Imagination in 19th Century Europe. Publishing house "Cabinet Scientific". – M.: 2023. 528 p.
33. Philosophy of the 21st Century: Modern Trends and Problems / Ed. I.V. Ivanov. – M.: Science. 2022; Philosophy and Modernity: Academic Collection. – M.: Science, 2023.
34. Frege. Kondakov N.I. Logical dictionary of art. Second revised and supplemented edition. Publishing house "Science". Moscow, 1976. Page 553.
35. Thucydides. History: In 2 volumes / Translated by F.G. Mishchenko. – St. Petersburg, 1999. Volume 1. Page 22. Volume 2. Page 48.
36. Foucault M. Thought from outside // International journal of cultural studies. 2012.
37. Tsvetkov I.A. US policy towards the Taiwan problem 1949-1999. Dis. ... Cand. of History: 07.00.15. – Moscow: Russian State Library, 2005. Page 24.
38. Values as a philosophical problem: scientific discussion with the participation of members of the Russian Academy of Sciences A.A. Guseinova, V.A. Lekorsky and A.S. Zapesotsky, March 29, 2025. – St. Petersburg: SPGUP, 2025. 92 p.
39. Shapovalova A.I. The concept of power in international relations: interpretation from the point of view of social constructivism // Discourse - Pi. 2014.
40. Shugurov M.V. On the Content of the Concept of "Philosophy of International Law" // Philosophy of Law. 2010.
41. Yaki Andres Martinez Robles Michel Foucault. Existential Philosophy for Psychotherapists... and Other Curious People. I. Institute of General Humanitarian Research. 2019. P. 275.
42. Lattimore O. "The Situation in Asia": Boston: Little, Brown and Company, 1949. 15 p.
43. Margaret MacMillan "Nixon and Mao: The Week That Changed the World" – New-York: Random House, 2007.
44. Huntington S.P. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. – N.Y., 1993. Vol. 72. № 3. P. 22-49.
45. Huntington S.P. If not civilization, what? Paradigms of the post-cold war world. Response // Foreign affairs. – N.Y., 1993. Vol. 72. № 5. P. 186-194.
46. Weeks A.L. Do civilization hold? // Foreign affairs. – N.Y.: 1993. Vol. 72. № 4. P. 24-25.
47. Ryabova E.L., Chapkin N.S. The role of non-profit organizations in strengthening healthcare and ensuring the availability of medical care // Culture of the world. 2024. Vol. 12. Issue 2. (№ 37). P. 12-21.
48. Ryabova E.L. On the issue of the unity of education and upbringing: institutional discourse // Almanac "Cossacks". 2023. № 66. P. 11-18.

Аннотации

Иларионова Т.С.

**Антропология нелояльности:
из истории сотрудничества академий общественных наук
при ЦК КПСС и при ЦК СЕПГ (1951 - 1989 гг.)**

История отношений социалистических стран рассматривается на примере контактов, совместных мероприятий родственных академий общественных наук при центральных комитетах правящих в СССР и ГДР партий - Коммунистической партии Советского Союза и Социалистической единой партии Германии. Показано, что такие ключевые события в 1950-х - 1980-х годах, как XX съезд КПСС с осуждением культа личности Сталина, политика разрядки, а позже перестройка повлияли на важнейший фактор сплочения соцстран - лояльность к коммунистической идее и политике СССР.

Ключевые слова: СССР, ГДР, КПСС, СЕПГ, Академия общественных наук при ЦК КПСС, Академия общественных наук при ЦК СЕПГ.

Петрухин К.Ю.

**Мнения экспертов
(публикации журналов, опора на исторический опыт)
в области реинтеграции новых регионов в состав России**

В условиях сложных геополитических процессов, связанных с вхождением новых регионов в состав Российской Федерации, особую значимость приобретает анализ исторического опыта и мнений ведущих экспертов в области государственной реинтеграции. В статье рассматриваются научные подходы и публикации, посвящённые вопросам адаптации Крыма и других территорий, присоединившихся к России в разные периоды. Особое внимание уделяется практическим выводам, сделанным в этих исследованиях, а также возможностям их применения при интеграции Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей. На основе анализа литературных источников формулируются выводы о наиболее эффективных механизмах правовой, социальной и культурной адаптации, обеспечивающих устойчивость и стабильность в новых субъектах Федерации.

Ключевые слова: реинтеграция, Крым, ДНР, ЛНР, Запорожская область, Херсонская область, исторический опыт, постконфликтное восстановление, региональная политика России.

Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе

В статье исследуются особенности электронных доказательств в гражданском и арбитражном процессе России в условиях цифровизации правовой сферы. Рассматривается понятие электронных доказательств как сведений, созданных, переданных или хранящихся с использованием электронных технологий, и их отличие от традиционных письменных доказательств. Анализируются виды электронных доказательств: электронные документы, электронная переписка, аудио- и видеозаписи, метаданные, информация из интернета и данные с электронных носителей. Особое внимание уделено правовому регулированию представления, хранения и оценки электронных доказательств в соответствии с Гражданским и Арбитражным процессуальными кодексами РФ, а также Федеральным законом № 220-ФЗ. Обсуждаются проблемы аутентификации и достоверности электронных доказательств, роль электронной подписи и компьютерно-технической экспертизы. Выделены вызовы, связанные с необходимостью нотариального заверения копий и недостаточной цифровой грамотностью участников процесса. Автор предлагает направления совершенствования законодательства и практики, включая расширение понятия письменных доказательств, внедрение современных технологий (блокчейн, новые виды цифровых подписей) и повышение квалификации судебных специалистов. Электронные доказательства рассматриваются как ключевой элемент повышения эффективности и прозрачности судебного разбирательства в цифровую эпоху.

Ключевые слова: электронные доказательства, гражданский процесс, арбитражный процесс, электронные документы, электронная подпись, аутентификация, цифровые технологии, правовое регулирование, судебное разбирательство, цифровизация, процесс доказывания.

Понятие и отличия доменного имени от традиционных средств индивидуализации

В статье рассматривается понятие доменного имени и его отличия от традиционных средств индивидуализации, таких как товарные знаки и фирменные наименования. Анализируются определения доменного имени, данные международными организациями, российским законо-

дательством и региональными актами. Подчеркивается техническая природа доменных имен, их роль в идентификации интернет-ресурсов и отсутствие правовой охраны в рамках интеллектуальной собственности. Рассматриваются различия в порядке регистрации, территориальности и функциональном назначении доменных имен и средств индивидуализации. Приводятся аргументы исследователей, как поддерживающих, так и отрицающих возможность отнесения доменных имен к средствам индивидуализации. Сделан вывод о необходимости их разграничения.

Ключевые слова: доменное имя, средства индивидуализации, товарный знак, фирменное наименование, интеллектуальная собственность, регистрация, правовая охрана, DNS, интернет-ресурсы, гражданский оборот.

Суворов В.Л.

Парамонов В.В.

Характерные черты и особенности использования «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность

В данной статье анализируется проблема использования «мягкой силы» в международных отношениях на различных этапах их развития. Сегодня в связи с изменениями основных подходов к использованию «мягкой силы» в условиях усиления «жесткого» противостояния между государствами меняются и особенности ее проявления. Все это в большей степени характерно для ситуации вокруг Украины и на Ближнем Востоке. В силу этого перед мировой общественностью возникает естественный вопрос: а не является ли сегодня «мягкая сила» в противостоянии с другими странами проявлением «слабости» государства? Попытаться ответить на данный вопрос и является важной задачей науки.

Ключевые слова: международные отношения, гибридная война, «мягкая сила», мировой порядок, геополитическое соперничество, стратегия «непрямых действий».

Казанин М.В.

Национальная безопасность Турецкой Республики: российское направление

В статье представлена характеристика российского направления стратегии национальной безопасности Турецкой Республики.

Рассмотрены направления военно-политического и экономического

взаимодействия официальной Анкары с Москвой и Киевом в условиях проведения специальной военной операции, а также вовлеченность Турецкой Республики и Российской Федерации во внутренние конфликты в Сирии, Ливии и события армяно-азербайджанского противостояния в Нагорном Карабахе в 2020 г.

Особое внимание уделено значению конфликтных ситуации для оборонной промышленности Турецкой Республики, которая демонстрирует уверенный рост экономических показателей.

Представляется возможным утверждать, что суррогатный конфликт является одним из самых эффективных методов защиты и продвижения интересов национальной безопасности турецкого государства в средиземноморском регионе.

Сделан вывод о том, что турецкое руководство смогло создать действенный механизм обеспечения национальной безопасности и государственных интересов.

Основные источники исследования – исследования российских и зарубежных ученых в области внешней политики Турции.

Ключевые слова: Турция, Россия, Украина, национальная безопасность, специальная военная операция, оборонно-промышленный комплекс.

Данилова Е.В.

Влияние российского председательства на развитие БРИКС

Данная статья посвящена исследованию развития многоцелевого объединения БРИКС в период российского и бразильского председательства. Особое внимание уделено непосредственно основным направлениям многостороннего взаимодействия в течение 2024 года, так как именно этот период знаменуется повышенным вниманием мирового сообщества к БРИКС и интенсификацией многосторонних встреч через различные механизмы блока. Проводится анализ направлений и приоритетов в рамках председательства Российской Федерации, а также делаются выводы относительно ключевых итогов политики Москвы по качественному и количественному увеличению контактов между странами-участницами. Отдельно выделяется процесс расширения состава БРИКС, а также появление нового механизма выстраивания партнерских отношений в объединении, такого как «государства-партнеры». Рассматриваются причины включения новых стран в состав объединения. Кроме того, исследуются взаимоотношение основных отличительных особенностей блока и ха-

рактеристик многополярного мирового порядка.

Ключевые слова: БРИКС, Новый банк развития, Казанский саммит, Казанская декларация, расширение БРИКС, российское председательство в БРИКС, многополярный мировой порядок, реформирование глобальных институтов управления, мировое большинство, Глобальный Юг.

Братов С.В.

Угроза новой холодной войны

в контексте стратегического соперничества между Китаем и США

В статье автор анализирует поляризацию мира и возможные сценарии ее развития. По мнению автора, поляризация связана с кризисом глобализации и разворачивающимся стратегическим соперничеством между Китаем и США. Одной из перспектив такого противостояния может стать новая холодная война, которая по-разному осмысливается в китайском и американском политологическом дискурсе.

Ключевые слова: стратегического соперничество, новая холодная война, антиглобализм, неомарксизм, трампизм.

Тюрин Е.А.

Савинова Е.Н.

Мустафин Д.О.

Шотландский стиль в политике:

специфические и универсальные проявления. Часть 2

Во второй части своего исследования, авторы отмечают, что шотландское правительство приобрело репутацию управляющего субъекта, проводящего политику по-другому, хотя, при этом, шотландская система управления сталкивается и с проблемами универсального характера. Теоретико-методологической основой статьи стали: сравнительный этнополитический анализ; системный анализ; социокультурный подход; методы совмещения социологической и институциональной парадигм. Полученные результаты: 1. Шотландский стиль проявляется в особенностях политического цикла. 2. Суть шотландского стиля раскрывается в том, что он относительно спокойно соотносится с компетенцией властей Шотландии и различиями в результатах политики Эдинбурга и Лондона. Вывод: шотландский стиль (как особый подход) мог бы помочь решить проблемы, связанные с разрозненностью, двусмысленностью и дискрецией, в том случае, если политика разрабатывается со-

вместно и принадлежит общенациональным, региональным и местным органам власти. С другой стороны, это подразумевает необходимость поощрять свободу действий, значительную степень участия в разработке политики на местном уровне, а также признание того факта, что некоторые направления политики могут формироваться при отсутствии централизованного управления.

Ключевые слова: Шотландия, этнополитическая специфика управления, политический цикл, политика профилактики, политика переходного периода.

Кайсар Али
Шахид Ян Аффриди

**Последствия израильских атак
на Сирию в условиях войны в Газе:
стратегический и политический анализ**

В этой статье рассматривается и анализируется геополитическая ситуация на Ближнем Востоке, сфокусированная на израильских атаках на Сирию и их последствиях для конфликта в секторе Газа, и аналогичным образом в этом исследовании выяснилось, как сложная политическая динамика между Ближним Востоком после падения Асада и израильских атак на Голанские высоты меняет ситуацию между израильской и сирийской региональной политикой, подчеркивая стратегические и политические последствия этих ударов. В этом исследовании, используя сравнительный политический метод, включая контент-анализ и тематический анализ, исследование проанализировало, что эти военные действия Израиля связаны с более широкой региональной напряженностью для достижения своей геостратегической позиции и интересов в регионе. С теоретической точки зрения, неореалистических перспектив и политики силы усиление насилия в секторе Газа может вынудить Израиль усилить свое доминирование в регионе в долгосрочной перспективе, используя ситуацию в своих национальных и региональных интересах путем увеличения военных операций в Сирии для смягчения предполагаемых угроз. Однако, анализируя сообщения, следует отметить, что, во-первых, израильские удары по Сирии усугубляют ситуацию с безопасностью в секторе Газа, усиливая региональную нестабильность, и эти атаки подтверждают израильское влияние от Газы до Сирии. До этого безопасным убежищем для палестинцев были Сирия, Ливан и Ирак; после распада Сирии не осталось места для поддержки Палестины. Во-вторых, взаи-

мосвязанность этих региональных конфликтов свидетельствует о глубоком влиянии на жителей региона; и, в-третьих, потенциальная эскалация отношений между Израилем и Сирией может существенно изменить геополитический ландшафт Ближнего Востока, что ещё больше осложнит и без того нестабильную ситуацию в секторе Газа.

Ключевые слова: Сирия, израильская атака, Газа, Голанские высоты, ХАМАС.

Ли Цзинъюань

Ли Пэнчэн

Исследование культуры крытых мостов в регионах Чжэцзян и Фуцзянь с точки зрения географии человека

С помощью таких методов, как исследование литературы, полевые исследования и пространственный анализ, в этой статье всесторонне анализируется внутренняя связь между культурой крытых мостов и географической средой, а также изучается культура крытых мостов в регионе Чжэцзян-Фуцзянь. Исследования показали, что уникальная топография, климатические условия и распределение водной системы в регионе Чжэцзян-Фуцзянь оказывают глубокое влияние на выбор места, форму конструкции и выбор строительного материала для крытых мостов. Крытые мосты не только обладают уникальными архитектурными стилями и структурными особенностями, но и несут в себе богатые социальные и культурные функции с глубокими культурными коннотациями. С точки зрения территориального распространения культура крытых мостов представляет собой особую модель, в которой очень важными являются распространение, культурное разнообразие и интеграции между различными регионами. В ответ на влияние урбанизации и развития туризма на культуру крытых мостов были предложены стратегии защиты и сохранения, такие как ужесточение строительных законов и правил, развития образования в области культуры и рациональное использование туристических ресурсов, с целью достижения устойчивого развития культуры крытых мостов.

Ключевые слова: регион Чжэцзян-Фуцзянь, культура крытых мостов, социальная география, защита культурного наследия.

Глебздин А.В.

Геополитические аспекты национально-государственной идентичности Украины

Статья посвящена анализу геополитической ориентации Украины как

важного компонента национальной идентичности современной Украины. На основе сопоставления геополитических теорий трактуется геополитический статус и самоидентификация Украины, её роль и место в международных отношениях, влияние геополитического выбора на безопасность и суверенитет Российской Федерации в современных условиях. Утверждается и обосновывается высокая значимость геополитического выбора Украины для её национально-государственного самоопределения в длительной перспективе. Одновременно прослеживается воздействие чисто идеологических моментов на выстраивание геополитического дискурса Украины в постсоветское время.

Ключевые слова: геополитика, национальная идентичность, национальная безопасность, Россия, Украина.

Хуан Минто

Языковая политика Казахстана после обретения независимости

В начале независимости Казахстана, в языковом планировании которого наблюдалась четкая тенденция к казахизации, предполагавшая превращение казахского этнического самосознания в основу национальной идентичности Республики, и казахов - в уникальный статус в различных сферах. Однако реализация этой политики столкнулась с рядом трудностей. В результате правящая элита Казахстана переориентировала своё языковое планирование, в котором переходило с предпочтения казахского русскому языку на параллельное развитие казахского и русского языка.

Ключевые слова: языковая политика, Республика Казахстан, этническая идентификация, языковое планирование.

Цуй Цзяньпин

О причинах урегулирования пограничного вопроса между Китаем и Россией

Пограничный вопрос затрагивает суверенитет и территориальную целостность страны, а также фундаментальные интересы государства. После более чем 40-летних напряженных переговоров Китай и Россия наконец-то решили пограничный вопрос. Способность Китая и России решить пограничную проблему является результатом целого ряда факторов. Улучшение китайско-советских отношений является необходимым условием для урегулирования пограничного вопроса. Стабильное развитие китайско-российских отношений является прочной основой для

урегулирования пограничного вопроса. И Китаю, и России нужны хорошие условия безопасности в качестве внешней движущей силы для урегулирования пограничного вопроса. Правильное понимание взаимосвязи между историей и реальностью между Китаем и Россией является ключом к решению пограничного вопроса.

Ключевые слова: пограничный вопрос, китайско-советские отношения, китайско-российские отношения.

Шахид Ян Аффриди

Лапенко М.В.

Кайсар Али

Анализ региональной взаимосвязанности государств в рамках ШОС: на примере пакистано-российских отношений

Пакистан и Россия имеют географическую близость, но исторически эта близость не переросла в глубокое сотрудничество из-за присоединения Пакистана к западному блоку во время холодной войны и тесных отношений Индии с Россией. Официальное вступление Пакистана в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), соучредителем которой является Россия, в 2017 году ознаменовало собой важный поворотный момент в двусторонних отношениях. Хотя существуют значительные исследования ШОС и ее прогресса, исследования, специально посвященные пакистано-российским отношениям в рамках ШОС, остаются ограниченными. Вступление Пакистана в ШОС совпало с важными региональными событиями, включая захват Афганистана талибами, возрождение регионального терроризма, усиление конкуренции между США и Китаем, укрепление связей Индии с США, российско-украинский конфликт и нерешительность западных стран взаимодействовать с Россией. Анализ пакистано-российских отношений с 2017 по 2024 год, основанный на теории сложной взаимозависимости, указывает на прогресс в сотрудничестве и потенциал для расширения взаимодействия в таких областях, как безопасность, энергетика и культурные обмены. Общие интересы Китая и региона Центральной Азии также подчеркивают возможность расширения регионального сотрудничества в рамках ШОС. Однако ряд факторов препятствовали развитию этих отношений, включая индо-пакистанскую напряженность, членство Индии в ШОС и ее исторические связи с Россией, предполагаемую уязвимость Пакистана к внешнему давлению и региональную нестабильность, связанную с терроризмом. Решение этих проблем требует проактивного

взаимодействия для полного использования возможностей, предоставляемых ШОС, для укрепления отношений и сотрудничества между Пакистаном и Россией.

Ключевые слова: ШОС, региональные организации, безопасность, КПЭК, терроризм, Пакистан и Россия.

Герасимов В.М.

Стельмак Е.В.

**Философия геополитики: конкурирующие нарративы
треугольника Китай – Тайвань – США**

В статье раскрывается теоретико-методологическое обоснование и содержание философии геополитики применительно к конкурирующим нарративам геополитического взаимодействия Китая-Тайваня-США. Проанализированы этапы бифуркации конкурирующих нарративов, их сюжетно-смысловые линии в контексте диалектики изменений смысловых и ценностных ориентиров, обусловленной геополитическими интересами.

Ключевые слова: философия геополитики, нарративная философия геополитики, конкурирующие нарративы, США, Китай, Тайвань.

Abstracts

Ilarionova T.S.

Anthropology of disloyalty: from the history of cooperation between the academies of social sciences under the CPSU Central Committee and the SED Central Committee (1951 - 1989)

The history of relations between socialist countries is examined using the example of contacts and joint events of related academies of social sciences under the central committees of the ruling parties in the USSR and the GDR - the Communist Party of the Soviet Union and the Socialist Unity Party of Germany. It is shown that such key events in the 1950s - 1980s as the 20th Congress of the CPSU with its condemnation of the personality cult of Stalin, the policy of détente, and later perestroika influenced the most important factor in the unification of socialist countries - loyalty to the communist idea and policy of the USSR.

Key words: USSR, GDR, CPSU, SED, Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Academy of Social Sciences under the Central Committee of the SED.

Petrukhin K.Yu.

Expert opinions (journal publications, based on historical experience) on the reintegration of new regions into Russia

In the context of complex geopolitical processes related to the entry of new regions into the Russian Federation, the analysis of historical experience and opinions of leading experts in the field of state reintegration is of particular importance. The article examines scientific approaches and publications on the adaptation of Crimea and other territories that joined Russia in different periods. Special attention paid to the practical conclusions drawn from these studies, as well as the possibilities of their application in the integration of the Donetsk and Lugansk People's Republics, Zaporizhia and Kherson regions. Based on the analysis of literary sources, conclusions formulated about the most effective mechanisms of legal, social and cultural adaptation that ensure stability and stability in the new subjects of the Federation.

Key words: reintegration, Crimea, DPR, LPR, Zaporizhia region, Kherson region, historical experience, post-conflict reconstruction, regional policy of Russia.

Kundich A.D.

Electronic evidence in civil and arbitration proceedings

The article examines the features of electronic evidence in the civil and arbi-

tration process in Russia in the context of the digitalization of the legal sphere. The concept of electronic evidence is considered as information created, transmitted or stored using electronic technologies, and their difference from traditional written evidence. The types of electronic evidence are analyzed: electronic documents, electronic correspondence, audio and video recordings, metadata, information from the Internet and data from electronic media. Special attention is paid to the legal regulation of the presentation, storage and evaluation of electronic evidence in accordance with the Civil and Arbitration Procedural Codes of the Russian Federation, as well as Federal Law № 220-FZ. The problems of authentication and reliability of electronic evidence, the role of electronic signatures and computer-technical expertise are discussed. The challenges associated with the need for notarization of copies and insufficient digital literacy of the participants in the process are highlighted. The author suggests ways to improve legislation and practice, including expanding the concept of written evidence, introducing modern technologies (blockchain, new types of digital signatures) and improving the skills of judicial specialists. Electronic evidence is considered as a key element for increasing the efficiency and transparency of judicial proceedings in the digital age.

Key words: electronic evidence, civil procedure, arbitration process, electronic documents, electronic signature, authentication, digital technologies, legal regulation, judicial proceedings, digitalization, evidentiary process.

Tyschenko E.O.

Definition and differences of a domain name from traditional means of individualization

The article examines the concept of a domain name and its differences from traditional means of individualization, such as trademarks and trade names. It analyzes the definitions of domain names provided by international organizations, Russian legislation, and regional regulations. The technical nature of domain names, their role in identifying internet resources, and the lack of legal protection under intellectual property law are emphasized. The differences in registration procedures, territorial scope, and functional purposes between domain names and means of individualization are explored. Arguments from researchers both supporting and opposing the classification of domain names as means of individualization are presented. The conclusion highlights the need for their clear distinction.

Key words: domain name, means of individualization, trademark, trade name, intellectual property, registration, legal protection, DNS, internet resources, civil turnover.

Suvorov V.L.

Paramonov V.V.

**Specific features and particular the use of soft power
in international relationships: history and modernity**

The article analyzes the use of the soft power in the international relationships under conditions of the «hard» opposition between the countries. In connection with changes of the main approaches to the use of the soft power it's changing the features of its application. Thematic example is the current situation around Ukraine, which is being compared to the situation in the Middle-East. In this connection in the face of the world community the question is – is the soft power a force or a weakness in the opposition between countries?

Key words: international relations, hybrid war, soft power, world order, geopolitical rivalry, indirect action strategy.

Kazanin M.V.

National security the republic of turkey: the Russian direction

The article presents the characteristics of the Russian direction of the national security strategy of the Republic of Turkey.

The directions of military-political and economic interaction of official Ankara with Moscow and Kiev in the context of a special military operation, as well as the involvement of the Republic of Turkey and the Russian Federation in internal conflicts in Syria, Libya and the events of the Armenian-Azerbaijani confrontation in Nagorno-Karabakh in 2020 are considered.

Particular attention is paid to the significance of conflict situations for the defense industry of the Republic of Turkey, which demonstrates a steady growth in economic indicators.

It seems possible to assert that the surrogate conflict is one of the most effective methods of protecting and promoting the interests of the national security of the Turkish state in the Mediterranean region.

It is concluded that the Turkish leadership was able to create an effective mechanism for ensuring national security and state interests.

The main sources of the study are studies of Russian and foreign scientists in the field of Turkish foreign policy.

Key words: Turkey, Russia, Ukraine, national security, special military operation, military-industrial complex.

Danilova E.V.

Impact of the Russian presidency on the development of BRISK

This article is devoted to the study of the development of the multi-purpose association BRICS during the Russian and Brazilian presidencies. Special attention is paid directly to the main areas of multilateral interaction during 2024, as this period is marked by the increased attention of the world community to BRICS and the intensification of multilateral meetings through various mechanisms of the bloc. An analysis of the directions and priorities within the framework of the presidency of the Russian Federation is carried out, as well as conclusions regarding the key outcomes of Moscow's policy on qualitative and quantitative increase in contacts between participating countries. The process of expansion of the BRICS is highlighted, as well as the emergence of a new mechanism for building partnerships in the association, such as «partner states». The reasons for the inclusion of new countries in the association are examined. In addition, the relationship between the main distinguishing features of the bloc and the characteristics of the multipolar world order is investigated.

Key words: BRICS, New Development Bank, Kazan Summit, Kazan Declaration, BRICS expansion, Russian chairmanship of the BRICS, multipolar world order, reform of global governance institutions, global majority, Global South.

Bratov S.V.

The threat of a new cold war in the context of the strategic rivalry between China and the United States

In the article, the author analyzes the polarization of the world and possible scenarios of its development. According to the author, the polarization is related to the crisis of globalization and the unfolding strategic rivalry between China and the United States. One of the prospects for such a confrontation may be a new cold war, which is interpreted differently in Chinese and American political science discourse.

Key words: strategic rivalry, new cold war, anti-globalism, neo-Marxism, Trumpism.

Turin E.A.

Savinova E.N.

Mustafin D.O.

The Scottish style in politics: specific and universal manifestations. Part 2

In the second part of their study, the authors note that the Scottish government has gained a reputation as a governing entity that conducts policy in a different way, although, at the same time, the Scottish system of government also faces universal problems. The theoretical and methodological basis of the

article are: comparative ethnopolitical analysis; system analysis; socio-cultural approach; methods of combining sociological and institutional paradigms. The results obtained: 1. The Scottish style is manifested in the features of the political cycle. 2. The essence of the Scottish style is revealed in the fact that it relatively calmly correlates with the competence of the Scottish authorities and the differences in the policy outcomes of Edinburgh and London. Conclusion: The Scottish style (as a special approach) could help solve problems related to fragmentation, ambiguity and discretion if policies are developed jointly and belong to national, regional and local authorities. On the other hand, it implies the need to encourage freedom of action, a significant degree of participation in policy development at the local level, as well as recognition of the fact that some policy directions can be formed in the absence of centralized management.

Key words: Scotland, ethnopolitical specifics of governance, political cycle, prevention policy, transition policy.

Qaisar Ali

Shahid Jan Afridi

The consequences of Israeli attacks on Syria in the context of the Gaza war: a strategic and political analysis

This article examines and analyzes the geopolitical situation in the Middle East focusing on the Israeli attacks on Syria and its implications for the conflict in the Gaza Strip and similarly, this study found out how the complex political dynamics between the Middle East after the fall of Assad and the Israeli attacks on the Golan Heights changes the situation between Israeli and Syrian regional politics highlighting the strategic and political implications of these strikes. In this study, using a comparative political method including content analysis and thematic analysis, the study analyzed that these Israeli military actions are related to the wider regional tensions to achieve its geostrategic position and interests in the region. From a theoretical perspective, neorealist perspectives and power politics, the increase in violence in the Gaza Strip may force Israel to increase its dominance in the region in the long term by using the situation to its national and regional interests by increasing military operations in Syria to mitigate the perceived threats. However, in analyzing the reports, it should be noted that, firstly, the Israeli strikes on Syria worsen the security situation in the Gaza Strip, increasing regional instability, and these attacks confirm Israeli influence from Gaza to Syria. Until now, Syria, Lebanon and Iraq were safe havens for the Palestinians; after the collapse of Syria, there is no room left for support for Palestine. Secondly, the interconnectedness of these regional

conflicts indicates a profound impact on the people of the region; and thirdly, a potential escalation of relations between Israel and Syria could significantly change the geopolitical landscape of the Middle East, which will further complicate the already unstable situation in the Gaza Strip.

Key words: Syria, Israeli attack, Gaza, Golan Heights, Hamas.

Li Jingyuan

Li Pengcheng

**Research on the covered bridge culture in Zhejiang
and Fujian Regions from the perspective of human geography**

Through methods such as literature research, field investigation, and spatial analysis, this paper comprehensively analyzes the intrinsic connection between covered bridge culture and the geographical environment, and explores the covered bridge culture in the Zhejiang-Fujian region. Research has found that the unique topography, climate conditions and water system distribution in the Zhejiang-Fujian region profoundly influence the site selection, construction form and building material choice of covered Bridges. Covered Bridges not only possess unique architectural styles and structural features, but also carry rich social and cultural functions, with profound cultural connotations. In terms of spatial distribution, the culture of covered Bridges presents a specific distribution pattern, and there are phenomena of dissemination and cultural variation and integration among different regions. In response to the impact of urbanization and tourism development on the culture of covered Bridges, protection and inheritance strategies such as strengthening the construction of laws and regulations, carrying out cultural education, and rationally utilizing tourism resources have been proposed, with the aim of achieving the sustainable development of the culture of covered Bridges.

Key words: Zhejiang-Fujian region, covered bridge culture, social geography, cultural heritage protection.

Glebezdin A.V.

Geopolitical aspects national-state the identity of Ukraine

The article is devoted to the analysis of the geopolitical orientation of Ukraine as an important component of the national identity of modern Ukraine. Based on a comparison of geopolitical theories, the article interprets the geopolitical status and self-identification of Ukraine, its role and place in international relations, and the impact of geopolitical choices on the security and sovereignty of the Russian Federation in modern conditions. The author asserts and substan-

tiates the high importance of Ukraine's geopolitical choice for its national-state self-determination in the long term. At the same time, the influence of purely ideological moments on the formation of Ukraine's geopolitical discourse in the post-Soviet period is traced.

Key words: geopolitics, national identity, national security, Russia, Ukraine.

Huang Mingtuo

Language program in Post-Independence Kazakhstan

At the beginning of Kazakhstan's independence, there was a clear trend towards Kazakhization in its language planning, which implied making Kazakh ethnic self-consciousness the basis of the Republic's national identity and Kazakhs a unique status in various spheres. However, the implementation of this policy faced a number of difficulties. As a result, Kazakhstan's ruling elite re-oriented its language planning, which shifted from favoring Kazakh over Russian to the parallel development of Kazakh and Russian.

Key words: language policy, Republic of Kazakhstan, ethnic identification, language planning.

Cui Jianping

On the reasons for settling the border issue between China and Russia

The border issue involves the sovereignty and territorial integrity of the country, as well as the fundamental interests of the state. After more than 40 years of intense negotiations, China and Russia have finally resolved the border issue. The ability of China and Russia to resolve the border issue is the result of a combination of factors. The improvement of Sino-Soviet relations is a prerequisite for the resolution of the border issue. The stable development of Sino-Russian relations is a solid foundation for the resolution of the border issue. Both China and Russia need good security conditions as an external driving force to resolve the border issue. Understanding the relationship between history and reality between China and Russia is key to solving the border issue.

Key words: border issue, Sino-Soviet relations, Sino-Russian relations.

Shahid Jan Afridi

Lapenko M.V.

Qaisar Ali

Analysis of regional interconnectedness of states within the SCO: on the example of Pakistani-Russian relations

Pakistan and Russia share geographical proximity, but historically, this

proximity has not translated into deep cooperation due to Pakistan's alignment with the Western bloc during the Cold War and India's close relationship with Russia. Pakistan's formal accession to the Shanghai Cooperation Organization (SCO), co-founded by Russia, in 2017 marked a significant turning point in bilateral relations. While considerable research exists on the SCO and its progress, studies specifically focusing on Pakistani-Russian relations within the SCO framework remain limited. Pakistan's accession to the SCO coincided with significant regional developments, including the Taliban takeover of Afghanistan, the resurgence of regional terrorism, intensified US-China competition, India's strengthening ties with the US, the Russo-Ukrainian conflict, and Western countries' hesitancy to engage with Russia. An analysis of Pakistan-Russia relations from 2017 to 2024, based on the theory of complex interdependence, indicates progress in cooperation and potential for enhanced collaboration in areas such as security, energy, and cultural exchanges. The shared interests of China and the Central Asian region also highlight the possibility of increased regional cooperation within the SCO. However, several factors have hampered the development of these relations, including Indo-Pakistan tensions, India's membership in the SCO and its historical ties with Russia, Pakistan's perceived vulnerability to external pressures, and regional instability linked to terrorism. Addressing these challenges requires proactive engagement to fully leverage the opportunities offered by the SCO to foster relations and collaboration between Russia and Pakistan.

Key words: SCO, Regional Organizations, Security, CPEC, Terrorism, Pakistan and Russia.

Gerasimov V.M.

Stelmak E.V.

Philosophy of geopolitics: competing narratives within the China–Taiwan–US Triangle

The article substantiates the theoretical and methodological foundations and outlines the content of the philosophy of geopolitics with regard to the competing narratives of geopolitical interaction among China, Taiwan, and the United States. The study analyzes the stages of bifurcation of these competing narratives and examines their plot-semantic trajectories within the dialectics of shifts in meaning and value orientations driven by geopolitical interests.

Key words: philosophy of geopolitics, narrative philosophy of geopolitics, competing narratives, United States, China, Taiwan.

Авторы

Братов С.В. - выпускник аспирантуры. Воронежский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Воронеж.

Герасимов В.М. - доктор психологических наук.

Глебездин А.В. - аспирант 3-го курса. Дипломатическая Академия МИД Российской Федерации.

Данилова Е.В. - студент. ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж.

Иларионова Т.С. - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Казанин М.В. - кандидат политических наук, доцент кафедры международного бизнеса, факультет международных экономических отношений. Финансовый университета при Правительстве Российской Федерации.

Кайсар Али - аспирант, кафедра политологии. Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Университет Абдул Вали Хана Мардан.

Кундич А.Д. - юрист.

Лапенко М.В. - доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Ли Пэнчэн - профессор. Факультет педагогического образования Лишуйского университета, г. Лишуй, провинция Чжэцзян, Китай.

Ли Цзинъюань - аспирант. Географический факультете, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Мустафин Д.О. - аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Парамонов В.В. - магистрант кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России, факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Петрухин К.Ю. - аспирант. Государственное управление и отраслевые

политики, кафедра «История» Российского университета транспорта.

Савинова Е.Н. - кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Стельмак Е.В. - магистр. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Суворов В.Л. - доктор политических наук, профессор, декан факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Тыщенко Е.О. - студентка 4 курса. Юридическая школа Дальневосточного Федерального Университета, г. Владивосток.

Тюрин Е.А. - кандидат политических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики Среднерусского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Цуй Цзяньтин - доктор истории, доцент, кафедра «Международная политика», Институт государственного управления Хэйлунцзянского университета, Китай, г. Харбин.

Шахид Ян Африди - Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, факультет гуманитарных и социальных науки, Университет Абдула Вали Хана Мардан.

Хуан Минто - доктор филологии, доцент. Институт иностранных языков Нанькайского университета.

Authors

Bratov S. V., Postgraduate of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Voronezh branch), Voronezh.

Cui Jianping, Doctor of History, Associate Professor, Department of International Politics, Institute of Public Administration, Heilongjiang University, Harbin, China.

Danilova E. V., Student. Voronezh State University, Voronezh.

Gerasimov V. M., Doctor of Psychological Sciences.

Glebezdin A. V., Graduate Student. Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry.

Huang Mingtuo, Doctor of Philology, Associate Professor. College of Foreign Languages, Nankai University.

Ilarionova T. S., Doctor of Philosophy, Professor of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Kazanin M. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Business, Faculty of International Economic Relations Financial University under the Government of the Russian Federation.

Kundich A. D., Lawyer.

Lapenko M. V., Associate Professor. Peoples' Friendship University of Russia, Department of Humanities and Social Sciences.

Li Jingyuan, Graduate student. Department of Geography, Lomonosov Moscow State University.

Li Pengcheng, Professor. Faculty of Teacher Education, Lishui University, Lishui, Zhejiang, China.

Mustafin D. O., Postgraduate Student of the Department of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

Paramonov V. V., Graduated of department of international security and foreign policy of Russia, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Petrukhin K. Yu., Postgraduate student. Public Administration and Sectoral Policies, Department of “History” of the Russian University of Transport.

Qaisar Ali, Postgraduate Student, Department of Political Science. Peoples'

Friendship University of Russia, Abdul Wali Khan University Mardan.

Savinova E.N., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

Shahid Jan Afridi, Peoples’ Friendship University of Russia, Faculty of Humanities and Social Sciences, Abdul Wali Khan University Mardan.

Stelmak E.V., Master’s Degree of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Suvorov V.L., Doctor of Political Science, Professor, Dean of the Faculty of National Security, Institute of Law and National Security. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Turin E.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of History, Political Science and Public Policy of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”.

Tyschenko E.O., 4th-year student, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

**ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ**

ПО ТЕМЕ:

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ
ЭКОНОМИКА И ЭТИКА**

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
международных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:

etnosocium@mail.ru

Факс +7 (495) 772-19-99

Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЭТНОСОЦИУМ»**

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.

2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объемом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.

3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

**Все права защищены. При использовании
материала ссылка на журнал
«Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.**

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных
представителей Президента РФ
в федеральных округах;
- Государственная Дума;
Аппарат Правительства РФ;
- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные
службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 772-19-99,
факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог
ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи
через Объединенный каталог «Пресса России»
и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60х90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 13,75